

63.3 (2P36-4КУР)

С 90 +

55-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается

СУРОВАЯ ПАМЯТЬ

1941-1945

Шумиха
2000

Муромский областной
Энкластик
И. А. К. Киреев
Книгохранение

002N

СУРОВАЯ ПАМЯТЬ

Составитель и редактор М. Ф. Лисюк

Книга издана по заказу и при поддержке
Администрации Шумихинского района

ISBN 5-86047-112-2

© Администрация Шумихинского района

МЫ ЭТОЙ ПАМЯТИ ВЕРНЫ!

Дорогой читатель! Эта книга включает в себя малую частицу Великой Отечественной войны, освещает жизни и судьбы наших земляков, их посильный вклад в приближение Великой Победы.

55 лет прошло со дня окончания Великой Отечественной войны, но наше поколение хорошо знает, какой ценой далась Победа: страна потеряла более 20 миллионов человек. В этом скорбном списке и более 5 тысяч наших земляков-шумихинцев. И мы должны ценить мир, оплаченный такой ценой, ценой жизни наших отцов, дедов.

Мы не хотим войны, не хотим, чтобы пожар «локальных» вооруженных конфликтов разросся до третьей мировой войны. Не хотим, чтобы в огне истребительных сражений гибли наши дети. А чтобы этого не произошло, необходимо сохранить память об ужасах Великой Отечественной.

В наших сердцах навсегда сохранится священная память о поколении фронтовиков. Мы помним боевые заслуги наших славных земляков-летчиков: одного из первых в стране дважды Героев Советского Союза С. И. Грицевца, дважды Героя Советского Союза К. А. Евстигнеева, Героя Советского Союза П. Г. Агеева. Из этой книги вы узнаете и о других отчаянных, смелых воинах, уроженцах земли шумихинской, отмеченных наградами Родины. А за ратный труд боевыми орденами и медалями было награждено более 4 тысяч наших земляков. Славен их вклад в Победу.

Праздник Победы и сегодня объединяет всех нас, независимо от возраста, политических убеждений и пристрастий. В каждом городе, селе, деревне отмечают этот великий день. В каждом доме поминают павших, ушедших в мир иной, поднимают тост за Победу, потому что все мы верны Памяти.

Это наша с тобой книга, дорогой читатель. И очень хочется верить, что здесь вы найдете немало интересного, а порой и неожиданного, о старшем поколении. Вполне возможно, что книга донесет до вас рассказ об отце, деде. Это они, тогда молодые и здоровые, грудью защитили свою страну, свой родной край, нас с вами. Так будем о них, их подвиге помнить. Эта книга — наша Память.

С. М. Кайгородов, Глава администрации Шумихинского района.

Стар. Герман Советского Союза и уроженец деревни Чудаминское Григорьевич Агеев. Экипажи Балтийского флота, в школу, селся самой первой стая летчиков-истребителей. Параллельно с этим изучал тактику действия «штурмовиков», насладился одиночными вылетами прицельно. Несколько раз применял воздушный таран.

ЖИВОЙ ГОЛОС ОЧЕВИДЦЕВ

В архивной тиши дремлют на полках и медленно покрываются пылью толстые подшивки районной газеты «Знамя труда» за многие годы. На желтеющих от времени страницах любопытствующий всегда может найти откровения ветеранов Великой Отечественной о том жестоком времени, рассказы о фронтовиках, работниках тыла. Однако часто ли заглядываем мы в архивы? И таятся укрытие от глаз современников живые свидетельства о страшном периоде в истории государства Российского, в истории и судьбах его народа.

В предлагаемой вашему вниманию книге вы найдете интересные публикации из газет разных лет. Здесь показан весь спектр суровой жизни в годы Великой Отечественной. Война сквозь прорезь автоматного прицела. Война женским восприятием. Война глазами детей, ввергнутых в жуткую круговерть помимо их воли. Как жилось в тылу, работающем в неимоверно высоком ритме, чтобы обеспечить фронт всем необходимым. И как все это привело к победному 9 мая 1945 года. И здесь перед нами зримо вырисовывается тот вклад, что внес наш район, внесли его люди в желанную Победу.

Признательность и слова благодарности за поддержку и помощь хотелось бы выразить Главе администрации района С. М. Кайгородову. Ведь даже в такое невыносимо сложное время найдена возможность для издания книги. В этом проявилось его чувство понимания значимости военно-патриотического воспитания молодого поколения, привития любви к своей Родине. Проявилось и чувство глубокого уважения к старшему поколению, совершившему боевой и трудовой подвиг в самую страшную из войн. Не на словах, а на деле осуществляет лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто».

Как было бы замечательно для истории, для потомков иметь в числе семейных реликвий и эту книгу, со страниц которой слышится голос деда, прадеда, бабушки, прабабушки, преодолевших военное лихолетье. Или прочитать рассказ о них.

Так перевернем страницу и начнем читать повествование в лицах о людях земли Шумихинской...

М. Ф. Лисюк, член Союза журналистов России.

СЛОВО О ЗЕМЛЯКАХ

Мы помним, что самая жестокая из войн грохотала, рвала землю и человеческие тела, жгла хлеба и дома, калечила судьбы людей 1418 долгих дней и ночей. Мы помним, какие неисчислимы потери в людях понес наш народ. Не забываем мы, что в боевой строй защитников Родины встали более 13 тысяч наших земляков шумихинцев. Никогда не изгладятся из нашей памяти имена свыше 5 тысяч из них, не вернувшихся из кровавой сечи, отдавших за нашу сегодняшнюю свободу самое дорогое, что есть у человека — жизнь. Имена погибших наших земляков внесены в «Книгу памяти». Более 4 тысяч воинов района за ратные подвиги на полях сражений награждены орденами и медалями.

Уже через два дня с начала войны первые команды из мобилизованных мужчин призывного возраста из Шумихи, сел и деревень по железной дороге были направлены в места дислокации своих подразделений, в составе которых им придется служить, воевать. В составе 165 стрелковой дивизии, сформированной в г. Кургане в ноябре 1941 года, в составе 371 стрелковой дивизии, 32 лыжного полка, в составе Уральского добровольческого танкового корпуса воевало свыше 800 шумихинцев. Вообще же наши земляки участвовали в боях под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Орлом, Курском, в Прибалтике, Карелии, освобождали от фашистской чумы страны Европы.

Враг был очень силен, коварен, злобен, он не останавливался ни перед какими преступлениями. В «Красноармейской газете» о страшной смерти нашего земляка из села Галкино узнали невероятное. В саду деревни Снопот гитлеровцы схватили разведчика П. В. Абрамовских. Они не смогли добиться от него ни слова. Тогда красноармейца облили бензином и подожгли. Абрамовских, объятый пламенем, бросился бежать. Ему стали стрелять в спину и потом длинными очередями изрешетили обугленный труп.

Именно ярость против гитлеровцев, чистая и высокая мечта освободить от захватчиков Родину руководила действиями знатного земляка, крылатого сокола Кирилла Алексеевича Евстигнеева, ставшего дважды Героем Советского Союза за мужество и героизм, проявленные в воздушных боях.

Стал Героем Советского Союза и уроженец деревни Чирухино Петр Григорьевич Агеев. Закончив Балашовскую летную школу, перед самой войной стал летчиком-истребителем. Первым в части применил тактику летчика-«охотника», выслеживал одиночные самолеты противника. Несколько раз применял воздушный таран.

Не пришлось сражаться в Великую Отечественную войну славному соколу Сергею Ивановичу Грицевцу, но свой большой вклад в борьбу с фашизмом он внес, за что благодарные земляки его высоко ценят и помнят. Ему довелось участвовать в боях с врагом в небе Испании и Халхин-Гола. В 57 воздушных боях сбил более 30 самолетов противника. 22 февраля 1939 года за образцовое выполнение специальных заданий правительства С. И. Грицевцу было присвоено звание Героя Советского Союза, а через полгода он стал дважды Героем, одним из первых в стране. 16 сентября этого же года славный наш земляк погиб. А сколько бы еще подвигов мог он совершить в борьбе с фашизмом!

Нет, не наград и поощрений искали шумихинцы на фронте, в бой вели их ненависть к посягнувшим на мирный труд, стремление выбить с земли российских фашистов, защитить женщин и детей, города и села. Многие, оставив мирные профессии, становились воинами. В Кушме учителем начальных классов работал А. А. Полуянов, но уже через три дня после начала войны ученики провожали его на фронт. Воевал, защищал Сталинград, прошел с боями до Кенинсберга, дослужился до звания майора. После победы боевой майор вновь стал учителем.

В 1941 году из села Петухи ушли на фронт механизаторы братья Тимофеевы — Осип и Степан Яковлевичи. Старший, Осип, погиб в 1942 году. Младший, Степан, прошел через огонь, кровь и боль. Трижды был ранен, потерял ногу. Но после возвращения домой снова стал работать трактористом.

Уроженцев Шумихинского района можно было встретить на всех фронтах Великой Отечественной войны, во всех родах войск. Были они и среди партизан. Об уроженце села Благовещенского Никифоре Степановиче Попове хорошо знают и помнят в далекой от нас Белоруссии. Именно там, в партизанском отряде «Боевой», сражался наш доблестный земляк.

Сколько талантов недосчиталась земля наша после войны, сколько одаренных, интересных, незаурядных личностей ушло на фронт и погибло! Шестнадцатилетний Коля Сапогов писал пейзажи нашей неброской и очаровательно природы. В каждом мазке чувствовалась рука будущего художника. Но в семнадцать лет он из родного села с поэтическим названием Крутая Горка ушел на фронт, как и старший брат Александр. И не вернулись братья, сложили свои головы за свободу и независимость Отчизны. Не будет больше художника, не будет и брата его, хлебороба. Но осталась о них благодарная память потомков.

Литература: Шумихинский районский краеведческий музей. — Шумиха, 1997.

Нельзя не сказать, что в числе защитников Родины плечом к плечу с мужчинами сражались и женщины. Одни из них были медицинскими сестрами, выносили под огнем врага раненых с поля боя. Другие служили в зенитных подразделениях, третьи связистами... Среди тех, кто воевал и имеет боевые награды, А. Г. Каллер, М. Н. Алексеева, Н. А. Орлова, Н. Г. Захарова, К. С. Дягилева, Т. Ф. Ковальчук, В. С. Троицкая, М. С. Костюк и многие другие.

Когда мужчины надели военную форму, ушли в бой, их места за станками, рычагами тракторов, на ферме, в поле заняли женщины и дети.

Осенью 1941 года в Шумиху пришло оборудование и сырье одного из цехов эвакуированного завода противопожарного оборудования им. Войкова из Запорожья. В феврале 1942-го прибыл эшелон со станками и другим оборудованием с Московского государственного подшипникового завода. Под руководством прибывших специалистов все это было перенесено в несколько приспособленных помещений. Однако зданий не хватало, и те же женщины, подростки — основная рабочая сила военного времени — взялись за строительство производственных цехов. За считанные месяцы оба предприятия восстановили свой потенциал и стали выпускать продукцию для фронта: один завод реставрировал подшипники, другой производил мины. У станков, подставив под ноги ящики, стояли подростки; грузчиками, литейщиками трудились женщины.

И в сельском хозяйстве женщины заменили ушедших воевать мужчин. Варвара Ивановна Алымова из колхоза им. Калинина проводила на войну супруга и осталась с тремя детьми на руках. Стала бригадиром госсортоучастка, где работать пришлось от темна до темна. И так всю войну: работа, дети, редкие весточки с фронта. Да и они однажды прекратились — муж погиб. За свой труд награждена Варвара Ивановна орденом Ленина.

Вот так и приходилось женщинам, пенсионерам все годы войны, напрягаясь на пределе сил, везти огромный воз тяжелой мужской работы. И школьники по мере своих сил старались помочь хоть чем-то.

На фронт бесперебойно от тружеников тыла поступали не только продукты, но и построенные на денежные средства людей самолеты, танки. Так, Рижский пункт всеобуча в составе 12 человек на постройку танковой колонны внес 780 рублей. Коллективы райздравотдела и амбулатории вложили 1165 рублей. Вклад тружеников колхоза им. Калинина составил 12 тысяч рублей, им. Чкалова — 33700 рублей, Тра-

вянского сельсовета — 60065. Всего же по району, по неполным данным, на строительство только танковой колонны «Челябинский колхозник» собрано 615315 рублей.

Самим неимоверно трудно жилось, но люди протягивали руку помощи тем, кто потерял все. Для них была проведена кампания по сбору вещей. Собирали посуду, варежки, теплые носки, нижнее белье. Отрывали от себя последнее, но несли.

В районе в годы войны функционировало несколько детских домов, в которых нашли приют дети, потерявшие родителей в это страшное время. Доброй памятью о щедрости, широте души наших земляков говорит письмо, что пришло в 80-е годы в адрес жителей села Птичье:

«Здравствуй, село Птичье! Здравствуйте, его добрые люди! Привет вам и наилучшие пожелания из Белоруссии. Вас с благодарностью вспоминает семья Быховец Марии Исаковны, которую вы приютили в 1941 грозном году и окружили заботой и вниманием. Прошло сорок лет, как мы возвратились на родину, но Птичье с благодарностью вспоминаем. Село Птичье и его люди сохранили нам семью. Уже вряд ли кто помнит эвакуированную семью во главе с Быховец Марией Исаковной, работавшей в школе преподавателем литературы и по совместительству — завучем московского детского дома, эвакуированного в Птичье...»

Нельзя забывать и то, что в адрес фронта регулярно шли посылки — продуктовые и с теплыми вещами. Производился сбор валенок, полушубков, рукавиц, вязаных носков и другого. Фронту отдавали все, от фронта ждали одного — Победы.

И она пришла. Далась ценой неимоверных усилий, ценой большой крови. Более 5 тысяч погибших шумихинцев сложили свои головы под Москвой и Ленинградом, Сталинградом, Оршей, на Украине, в Белоруссии, Румынии, Германии. Вечная им память! Вечна и светла скорбь близких, не дождавшихся и после Победы своих дорогих и единственных.

Однако нет правил без исключений. Иногда ошибалась бумага с черной вестью — похоронка, приходившая в солдатскую семью. Борис Петрович Самусев из Шумихи и Андрей Григорьевич Томилов из села Субботино воевали в одном 135-м гаубичном артполку резерва Главного командования. В обе их семьи пришло по похоронке, из которых явствовало, что без вести пропали оба 3 июля 1942 года у переправы через реку Оскол. Однако живы-здоровы вернулись оба по окончании войны к своим семьям, мирному труду.

В разные годы получили черную весть семьи Р. Ф. Дружкова, П. М. Исакова из Шумихи, И. Д. Кобелева из Кушмы, И. И. Евдокимова из Мало-Дюрягино, А. И. Леготина из Галкино, А. Я. Шацких из Карачельского, А. Н. Евдокимова из Столбово, Н. А. Иванова из Трусилово и еще два десятка семей. Однако официально похороненные мужчины вернулись домой, где не верили в их гибель и ждали.

Но такими счастливыми были, считай, единицы, остальным пяти тысячам уже никогда не побывать в родном краю. Памятью о тех дорогих потерях стали почти в каждом селе памятники погибшим в страшной войне. В городе Шумихе открыт мемориал в честь земляков, сложивших головы на дорогах войны, с именами, отлитыми в металле. В День Победы здесь загорается огонь, в почетном карауле стоят школьники. В местном ПУ-16 работает музей имени дважды Героев Советского Союза летчиков-асов С. И. Грицевца и К. А. Евстигнеева.

Никто не должен быть забыт, ничто не забыто. Слишком дорогой ценой все оплачено.

Печальная статистика выявилась при попытке проследить родовые, фамильные корни, подрубленные войной. Самый обильный урожай смерти собрала среди Леготиных — 68 человек. Галкинских среди них 35, девять — из Карасевой, шесть — из Михайловки, остальные из других мест нашего района. Много погибло наших земляков с фамилией, на которой Россия держится, Иванов — 65 человек. Девять из них из Шумихи, восемь — из Трусилово, семь — из Галкино, шесть — из Хохлов, и по одному-два практически из каждой деревни района. 40 мужчин с фамилией Маткин осталось на полях сражений. До войны 19 из них мирным трудом занимались в Риге, 19 — в Якшино, другие в Назарово, Галкино, Стариково, Б. Жужгово. Дюрягины, 38 крепких здоровых мужиков, уже никогда не вернутся ни в Мало-Дюрягино, где до войны жили 24 из них, ни в Шумиху, ни в Кушму, ни в Воробьево, ни в Карачельское. По 30 и более человек недосчитались после окончания войны Семеновы, Рязановы, Банниковы и другие.

Можно насчитать сотни семей, из которых на фронт уходили сразу несколько мужчин, так и не вернувшихся потом домой. Невосполнимый урон нанесла война семье Шавриных из села Рига. Взяли в руки оружие братья Иван, Семен, Николай и Василий (все — Васильевичи). Ни один не вернулся. Жестоко обошлась судьба с Пелагеей Кузьмовной Петровой из села Благовещенского: три ее сына и три зятя не вернулись с фронта. Вот их имена: Василий Иванович, Ни-

колай Иванович и Сергей Иванович Петровы, Иван Георгиевич Букреев, Михаил Иванович Зайцев, Максим Андреевич Еремин. В этом же скорбном списке братья Сухоплюевы из поселка Красный Яр — Егор Осипович, Ефим Осипович и Михаил Осипович. В трудное для страны время вместе с Иваном Николаевичем Чигинцевым военную форму надели его сыновья Сергей и Николай. Ни один из них не увидел после войны родного села Галкино, все полегли на поле брани. В семье Киршиных из Риги сестры не дождалась братьев Петра Сергеевича и Дмитрия Сергеевича, похоронки пришли и на мужей — Шаламова Якова Илларионовича и Киршина Ивана Александровича.

Война — это страшно, война — это проклятие человечества. И тем более забывать о ней нельзя.

М. Лисюк.

1985 год. Шумиха. 40-летие Победы. Венок славы — к обелиску землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

В СИНЕМ НЕБЕ МАЙОР ГРИЦЕВЕЦ

Сергей Иванович Грицевец родился в 1909 году в д. Боровцы Барановичского района Брестской области в семье бедного крестьянина. По национальности белорус. Член КПСС с 1931 года.

В годы первой мировой войны вместе с родителями приехал в Южное Зауралье. После окончания в 1927 году Шумихинской железнодорожной семилетней школы Сергей Грицевец начал работать на станции Шумиха. Через год уезжает в Златоуст и поступает на механический завод учеником слесаря. Вскоре заводская комсомольная избирает его секретарем цеховой комсомольской организации. В 1931 году выдвигается на работу в аппарат Златоустовского горкома комсомола, и в этом же году по комсомольской путевке поступает в Оренбургскую военную школу

летчиков, которую окончил в 1932 году и был направлен в истребительный авиационный отряд Киевского военного округа.

За образцовое выполнение специальных заданий правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за проявленный героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1939 года Сергею Ивановичу Грицевцу присвоено звание Героя Советского Союза, а через полгода — 29 августа — он стал дважды Героем Советского Союза.

16 сентября 1939 года майор С. И. Грицевец погиб. В поселке Балбасово Оршанского района Витебской области недалеко от места его гибели воздвигнут памятник, на постаменте которого высечено: «Грицевец С. И. — 1909-1939». Памятники отважному летчику воздвигнуты также в Минске и Барановичах Белорусской ССР.

Имя дважды Героя Советского Союза С. И. Грицевца присвоено Харьковскому высшему военному авиационному училищу летчиков, одной из улиц Москвы, Кургана и Шумихи.

Однажды зашел ко мне старый коммунист Н. Е. Белан. Поздоровавшись, он осторожно, с заметным волнением положил передо мной почтовую марку. Смотрю, а на ней портрет дважды Героя Советского Союза С. И. Грицевца. Министерство связи СССР выпустило ее к 60-летию со дня рождения отважного летчика.

— Вы знакомы с ним? — спросил я Николая Ефимовича.

— Мы — однокурсники. Вместе поступали в Оренбургскую школу летчиков, и зачислили нас в одно отделение. Сергей к учебе относился серьезно, старательно выполнял все задания. А в минуты отдыха он брал мандолину. Играл блестяще, с упоением. Курсанты заслушивались его игрой. До сих пор помню, как Сергей исполнял полонез Огинского...

Сергей Иванович прожил короткую, но яркую жизнь. Он был замечательным комсомольцем и коммунистом, смелым летчиком и настоящим товарищем. Это подтверждалось всеми его делами, всей его жизнью.

1936 год. В Испании разразилась гражданская война. Против республики поднял мятеж фашистский генерал Франко. В помощь ему Гитлер и Муссолини направили свои войска и военную технику. Но республиканская Испания не осталась одинокой. Ее поддержали антифашисты многих стран мира. Отправились в Испанию и советские добровольцы. Среди них был Сергей Грицевец. Вместе со своими товарищами — летчиками-истребителями он отражает в небе Испании налеты итальянской и германской авиации. В 57 воздушных боях Грицевец сбил более 30 фашистских самолетов. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

1939 год. В районе реки Халхин-Гол агрессоры вторглись на территорию дружественной Монголии. На помощь ей советское правительство направляет необходимое количество стрелковых дивизий, артиллерию, танки, авиацию. По предложению наркома обороны К. Е. Ворошилова в район боевых действий вылетела группа военных летчиков в составе 21 Героя Советского Союза. Вместе с ними был С. И. Грицевец.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, под командованием которого части Красной Армии вместе с монгольскими войсками нанесли японским агрессорам сокрушительный удар, с особой теплотой отзывался о летчиках-Героях Советского Союза. Их роль в разгроме японцев в районе реки Халхин-Гол очень велика. Они провели большую учебно-воспитательную работу с молодыми летчиками, передавали им свой боевой опыт, научили одерживать победы в воздушных боях с японскими «асами».

В группе Героев Советского Союза своим бесстрашием и находчивостью выделялся С. И. Грицевец. В небе Монголии он участвовал во всех крупнейших воздушных боях.

22 июня 1939 года в воздушном сражении против 95 наших истре-

бителей участвовало 120 японских самолетов. Бой выиграли советские летчики. 24 июня японцы вновь пытались нанести массированный удар и снова оказались биты. 26 июня японское командование, направив против наших эскадрилий 60 самолетов, управляемых самыми опытными летчиками, пыталось взять реванш. Снова неудача. За три боя враг потерял 64 самолета. И в последующих сражениях преимущество оставалось на нашей стороне.

3 июля японские милитаристы начали наступление, поставив задачу окружить и разгромить советские и монгольские войска, расположенные на восточном берегу реки Халхин-Гол, форсировать ее и захватить плацдарм на западном берегу. Контрудар советских и монгольских войск сорвал этот план. Оставив на поле боя тысячи трупов и большое количество орудий, пулеметов, минометов, винтовок и машин, японцы в беспорядке отступили на исходные позиции. В этом сражении наши летчики сбили еще 45 вражеских самолетов.

После этого поражения враг отказался от попытки захватить плацдарм на западном берегу реки Халхин-Гол и приступил к укреплению оборонительных линий по всему фронту. Командование советско-монгольских войск стало готовиться к генеральному наступлению, чтобы окончательно разгромить агрессоров, вторгнувшихся на территорию МНР.

Наша авиация во главе с Героями Советского Союза продолжала наносить удары по тылам противника, не давала возможности врагу вести разведывательные полеты и бомбардировочные удары по нашим позициям. С 23 июля по 4 августа было сбито еще 116 японских самолетов.

20 августа 1939 года началось наступление советско-монгольских войск, и через 10 дней японская армия была полностью уничтожена. Империалистическая Япония не смогла осуществить свои захватнические планы. В ее разгроме принимали участие 150 советских бомбардировщиков и около 100 истребителей.

«Нельзя забыть, — вспоминает Г. К. Жуков, — героических подвигов летчиков Я. В. Смушкевича, С. И. Грицевца, В. М. Забалуева, Г. П. Кравченко, В. Ф. Скобарихина, В. Г. Рахова и других, которые показали образцы мужества и отваги».

Каждый из них внес большой вклад в разгром японской боевой техники. Причем счет лично сбитых вражеских самолетов С. И. Грицевец довел в Монголии до 42. Внушительная цифра!

На счету майора Грицевца не только сбитые японские самолеты, но и спасение в ходе воздушных боев командира авиационного полка

В. М. Забалуева. О том, как это произошло, рассказал в 1939 году сам Грицевец. Его корреспонденция «Про Забалуева» была опубликована летом 1939 года в «Комсомольской правде». Приводим ее полностью:

«Был у нас воздушный бой с японцами. Не стану вам описывать его. Врага мы потрепали здорово. Вдруг замечаю, что Забалуева нет. А бились мы рядом. Делаю круг, ищу его сначала вверху, потом внизу и вдруг вижу: Забалуев сидит на земле. А земля-то чужая, манчжурская. От границы километров шестьдесят.

Я уже ничего не чувствую, ни о чем не думаю. Одна мысль у меня: забрать командира и улететь.

Начинаю спускаться. Все время, не отрываясь, смотрю на Забалуева. И вижу: он выскочил из самолета и бежит. Бежит и на ходу все с себя скидывает — парашют, ремень, ну, словом, все тяжелое. Бежит с пистолетом в руке.

Мне плакать захотелось, честное слово! Ну куда, думаю, ты бежишь? Ну, пробежишь сто, двести метров, а дальше? Ведь до границы шестьдесят километров. А там еще пройти через фронт.

Рассказываю я это вам долго, а подумать — тысячная доля секунды.

И вот интересно: казалось бы, не до этого, и вдруг я вспомнил, как он накануне про своего сынка маленького рассказывал. Черт его знает, какая-то отчаянная нежность у меня была к Забалуеву в этот момент. «Погибну, — думаю, — а выручу тебя!»

Захожу на посадку и, знаете, так спокойно, на горке, ну, словно сажусь на свой аэродром.

Самолет уже бежит по земле. Прыгает. Место кочковатое. Конечно, была опасность поломки. Ну что ж, остались бы двое, все же легче.

Беру пистолет и вылезая на правый борт. Сам озираюсь: не видать ли японцев? Все боюсь: сбегутся проклятые на шум мотора. Забалуев уже возле самолета. Лезет в кабину. Говорить нет времени. Лихорадочно думаю: «Куда бы тебя, дорогой, поместить?» Самолет ведь одноместный.

В общем втискиваю его между левым бортом и бронеспинкой. Вдруг мотор зачихал. Забалуев в этой тесноте захватил газ и прижал его на себя. И винт заколебался, вот-вот остановится. А повернуться ни один из нас не может.

Но тут я даю газ «на обратно», и самолет у меня как рванул — и побежал, побежал!

Новая беда. Не отрываемся. Уж, кажется, половину расстояния до Ганьчжура пробежали, а не отрываемся. Думаю: «Только бы ни одна кочка под колесо не попалась...»

Оторвались! Убираю шасси. Теперь новое меня мучит: хватило бы горючего. Ведь груз-то двойной. Высоты я не набираю, иду бредущим, низенько совсем, чтобы не заметили.

Нашел я свой аэродром, сел, выскочил. «Ну,— кричу всем,— вытаскивайте дорогой багаж!»

Никто не понял, думали, что японца привез, вот история!».

Так закончил свой рассказ С. И. Грицевец.

«Сколько было радости, когда летчики увидели нас живыми и невредимыми», — вспоминает Герой Советского Союза В. М. Забалуев.

Отмечая особо выдающиеся заслуги советских воинов в разгроме японских милитаристов на реке Халхин-Гол, Президиум Верховного Совета СССР присвоил семидесяти из них звание Героя Советского Союза. А летчики С. И. Грицевец и Г. П. Кравченко первыми в нашей стране стали дважды Героями Советского Союза.

16 сентября 1939 года нелепая смерть оборвала замечательную жизнь отважного летчика. Трудящиеся Белоруссии, Южного Урала и Зауралья гордятся своим славным сыном. Имя и героические дела Сергея Ивановича Грицевца будут жить в веках!

В. Гусев.
1975 г.

ОН СЛАВНО БИЛСЯ...

Письмо от сестры дважды Героя Советского Союза Сергея Ивановича Грицевца Евгении Ивановны Войчук из Киева извещало, что на мое имя отправлен объемистый пакет. Ждать пришлось недолго. С нетерпением разворачиваю пришедший пакет. Содержание прочитываю на одном дыхании.

...Белорусская деревня начала двадцатого века. Бедность потрясающая. Большая семья Грицевцов ютится в одной-единственной комнате на общих нарах. Лишь дед Антось «оккупировал» печку, потому что именно он и был главой семьи.

Иван Антонович и Анна Фоминична, отец и мать будущего дважды Героя Советского Союза просыпались с первыми петухами, если это происходило осенью и зимой. В пять часов утра родители будущего летчика возвращались с молотьбы, чтобы «снестать».

«Картошку с ржаным хлебом Иван Антонович запивал холодной водой из ведра и на весь день отправлялся чистить снег на железной дороге. За это он получал сорок копеек в день. Жили голодно...» — вспоминает Евгения Ивановна Войчук.

«Вспоминая его яркую, но такую короткую жизнь, — пишет далее сестра Сергея Ивановича Грицевца, — я вижу веки стремительного пути брата. 1924-й год — вожатый пионерского звена. 1927-й — Шумихинская железнодорожная семилетка окончена с похвальной грамотой. В том же году, Николай Дерябкин, друг юности научил его играть на балалайке, гитаре, мандолине, скрипке. 1931-й год — Сергей вступил в партию и уехал учиться в Оренбургскую авиационную школу.

Глубина и основательность в овладении летными знаниями были, как говорят, в крови будущей авиационной знаменитости. Помню, как он привез из Оренбурга плакатик, в котором курсанты призывались равняться на Сергея Грицевца в боевой учебе. Однажды за его полетом наблюдал Валерий Чкалов и похвалил за технику пилотирования...»

«Окончена Оренбургская военная авиационная школа. Сергей Грицевец с увлечением летает в Киевском, Ленинградском, Забайкальском военных округах. Вскоре он — начальник воздушно-стрелковой подготовки Краснознаменной эскадрильи Первого советского авиационного отряда, которым командовал В. А. Судец, впоследствии маршал авиации.

В истребительной авиации вводилось новшество — бой на вертикальном маневре. Сергей Грицевец освоил его одним из первых в отряде. Дух новаторства неизменно отмечали командиры у Сергея. Этот

же дух новаторства никогда не давал ему покоя. Быть всегда первым — это у Грицевца не от честолюбия, а от ясности понимания долга перед Родиной», — пишет сестра Героя.

«Сергей, — читаем дальше, — был не только хорошим летчиком, он увлекался и парашютным спортом. Заметьте: всегда старался прыгать первым. Красиво это у него получалось! Он и его друзья Петр Неделин, Павел Коробков, Николай Романов, Иосиф Хотелев, Василий Старков вскоре оказываются в Одессе, где в авиационной школе готовили из кадровых офицеров-летчиков военно-воздушных сил Красной Армии мастеров воздушного боя...»

Сущность человеческая подчас проявляется в поступке, на первый взгляд вроде бы незначительном. Но как много он может сказать, такой поступок!

Однажды, дело было еще в детские годы Сергея Грицевца, в их семье потерялась корова. Трое суток скитался Сережа по лесам, спал на деревьях, а корову свою, а также корову друга все-таки нашел.

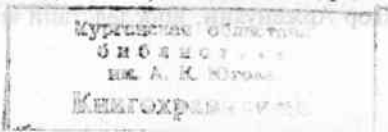
А вот еще один незначительный поступок. 27-летним летчиком шел Грицевец с аэродрома. Торопился к жене Галине Евгеньевне и трехлетней Лорочке, которых очень любил. Но вдруг его остановило жалобное мяуканье. Сергей Иванович в высокой траве нашел котенка, у которого была отдавлена лапка. Бережно поднял его Сергей с земли и принес домой. Выхаживали котенка всей семьей...

Когда Сергею исполнилось шестнадцать лет, он с пудом муки для прокорма уехал из Шумихи в Златоуст, где и начал самостоятельную жизнь: стал квалифицированным, высокосоциальным рабочим, секретарем комсомольской организации цеха на механическом заводе.

18 июля 1936 года начался фашистский путч в Испании. Сергей Грицевец вместе с товарищами подал рапорт командованию с просьбой об отправке добровольцами в Испанию.

И вот в одно из воскресений мая 1938 года, когда Сергей Грицевец отдыхал у моря, — отдых заключался в том, что он стремительно носился по узкой тропинке на мотоцикле, недавно купленном на премию (Сергей в трудных условиях сумел спасти самолет), Грицевец узнал, что рапорт его и его товарищей об отправке в Испанию удовлетворен.

Однако это еще не означало, что мечта их уже сбылась. Брели, конечно, только добровольцев. И только мастеров своего дела. Члены комиссии в одном из желтых особняков Наркомата обороны были предельно строгими. Выспрашивали дотошно, не было ли в практике летных происшествий.

— Были,— ответил Грицевец.

Комиссия насторожилась: еще не было случая, чтобы в этой комнате вот так запросто говорили об авариях.

— Были. На Дальнем Востоке при полете на истребителе И-16 однажды отказал мотор. Осматриваюсь: кругом пересеченная местность, садиться негде, справа — лес, слева — овраги, впереди — поселок. Самолет быстро теряет высоту. Для машины необходима сравнительно большая и ровная площадка, чтобы можно было сесть хотя бы на фюзеляж. Решаю приземлиться у населенного пункта, но впереди вырастает телеграфный столб. Выхода нет. Вижу, что правой плоскостью врежусь в него...

— И что же случилось с самолетом? — нетерпеливо спросил Грицевца один из членов комиссии.

— От самолета остались одни лишь щепки...— И тут же, чтобы смягчить впечатление, поспешил разъяснить:

— Столб я видел еще на планировании. Но левее садиться было нельзя: там рытвины. Костей бы не собрал. Правым крылом я умышленно решил зацепиться за столб, имея в виду, что самолет развернется вокруг него, и мне удастся избежать удара о постройку, расположенные впереди. Мой расчет вполне оправдался...

Первую Звезду Героя Сергей Иванович Грицевец получил «за образцовое выполнение специальных заданий правительства и за проявленное геройство». Об этот поведдал стране Указ ЦИК СССР от 22 февраля 1939 года. Поясним: за бои в Испании.

Вторую Звезду Героя «за образцовое выполнение боевых заданий и выдающийся героизм, проявленный при выполнении боевых заданий, дающих право на получение звания «Героя Советского Союза». Об этом вся страна узнала из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 года. Поясним снова: за участие в боях с японскими самураями на реке Халхин-Гол.

Мне пришлось много писать, отыскивая крупницы достоверных сведений о выдающемся летчике двадцатого века Сергее Ивановиче Грицевце. На этом пути было немало неудач. Но были дни, когда случался успех.

Испанская эпопея Грицевца воссоздана мною, в основном, по письмам, которые я получал от его соратников.

И вставала такая картина.

Сразу же по приезде в Испанию группу наших летчиков встретил Федор Арженухин, впоследствии маршал авиации.

— Дорогие товарищи! — сказал он. — Вашей группе будет много тяжелее, чем всем предыдущим. Гитлер и Муссолини с каждым месяцем посылают в Испанию все больше самолетов. Нам же политика невмешательства ставит все больше рогаток и преград на путях, ведущих в республиканские порты, в страны, граничащие с Испанией. Нагрузка на летчиков возрастает. Принимайте ее, товарищи! Вы не должны, не имеете права потерять хоть каплю той славы, что досталась вам в наследство от боевых товарищей, сражавшихся в республиканской авиации в 1936-м и в 1937-м годах.

Скоро командир эскадрильи Грицевец убедился, что фашистские летчики, особенно немцы, отменно подготовлены, а «мессершмитты», на которых они летают, маневренны, обладают высокой скоростью, мощным вооружением, шутки с ними плохи.

А тактика? Сами бои приносили что-то новое в копилку боевого опыта. Например, стали с обеих сторон применять большие массы самолетов: иной раз по несколько десятков сразу. В учебниках теории об этом еще не писали. Как говорится, наши летчики сами давали уроки, сами же и учились. Учились, строго, внимательно, ибо оценку ставила сама беспощадная действительность.

— Чтобы воевать, побеждая, — говорил Грицевец своим летчикам, — мы должны прилежнее и больше врагов учиться побеждать.

Не просто, нет, совсем не просто начать жить под диктовку войны. Вылеты следовали один за другим. Вот и на этот раз Сергей Грицевец поднял своих соколов с аэродрома «Вальс». Поднял двенадцать истребителей. Было приказано сопровождать бомбардировщики СБ, которые шли бомбить тыловые объекты мятежников.

— Задание, — вспоминает генерал-лейтенант в отставке Петр Иванович Неделин, — в общем-то азбучное: ты отвечаешь за сохранность тяжелых машин, не выпускай их из поля зрения. Если противник попытается напасть на них, не подпускай его истребители. Пойдут напролом — сбивай, тарань.

До цели бомбардировщикам оставалось совсем немного, когда группу атаковали «фиаты», вполне современные итальянские истребители, вооруженные четырьмя крупнокалиберными пулеметами. Их было в два раза больше, чем республиканских истребителей. И закружилась-закачалась как маятник в испанском небе огненная карусель.

Итальянцы, похоже, поняли, что числом не взять, чуть растерялись, и уже инициатива боя у наших соколов. Задымил и как-то круто пошел к земле еще один «фиат». И почти тут же поверженным оказался другой. Остальные спешат удрать.

— Напряжение в тот момент,— продолжает генерал-лейтенант авиации,— и физическое, и в нервное было так велико, что казалось, бой длился несколько часов. На самом деле же все решалось в минуты. А как, впрочем, решалось? Где наши бомбардировщики?

В горячке боя мы о них... забыли! За-бы-ли! Но ведь нашей задачей было сопровождать и охранять их. Значит, мы не выполнили приказа! Отчаянно дрались, сбили три «фиата», но бросили бомбардировщики на произвол судьбы и, возможно, обрекли их тем самым на верную гибель.

А где же Грицевец? Что с ним? А Сергей Грицевец тем временем возвращался с бомбовозами на свой аэродром. Свое задание они выполнили. Без потерь, во многом обзанные своим успехом, да и самой жизнью, сопровождавшему их истребителю.

Раций на самолетах тогда не было, и Грицевец не мог сообщить летчикам группы сопровождения, что разгадал маневр противника втянуть в схватку наши истребители, отвлечь их, расправиться, увести оставшихся от бомбардировщиков, а с бомбардировщиками тотчас разделается воздушная засада, державшаяся до поры до времени в стороне.

Товарищ Грицевца поддались на уловку и в азарте борьбы упустили из виду бомбардировщики. Притаившиеся в засаде «фиаты» уже предчувствовали легкую добычу. Но бесстрашный истребитель кинулся им наперерез, ошеломил своей дерзостью, сломал их строй, широкими, неожиданными маневрами спутал карты.

Фашисты пытались атаковать, но он ловко уходил из-под удара, «втирался» в группу «фиатов», и по нему нельзя было бить, рискуя расстрелять своего же. «Фиаты» отгоняли его, но стоило им нацелиться на бомбардировщики, как Грицевец появлялся снова: или пикировал сверху, или «вис» у занявшего самую выгодную позицию «фиата» на хвосте. Он измотал, истерзал их, двух «убрал» с неба, а остальные, поняв, что затея сорвалась, скрылись.

Испанцы, пилоты спасенных Грицевцом бомбардировщиков, приехали после полета к истребителям, чтобы поблагодарить «камарато Сергио». Они качали его и скандировали: «Вива, Россия!» А он закрывал глаза и морщился от боли: пуля задела левую руку, и та противно ныла.

Сергея «приземлили», а потом попросили показать свой самолет. Он повел всех. Испанцы долго качали головами, а один из них принял считать пробоины на фюзеляже, плоскостях. Грицевец тронул его здоровой рукой за плечо: не надо! И стал выбрасывать растопыренные пальцы: техники уже успели насчитать 19 пробоин.

В другой раз случилось так, что Сергей Грицевец вступил в воздушный бой с пятью «фиатами». Он все время, все пятьдесят минут боя, был в головокружительном маневре, выполняя то горизонтальные, то вертикальные развороты, падая, как сокол на зазевавшегося врага. То уходил отвесно вниз, уклоняясь от ударов, то вдруг, приблизившись к врагу, давал короткие очереди из четырех пулеметов. И одного «фиата» свалил, другие четыре тоже были повреждены!

— Воевать надо творчески! — говорил Грицевец своим боевым товарищам.

— Давайте попробуем свести в одну группу И-16 и И-15, — предложил он однажды. — Этим самолетам дадим разные «этажи» и, соответственно, разные обязанности. И-16 будут атаковать «мессеров» или «фиатов» на большой высоте и «жать» их вниз, а там наготове будут «чайки». Попробуем?

В предложении опытного летчика-новатора смысл был определенный: у И-16 «потолок» выше, у И-15 лучше маневренность.

Буквально на следующий день представилась возможность практикой проверить теорию. «Юнкерсы» прорывались к переправам через реку Эбро. Наши не дали им сбросить бомбы. Тут как тут оказались «мессеры». Пришлось, что называется, выяснять отношения.

И-16 выдержали короткую, но жестокую схватку на высоте около шести тысяч метров. Выдержали на пределе сил, потому что немцы летали с кислородными приборами, а наши летчики без них. На большой же высоте воздуха и так не хватает, а физические и нервные нагрузки брали за горло уже после первых маневров. Но из наших летчиков никто не отступил. Проиграв высоту, «мессершмитты» вынуждены были опуститься на нижние «этажи», где их подстерегали «чайки».

Позже этот тактический прием пришлось из своего арсенала убирать, но роль свою он, однако, сыграл.

26 августа 1938 года газета «Правда» писала:

«Сообщаем подробности о действиях авиации 23 и 24 августа. На фронте Эбро республиканская авиация выдержала три сражения с фашистской авиацией. Во время первого сражения двадцать республиканских истребителей встретились с тридцатью шестью «фиатами». В результате боя сбито семь «фиатов»...

4 октября «Правда» опять сообщает о боях в испанском небе:

«Восточный фронт. В завязавшемся воздушном бою между 25 истребителями республиканских войск и 55 «фиатами» противника были сбиты два фашистских самолета. Республиканцы потеряли один истребитель».

«6 октября. Восточный фронт. Во время воздушного боя против 12 двухмоторных фашистских самолетов и большого числа германских истребителей республиканские летчики сбили один двухмоторный самолет и один истребитель, вернувшись на свои базы без потерь».

«Правда» же в конце июля, через пятнадцать дней после начала операции на реке Эбро, длившейся более 113 дней, писала:

«Патриоты Испании отдают сейчас самое дорогое - жизнь, сражаясь на земле Леванта во имя счастья своего народа. Герои Леванта — это командиры Народной армии, танкисты, пехотинцы, рабочие Сагунто, машинисты бронепоездов, артиллеристы, а также и бойцы тыла, рабочие и работницы Валенсии, добровольцы-фортификаторы. Их имена войдут в историю защиты независимости Испании, как и имена их собратьев — защитников Мадрида».

Голосом «Правды» великая Родина — СССР — говорила и о своих посланцах — волонтерах Свободы испанского народа.

«Погода здесь жаркая, — писал он. — Да и работа жаркая, даже в глотке пересыхает, но ничего, на то и работа. Обнимаю вас, мои дорогие, нежно. 29 июля 1938 года. Сергей Грицевец».

По пять-шесть вылетов в день! Схватки с трехкратно, а то и пятикратно превосходящим по численности противником! А в это время на франко-испанской границе в ящиках лежало около ста отличных истребителей, доставленных из СССР. Комитет по невмешательству делал свое предательски-черное дело, блокируя Испанскую республику и на воде, и на суше. Потому-то так густо фашистов в небе. Бывали дни, когда до четырехсот вражеских самолетов налетали на позиции республиканцев. С 1 по 8 октября фашисты на реке Эбро потеряли восемнадцать самолетов, о чем сообщала «Правда» 10 октября 1938 года.

15 октября 1938 года было объявлено, что через день-два предстоит отъезд добровольцев на Родину.

— Будем летать до последнего, — сказал Сергей Грицевец.

И летали до самого последнего дня. Когда ты пять месяцев был в ежедневном пекле, смотрел смерти в лицо, и она на тебя смотрела, такое решение значит очень и очень немало.

Родина встретила героев испанских боев с ликованием. Сергей Грицевец, майор Красной Армии, стал Героем Советского Союза.

Но не прошло и семи месяцев со дня возвращения на Родину, как она снова позвала своего сына-воина в бой.

Дело в том, что 23 мая 1939 года в районе реки Халхин-Гол японско-манчурские войска вторглись на территорию Монгольской На-

родной Республики. А дальним прицелом, конечно же, было испытание крепости и прочности наших дальневосточных границ. Это была «репетиция» японцев в осуществлении своих давних расчетов в отношении Забайкалья и Сибири. И хотя японцы знали о существовании договора о взаимопомощи между СССР и МНР, это не удержало их от агрессивной авантюры.

Бои с японской авиацией были ожесточенными. Грицевец и его испанские соратники — Герои Советского Союза Павел Коробков, Николай Герасимов, Сергей Денисов, Иван Лакеев, Борис Смирнов, Александр Гусев, Виктор Рахов — быстро разобрались в обстановке.

На вооружении противника находились тогда истребители И-97, обладавшие вполне современными качествами: два пулемета системы «Виккерс», кислородные аппараты в кабинах, радиосвязь, высокая маневренность машин делала опасной встречу с ними в небе. Японские пилоты отличались высокой выучкой, а в фанатизме несомненно превосходили немцев и к тому же не уступали им в хитрости, коварстве и беспощадности.

Однажды рано утром командир эскадрильи Грицевец повел свою девятку истребителей: поступили сведения, что японские бомбардировщики под прикрытием большой группы истребителей направляются бомбить позиции наших войск.

И вот — встреча! Японские истребители быстрым маневром легли в цепь у своих бомбардировщиков, а Сергей Грицевец так же быстро развернул свою «девятку» для атаки. Бой, стремительный и злой, и на вертикалях, и на горизонталях, вспыхнул мгновенно. Японцев было больше. Поэтому, бросаясь в атаку, нашим соколам надо было очень бдительно следить за японскими И-97, чтобы в нужный момент защититься и защищать друг друга.

Японские бомбардировщики поспешно, куда попало сбросили свой смертоносный груз и ушла, а истребители, словно разъяренные осы, по многу накинудись на каждый наш самолет.

Но сказывалась испанская практика: летчики Грицевца полностью сохранили слаженность боевого строя и не столько защищались, сколько нападали сами, сохраняя коллективность маневра, принцип группового действия.

Японцы потеряли четыре самолета и ушли на свои базы. Комэкс Грицевец тоже увел своих летчиков на свой аэродром. По горячим следам разбирали все возникавшие в бою ситуации.

— Сильны японцы, ничего не скажешь! — комэск энергично, как бы в подтверждение своих слов, рубанул рукой. — На вертикалях сильны! Учтем это. Постараемся высоту у них отобрать. Отберем, тогда затрещит по всем швам вся их техника. И настырность на убыль пойдет. А ну, товарищи, пройдемся еще раз по всей «цепочке» боя...

Много спорили. Любое мнение всесторонне обсуждалось. И только после этого либо принималось, либо отвергалось. Мастерство и тактика шлифовались с каждым боем. Летчики не удивлялись уже, что японцы бросаются сразу, одновременно, по 90-100 самолетов. А этот самурайский дух японских летчиков? Превзойти мастерством и тактической грамотностью противника!

А вот еще одно боевое задание. В самый разгар событий на Халхин-Голе пришел приказ о назначении Героя Советского Союза Грицевца командиром особой группы летчиков, которой поручалось ответственнейшее задание: испытать в боях советский истребитель И-153. На новую «чайку» поставили более мощный мотор, позволявший быстрее набирать высоту, увеличивать скорость благодаря, в частности, и убирающемуся шасси. Возрастала и маневренность нового советского истребителя конструкции Поликарпова.

В самые сжатые сроки машины были облетаны. И вот уже — боевая тревога! Рывок к фронту — и видна стая врагов.

Японцы стремительно пошли на сближение. Их много, и они, видно, готовы атаковать наши «чайки». Но, судя по всему, японцы еще не распознали, что и приближаются не к тем «чайкам», что летали здесь какую-нибудь неделю назад: у этих «чаек» убраны шасси. Значит, Грицевец рассчитал точно — японцы сразу не догадаются, что их можно поймать на новом маневре, они попросту не ожидают его.

Команда! «Чайки» резко поворачивают назад, имитируя отступление. Японские истребители, надеясь поживиться добычей, бросаются в погоню.

Новая команда Грицевца! Немыслимый для противника вираж, разворот вокруг «костыля», и тут же атака на встречном курсе.

Японцы ожидали чего угодно от знакомых «чаек», только не такого маневра. Их строй рассыпался, и большинство самолетов стало мишенью для наших истребителей. Инициатива полностью у «чаек». Сбит один японец, горит другой, срывается в безнадежном пике третий, врывается в землю четвертый...

Автор этих строк разыскал авиамеханика, который обслуживал самолет Героя Советского Союза майора Сергея Грицевца.

«Конечно, прошло уже 47 лет с тех пор, как мы были в Монголии. Очень многое забыто, — пишет Василий Степанович Степаневский из

села Снижная Погребищенского района Винницкой области.— Но сначала немного о себе. В 1935-м году закончил ФЗУ в Днепропетровске по специальности монтажника. Впоследствии стал бригадиром по ремонту доменных, мартеновских печей и прокатных станков. В сентябре 1937-го призван в армию. Школа авиационных механиков и служба в Читинской области.

12 мая 1939 года в истребительном полку, в котором я служил, отобрали 12 авиамехаников-комсомольцев и направили на станцию Борзя, что на манчжурской границе. Там стояли вагоны с самолетами И-16.

За четыре дня на местном аэродроме мы собрали их. А 19 мая на самолете из Москвы прилетели летчики. Мы их, конечно, не знали. Их построили впереди наших шестнадцати самолетов, что-то говорили с ними. А потом, смотрю, они пошли по своим самолетам. Вижу, идет летчик и к моему самолету. Я поспешил к нему и докладываю:

— Самолет номер пятый (номер уже был поставлен на киле) к вылету готов, мотор опробован, заправка полная.

Летчик со мной поздоровался и говорит:

— И все-таки самолет я опробую, моя очередь четвертая.

До того, как ему взлететь, он внимательно изучал карту, разосланную на плоскости истребителя.

Подошла его очередь взлетать. Я подал ему парашют, помог привязать его в кабине, запустил мотор.

Истребитель пошел на взлет. Планшет летчик мой оставил мне. В нем удостоверение личности. «Грицевец Сергей Иванович, майор», — значилось в нем.

Я, признаться, попервости, когда его увидел, подумал: «Наверное, недавний выпускник училища, не более младшего лейтенанта или лейтенанта». А как прочитал, что майор он, то аж вздрогнул.

Был майор Грицевец одет в простое армейское обмундирование и отличался от меня только регланом. Среднего роста, худощавый, подтянутый.

22 мая мы отправили самолеты в полет, а сами на самолете «Дуглас» полетели за ними следом, в Монголию.

Посадку наш самолет совершил в Баин-Тюмени (сейчас город Чойболсан). Однако самолетов наших мы не увидели. Оказывается, они сели около фронта. От нашего места посадки до базы истребителей нас везли автомашинами.

Когда мы приехали на аэродром летчиков, то увидели, как они сами заправляли свои самолеты. Летчики сказали нам, что уже сделали один боевой вылет.

И пошла с того дня наша боевая работа с майором Грицевцом. Он как-то сказал мне, что наша, его, стало быть, эскадрилья отдельная. Шестнадцать самолетов в ней, а летчики — все до единого Герои Советского Союза, получившие звания за Испанию. Помню и Григория Кравченко, тоже Героя Советского Союза. И ему, и Сергею Ивановичу суждено было стать первыми в нашей великой стране дважды Героями Советского Союза.

Однако продолжу свой рассказ. Ночевали прямо у самолетов. Был приказ наркома Ворошилова окопаться на аэродромах, так мы в свободное время отрыли землянку возле самолетов и печку из бочек поставили. Спали в землянке, спасаясь от комаров.

Звание дважды Героя Советского Союза Грицевцу присвоили после наступления. Помню, я поздравил его со званием дважды Героя Советского Союза. Он меня тоже поздравил: меня в тот день наградили медалью «За боевые заслуги». Крепко так пожал мне руку Сергей Грицевец.

После завершения событий на Халхин-Голе мы перелетели в Баян-Тюмень. Летный состав был отправлен на польские события, а мы с самолетами остались до декабря 1939-го. Тут-то мы и распрощались с Сергеем Ивановичем Грицевцом, и, как оказалось, навсегда.

Вскоре наш комбриг Мичугин сообщил, что в Бобруйске на аэродроме Грицевец рулил на взлетную полосу, а молодой летчик в чине младшего лейтенанта шел на посадку и сел прямо на самолет Грицевца, убив великого летчика в кабине.

Вспоминая былое, горжусь, что был рядом с выдающимся летчиком и человеком, одним из первых дважды Героев Советского Союза. Помню майора Забалуева (скажу еще о нем), братьев Орловых, двое их было, Матюнина. Последний сражался в Испании вместе с Георгием Нефедовичем Захаровым, впоследствии Героем Советского Союза, в чьей дивизии в годы Великой Отечественной войны находился полк «Нормандия-Неман».

Грицевец был быстр в обращении. Как только вылет, он стремительно бежал к самолету. Одевал парашют и быстро садился в кабину. Был вежливым, веселым и никогда, сколько помню его, не унывал. Обдумчиво вел разговоры.

Вылетов на Халхин-Гол он сделал 138, что и было записано в формуляре самолета. А сколько он сбил самолетов самураев? Точно не скажу этого. Наступление наше началось 20 августа. Семь японских истребителей было сбито, это точно, но это еще до нашего наступления. А 20 августа он за день сбил два истребителя И-97 и один бомбардировщик.

А японские истребители И-97 — это те же «мессершмитгы». Японцы купили у своих «друзей» немцев лицензию на производство самолетов этого типа. Точь-в-точь Ме-109, только на японскую колодку. Он догонял И-15, но по маневренности был хуже И-16.

Звание у Сергея Ивановича Грицевца, как я сказал уже, было майор, и майором он улетал от нас из Баинь-Тюмени, когда его направили в Западный особый округ.

Теперь о майоре Забалуеве. Он был майор, командир авиационного полка. Грицевец его спас. Забалуева сбили в одном из боев. Он приземлился на территории, занятой противником, так что шансов на спасение у него практически не было. Так вот, Сергей Иванович Грицевец сел в степи, на глазах подбегавших японцев взял Забалуева за бронеспинку и доставил на наш аэродром. Не знаю, как майор Забалуев залез за бронеспинку, но оттуда мы его еле-еле вытащили...

А еще под конец добавлю, что, сражаясь в Испании, в Китае, в степях Монголии, мы сражались за ваше будущее. Помните всегда об этом, помните о павших в тех жестоких схватках...».

30 августа 1939 года газеты обнародовали Указ Президиума Верховного Совета СССР: «За образцовое выполнение боевых заданий и выдающийся героизм, проявленный при выполнении боевых заданий, дающий право на получение звания «Герой Советского Союза», наградить второй золотой медалью «Герой Советского Союза», соорудить бронзовые бюсты и установить их на постаменте на родине награжденных:

- Героя Советского Союза майора Грицевца Сергея Ивановича.,
- Героя Советского Союза майора Кравченко Григория Пантелевича».

Трагический случай 16 сентября 1939 года оборвал его яркую жизнь. Но вечна память о Герое, ибо вечен народ славянский, породивший его. Школы имени Грицевца. Пионерские дружины его имени. Предприятия. Харьковское высшее авиационное имени дважды Героя Советского Союза Сергея Ивановича Грицевца. По Дунаю плавают теплоходы «Сергей Грицевец». Поистине «умираем, чтобы воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела...»

Л. Левин, старший лейтенант запаса, член военно-научного общества при Новосибирском окружном Доме офицеров.

1988 г.

КРЫЛЬЯ МУЖЕСТВА

Есть редкая категория людей, природная черта и талант которых — храбрость. Ненасытная жажда борьбы, отвага ума и сердца, единство мысли и действия, торжество рассудка и воля над чувством страха и болью ран — такова храбрость, ставшая талантом.

Кирилл Евстигнеев обладал этим талантом в полной мере. Впрочем, сам он нисколько над тем не задумывался и считал смелость качеством, присущим каждому человеку.

Командир эскадрильи нашего 178-го гвардейского истребительного авиационного полка Евстигнеев с первых дней пребывания на фронте и до конца войны всегда был там, где шла самая яростная схватка, всегда был впереди, ведущим. Это не было лихачеством, показным молодечеством. Всегда вперед его звал брызжащий силой прекрасный талант — русская храбрость, русская, воспитанная еще древними былинами богатырская удаль.

Сложен воздушный бой. В этом поединке выигрывает осторожный, но не трусливый, быстрый, но не поспешный. Побеждает смелость, помноженная на уменье. Управлять машиной, следить за противником, не забывать о товарищах, вести огонь, видеть показания приборов, ориентироваться на местности — со всем этим должен управиться летчик-истребитель. В самолете только он. Больше никого. Десятки решений приходят сразу. Надо выбрать одно, самое правильное. В эти секунды приходит на помощь все то, что стало неотъемлемой частью собственной жизни: опыт, знание.

И всеми этими качествами обладал дважды Герой Советского Союза летчик-истребитель Кирилл Алексеевич Евстигнеев, бронзовый бюст которого установлен в г. Шумихе.

В бою под Обоянью Евстигнеев был тяжело ранен в обе ноги. Солдаты доставили его в полевой госпиталь.

— Уйду. Обязательно уйду! Не для того я рвался из училища на фронт, чтобы отлеживаться здесь, — думал Кирилл. — Вот только надо уговорить врача, чтобы на денек задержал отправку в тыл.

Он встал с постели, взял костыли и неуверенно прошелся по комнате, осторожно переставляя раненные ноги. Боль давала о себе знать.

— Ничего, заживет, — успокаивал себя летчик.

Евстигнеев не решился рассказать о побеге соседям по палате — знал, что не одобряют. Пришлось уйти, не попрощавшись...

До своей части Кирилл добрался уже поздно вечером. Еще издали увидел, как в окне фанерного домика мигает коптилка. Дверь почти не закрывалась — в помещение то и дело входили люди, о чем-то взволнованно спорили. Евстигнеев уверенно зашагал на огонек.

— Убежал? — встретил его вопросом командир полка.

— Но ведь не с фронта, а на фронт, товарищ командир.

— Все равно, ты нарушил дисциплину. Что теперь делать с тобой?

Досталось ему от командира полка крепко. И хотя обратно в эвакогоспиталь не отправил, но и летать не разрешил до полного выздоровления.

Не забыть Кириллу Алексеевичу Евстигнееву авиационных сражений над Молдавией. Опытный глаз по едва уловимым признакам примечал, что идет подготовка к большому сражению. Однако масштаб предстоящих боев стал ясен, когда Кирилл восьмеркой самолетов вылетел на прикрытие наземных войск в районе Скулян. С бешеной скоростью проносятся краснозвездные самолеты, рядом мелькают плоскости с черными крестами. От самолета к самолету протягиваются огненные шнуры. А внизу огромным движущимся клубком догорают обломки первых сбитых машин.

Мгновение для ориентировки, и восьмерка Евстигнеева находит свое место в бою.

«Атаковать в лоб», — решает Кирилл. Такое решение строилось на внезапности, на использовании всей мощи огня группы.

— Тернюк, прикрой нас, идем в атаку, — передал Евстигнеев по радио ведущему четверки прикрытия и, перестроив свою группу в «пеленг», ринулся на противника в лобовую атаку.

И схлестнулись советские истребители с летчиками знаменитой немецкой эскадры «Удэт». Отчаянные немецкие летчики шли прямо в лоб, били с малых дистанций.

Закипел страшный воздушный бой. Наших было почти вдвое меньше, но они не отступили перед фашистскими асами. Двух сбили. Одного из них — командир эскадрильи. Увлечен боем, ринулся на третий самолет с разрисованными фюзеляжем. И не заметил, что сзади заходил фашист. Его ведомый, Валентин Мудрецов, увидел, но атаковать не смог — израсходовал боеприпасы. Еще какая-то доля секунды, и произошло бы непоправимое. Но Валя дал газ и оказался между двумя самолетами — нашим и немецким. Он заслонил собой Евстигнеева. Хотел ударить врага винтом, но не успел. Очередь фашистско-

гол летчика продырявила его самолет. Все-таки Мудрецов добрался до аэродрома.

А через час снова вылет. Вылет на прикрытия наземных войск в районе Унгены. Снова неравный воздушный бой.

С короткой дистанции Евстигнеев сбил ведущего девятки «юнкерсов». Почти одновременно загорелся еще один «Ю-87». Его зажег летчик Попко. Не прекращая огня, советские истребители прошли через весь строй фашистских бомбардировщиков. Девятки, в которых было сбито по самолету, сбросив беспорядочно свои бомбы, начали уходить.

Сделав боевой разворот, Евстигнеев со своим ведомым снова очутился выше бомбардировщиков. Но в этот момент в хвост его самолета стала заходить пара «мессеров».

Это заметил старший лейтенант Карпов и связал их боем. Увидев, что Карпов отбивает «мессеров», Евстигнеев, пикируя, поймал в прицел ведущего пары бомбардировщиков и нажал кнопку пушек. Меткая очередь прошла еще один «юнкерс». Фашисты заметались. Воспользовавшись паникой, Евстигнеев сбил третьего «Ю-87», который взорвался в воздухе от собственных же бомб.

Шестерка «лавочкиных» уничтожила в этом бою пять «юнкеров» и два «мессершмитта». Евстигнеев сбил три самолета.

Воздушный бой длится минуты. Победу летчик одерживает в какое-то мгновение. И в это мгновение перед ним проходит вся жизнь, в это мгновение сильнее ощущает он, как дорога ему Родина. А любовь к Родине имеет тысячи своих проявлений. Русские просторы, степи Украины, сады и виноградники Молдавии — это все Родина, это все защищает Евстигнеев от врага.

И третье смертельно опасное задание выполнил в этот длинный фронтовой день Кирилл Евстигнеев. Его «Ла-5» пикировал в бушующее пламя зенитного огня на вражеском аэродроме Роман. Гитлеровцы растерялись. Казалось, молния низвергалась с неба и уничтожила зенитку. Евстигнеев свечой поднялся ввысь и ушел в облака.

В воздушных боях в небе Молдавии наши летчики превосходили врага и в стойкости, и в тактике. Одним из лучших истребителей на фронте стал Кирилл Евстигнеев. Счастье ему сопутствовало в боях. Это было суворовское счастье, которое дается храбростью и умением. И только кое-кто из самых близких друзей знал, что он сражается, будучи больным. Похоже было на язву желудка. Лечился, если можно так сказать, без отрыва от летной работы. О госпитале в разгар воздушных боев и слышать не хотел. Бывало, что и в воздухе начинались у него боли и к горлу подступала тошнота. Тогда в эфир шло что-то похожее на шифр:

— Валя, слышишь, Валя (Валентин Мудрецов, его ведомый). Началось...

Мудрецов принимал сигнал. Пока у Евстигнеева не проходил приступ, он его зорко оберегал.

Однажды Кирилла вызвали на медицинскую комиссию. Осмотр длился недолго. Военные врачи были удивлены поведением пациента. Куражится: говорит, что «ничего у него не болит, анализам не надо не верить, в истории болезни все преувеличено». Недуг серьезный. От полетов надо отстранить.

Врачи обмениваются мнением по-латыни, не предполагая, что летчик знает язык, ловит каждое их слово. Он сильно побледнел. Комок сдвинул горло. Но все же сказал:

— Я видел в противотанковом рву под Харьковом растерзанных фашистами детей. Не могу не драться. Не нужны мне ни пенсия, ни легкая работа. Умоляю, не отстраняйте от полетов.

На помощь пришел командир полка подполковник Ольховский. Он разжалобил врачей. Евстигнеев продолжал участвовать в боях. Чтобы предупредить приступы болезни, летчик перед каждым вылетомпил соду.

В Молдавии Кириллу Алексеевичу Евстигнееву весной сорок четвертого была вручена Золотая Звезда Героя.

Когда успешно закончилась Яско-Кишиневская операция, Евстигнеев уехал в Москву, в авиационный госпиталь. Но когда снова закипели воздушные бои, он возвратился в родной полк. Сражался с врагом, шел через Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию к победе, к счастью.

В Венгрии Евстигнеева наградили второй Золотой Звездой. На боевом счету дважды Героя Советского Союза Кирилла Алексеевича Евстигнеева 56 сбитых самолетов врага. Это четвертый результат среди летчиков фронтовиков, участвовавших в боях с фашизмом.

Болезнь, которую победил Евстигнеев во время войны, дала знать о себе. В прошлом году ему сделали операцию на желудке.

Генерал Евстигнеев уволился в запас.

Он долго просиживает над письмами. Пишет фронтовым друзьям, своим воспитанникам. Пишет, отдавая свои мысли, частицу своего сердца.

Поредела его пышная шевелюра, серебрятся виски, а душа по-прежнему молодая, душа бойца.

Смотрю на него и думаю: ведь это один из тех живущих, с которых наша молодежь берет пример. С таких стоит делать жизнь!

И. Серeda,
Герой Советского Союза.

ЗДЕСЬ ЗАРОЖДАЛОСЬ МУЖЕСТВО

17 февраля 1945 года, в свой день рождения, возвращаясь из разведки в глубоком тылу врага, Кирилл Евстигнеев был вынужден вступить в лобовую атаку с фашистским «фоккером» и сбил его. Это была пятьдесят пятая (предпоследняя) личная победа над фашистскими асами.

Сегодня же нам следует задуматься над тем, из чего складывается, как формировался характер нашего дважды Героя Советского Союза? Каким он был в детстве?

Сам Кирилл Алексеевич в своей книге «Крылатая гвардия» пишет так:

«Говорят, что летчиками рождаются, мечтая о небе с детства, что любовь к свободной стихии — самая первая и самая большая любовь человека.

Может, все это и так. Но я верю в другую истину, незыблемую в любые времена — к человеку все приходит только через тяжкий труд мысли, мозоли рук, напряжение нервов».

И далее:

«Я с благодарностью вспоминаю наиважнейшую школу, где получил первые навыки самостоятельности. Это была школа жизни — в семье и на Челябинском тракторном заводе — школа труда. Этот большой «университет» пригодился мне в грядущих боях с врагом».

Презрение к страху в нем тоже зарождалось с детства. Однажды поспорили со сверстниками в Хохлах: кто сможет переплыть самую широкую часть озера Черного. А озеро большое было в те времена. Уступить в споре Кирилл не мог, и потребность сохранить на высоте свою честь заставила отправиться в нелегкое плавание.

На середине оказался только один. Решил плыть до конца, а силы иссякли. Настойчивость и выносливость позволили мобилизоваться до автоматизма. Как добрался до берега — уже не помнил.

Очнулся лежащим на берегу: видимо, от изнеможения отключилось сознание. Так вот и преодолевал свои слабости.

Родился Кирилл в селе Хохлы в трудолюбивой крестьянской семье пятым ребенком. Да еще добавились две маленькие сестренки. Отец работал на железной дороге. Мать занималась домашним хозяйством. Дети во всем ей помогали. Бездельничать было некогда. Времени всегда на что-нибудь не хватало, и Кирилл научился тратить его очень бережно и уплотненно. Учебка давалась легко — умел заставить себя сосредоточить внимание, усидчивость, довести дело до конца.

Сестра Александра пишет следующие воспоминания:

«Кирилл в детстве был очень скромным, старательным, настойчивым и довольно строгим. Несмотря на тяжелое материальное положение и условия учебы, он учился на «хорошо» и «отлично», быстро все усваивал. Я, помню, иногда обращалась к нему за помощью в решении задач. Он мне помогал, объяснял, но повторяться не любил. За повторное объяснение я от него получала щелчок в лоб: он считал, что я невнимательно слушала учителя».

В семье лень не поощрялась. Каждый как мог вносил свой вклад в общий бюджет семьи. Старший брат работал с отцом на железной дороге, сестры — в домашнем хозяйстве. Кирилл же выделялся изобретательностью и рукотворным мастерством. Делал хорошие шкатулочки, чемоданчики из тоненьких дощечек и фанеры. Сделал несколько удачных балалаек. Соседи, друзья охотно их приобретали. Деньги за изделия получала мать Васса Петровна.

Очень любил музыку. Играл хорошо на балалайке, гармонии, гитаре, мандолине. Иногда играли с сестрой дуэтом. Семейный ансамбль с удовольствием слушали соседи.

Делал себе и друзьям коньки деревянные, а в низ конька забьет железный прут. Вот и катались. Конечно же, как и все мальчишки делал наганы, ружья, набивал порохом и испытывал боеспособность, за что попадало от родителей. Любил рыбачить, частенько брал с собой сестренку Сашу.

Сладостно любил читать. С упоением! Книги раскрыли будущему соколу тайны необъятного мира.

Четыре класса закончил в Хохловской школе. А затем, когда родители поехали на строительство железнодорожной ветки в Кировскую область, школы часто приходилось менять. Жил у брата в Мало-Дюрягино, там и учился, затем по месту работы родителей пришлось учиться в школах Кировской области на станциях Яр, Песково, Омутинск, Кирс. Седьмой класс закончил в Шумихе в 1935 году.

Как часто собственную расхлябанность мы прикрываем сменами школ, учителей, улицами, подворотнями. Здесь же — очевидная сила воли и огромное чувство ответственности, собственного достоинства. Никакие перипетии не качнули Евстигнеева с верного пути.

После школы-семилетки окончил в Челябинске ФЗУ (фабрично-заводское училище) и был принят на работу в качестве наладчика станков. Без отрыва от работы окончил курсы летчиков в аэроклубе.

Было ему тяжело, очень уставал, мало спал. С работы едет сразу в аэроклуб, из клуба забежит домой (к сестре), перекусит и утром сно-

ва на работу. Для отдыха времени совсем не было. Но он не бросил, а настойчиво продолжал изучать летное дело, так ему хотелось дружить с небом. Не из легких была и служба в армии. Жестокими — боевые сражения.

Чувство незапятнанной совести заставило его с незажившими ранами на перебитых ногах «укостьялять» тайком из полевого госпиталя, чтобы не быть отправленным в тыловую госпиталь.

И полное презрение к страху Кирилл Алексеевич выразил в письме домой фразой: «Или грудь в крестах, или голова в кустах».

Смелость его сочеталась с умением, сноровкой, умом и здоровой смекалкой, поэтому грудь украшена тридцатью(!) орденами и медалями.

А. Королева, руководитель совета музея СПТУ-16 имени дважды Героев Советского Союза С. И. Грицевца и К. А. Евстигнеева.

1990 г.

НОЧЬ ВОЙНЫ

Да. Ночь войны как чудное мгновенье!

Разрывы редко будят тишь ночи,

Мелькнут порою на нейтралке тени,

Да вдруг МГ с испугом застрочит.

Ворчат моторы где-то за лесочком,

Бросает фриц ракеты-фонари.

И чертят пули огненные строчки

Морзянкой смерти точек и тире.

Талдычит ротный монотонно сводки.

Бормочет тихо в блиндаже эфир.

Спешат войска укрыться в час короткий,

Пока в темнице притаился мир.

Кто спит, кто курит, свет сигарки спрятав,

Судачат мирно, притаясь в тиши.

И слышен смех, и стон, и шаг наряда,

И шум леска, и говорок машин.

А воздух пахнет порохом и кровью,

И трупный запах тяжек и тягуч.

Война лишь дремлет, пав на изголовье,

Но жар ее опасен и живуч.

Придет рассвет, и загрохочут пушки.

«В ружье!» — война скомандует опять.

А у солдата ушки на макушке:

Поспи, браток, нам утром наступать.

А. Орлов.

1985 г.

РАДИ СОВЕСТИ И ЧЕСТИ

(письмо следопытам поисковой группы, сотрудникам и посетителям музея СКТУ-16 дважды Героев Советского Союза С. И. Грицевца и К. А. Евстигнеева)

Уважаемые друзья — следопыты поисковой группы, сотрудники и посетители музея, здравствуйте!

В новогоднем поздравлении вы спрашиваете меня — как во мне сформировались мужество и отвага, выражающиеся в дерзких поступках на фронте? И что помогало мне подниматься выше страха и презрения к опасностям во время воздушных схваток с умелым и лютым врагом?

Краткий ответ на эти вопросы можно сформулировать так: долг и ответственность за порученное дело, за свои поступки при исполнении его. И делать это нужно не из-за боязни и ответственности, а ради совести и чести.

В боевые действия я включился не сразу после нападения фашистской Германии на нашу Родину, а на несколько месяцев позже начала этого лихолетья. При этом для того, чтобы попасть на фронт, надо было покинуть родную военную летную школу, в которой работал летчиком-инструктором. А сделать это было не так-то просто, потому что школа занималась подготовкой летных кадров для фронта. Однако как бы то ни было, мечта моя сбылась.

К моменту убытия из школы по рассказам из периодической печати я понял, что перед нами сильный и коварный враг, которого на ура не возьмешь. Питая надежду не быть в стороне от событий, в которых, по моим понятиям, непосредственно решалась судьба Отечества, начинаю готовить себя к жарким схваткам. Для этого с разрешения своего непосредственного командира и совместно с ним отрабатываю различные приемы воздушного боя, атаки с разных направлений с предельно малых дистанций. В целях маскировки и скрытого подхода к целям противника использую в полетах покров местности, лучи солнца. Отрабатываю посадку самолета на предельно малую посадочную площадку и парашютные прыжки с большой задержкой раскрытия парашюта и другие приемы из боевой деятельности летчика-истребителя. Все это в какой-то степени выразилось в мужестве, стойкости и стремлении к обоснованной победе в бою.

Относительно страха. Любому человеку присущ страх, но каждый переживает его по-разному. При этом важно в экстремальных условиях не терять чувство разума и продолжать бороться с опасностью. Однако необходимо знать и то, что при часто повторяющихся экстре-

мальных условиях человек способен адаптироваться, привыкать к ним и уже разумно принимать соответствующие меры по предотвращению грозящей опасности. Однако не исключено, что у некоторых при состоянии психического напряжения может развиваться стресс, который оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на деятельность, вплоть до ее полной дезорганизации.

Из опыта личной жизни. Во время знакомства с объемом работ наладчика станков-автоматов в цехе топливной аппаратуры ЧТЗ, куда меня перевели с опытного на основной завод, меня удивила громада станков и я счел, что для меня это дело не по плечу. Но мастер Георгий Федорович Седых, улыбаясь, сказал:

— Не страшись, Кирилл, не боги горшки обжигают. Через одну, две недели ты будешь успешно делать наладки этих автоматов.

Жизнь подтвердила правоту слов мастера, и я уже с усмешкой смотрел на свою неуверенность.

Будучи уже в армии, при первом полете с инструктором на спарке (двухместном учебном самолете) я был потрясен стремительностью полета истребителя и усомнился в возможностях освоения его. Но во мне заговорила суть человеческая да живой пример — мой учитель-инструктор, находящийся со мной в полете, а он, наверное, в свое время был таким же желторотым курсантом, как и я. Эта вера в себя помогла мне освоить профессию летчика-истребителя.

И еще об адаптации человека, уже на фронте во время вражеских бомбежек нашего аэродрома. В налетах авиации противника насчитывалось до 80 и более самолетов. При этом они шли волна за волной — девятка за девяткой, сопровождаемые истребителями. И когда последовательно группа за группой с завыванием падающих бомб высыпали свой груз на нашу точку, то от взрывов гудела земля.

Дежурные летчики, находившиеся в кабинах самолетов, иногда успевали взлетать для отражения налета. Остальные же со всем аэродромным составом разбегались кто куда, подальше от взрывов и аэродрома.

Такое было во время первых бомбежек. В последующих (взаимных) визитах мы уже с разумными действиями спокойно переживали эти налеты, укрываясь в щелях или капонирах (земляные обвалования для укрытия самолетов), наблюдая за вражескими действиями и падением сбрасываемых бомб.

Наконец, и ответ на вторую часть вашего вопроса. Что мне помогло подняться выше страха и презрения к опасностям? Наверное, развитый воспитанием склад моего характера, в котором в моментах

психического переживания возникал стресс с положительным влиянием, при котором как бы аккумулировалось все мое умение и воля на преодоление опасности. И так постоянно, изо дня в день, месяцами находясь в экстремальных условиях, когда не каждому удавалось удачно избежать опасность, и часто кто-то из нас не возвращался из боевого полета, погибал. Такое, несмотря на крайние огорчения, оценивалось нами трезво, как необходимость в войне. Отсюда и не особенно шел расчет на выживание, и у некоторых появлялось пренебрежительное отношение к своей жизни, что в свою очередь помогало, как вы выражаетесь, подняться выше страха.

Страх, бесспорно, был. Но кто защитит Отчизну, если не мы, обученные, получившие от народа оружие для защиты своей Родины? И по зову «Надо» мы шли на врага с дерзостью, одолевая опасность и страх, с единой целью — нанести врагу как можно больший урон. А если при этом придется погибнуть, то так, чтобы жизнь каждого из нас обходилась противнику гораздо дороже.

В заключение еще один штрих из боевой жизни, раскрывающий суть ответа на ваш вопрос.

Шел 1945 год. Враг продолжал яростно сопротивляться, но уже было ясно, что дни его сочтены, разгром неминуем. Приближался долгожданный день нашей Победы. Однажды, в это время я возвращался с задания, выполнявшегося в глубине вражеской территории, слышу команду представителя от нашей авиации, находящегося на командном пункте переднего края:

— Евстигнеев, где ты? Быстрее следуй ко мне, нас штурмуют «фоккеры».

— Команда принята.

Тороплюсь, до переднего края еще более 40 километров. Увеличиваю скорость до максимальной. При подлете к линии фронта замечаю восьмерку ФВ-190, изготовившуюся к атаке наших войск.

Моя четверка Ла-пятых сходу набрасывается на противника. Я атакую первого, находящегося уже в атаке пикирования. Однако атака на скорости и при взаимном пикировании Ла-5 и ФВ-190 оказалась неудачной: огонь из моих пушек проходит мимо. Но небезрезультатно: противник, увидев огненные трассы и наши самолеты, прекращает штурмовку.

При этом второй самолет его группы, выходя из пикирования, оказывается на встречном курсе со мной. Идем лоб в лоб. Никто из нас — ни «фоккер», ни я — от лобовой атаки не отказываемся. Лобовая так лобовая. Она как дуэль, только без правил, к тому же для меня не совсем выгодная — у ФВ-190 четыре огневые точки, а у меня только две.

Лобовая атака скоротечна. Сближаемся. Держу «фоккера» в прицеле, но огонь вести не тороплюсь. Жду, когда он начнет отваливать — выходить из атаки и этим самым подставит под мой огонь уязвимые места и большую площадь поражения.

Враг заволновался, открыл огонь с большой дистанции, и очередь достигла цели. Слышу удары его снарядов по моей машине, но она летит и управляема.

Противник в прицеле. Ура! Враг не выдержал — отваливает. Вижу желтую окраску живота самолета, и огонь из моих пушек распарывает его.

Вражеский летчик покидает кабину, за ним тянется шлейфом не раскрывшийся полностью парашют. Не среагируй своевременно мой ведомый Валентин Мудрецов, столкновение его Ла-пятого с парашютом было бы неизбежно.

После атаки разворачиваемся на проскочивших мимо «фоккеров», но они не пытаются продолжать штурмовку или вести бой, уходят в глубь своей территории. От преследования их отказываемся. Делаем круг над своими войсками и, получив благодарность за оказанную помощь, уходим на свою точку.

Огонь пушек противника сделал свое дело. Над аэродромом выпускаю шасси, левая стойка вышла, а правая не выходит. Энергичным маневром пытаюсь выпустить правую стойку, но из этого ничего не получается. Хуже того — не убирается и левая стойка шасси. Решаюсь садиться на одну «ногу».

Посадка завершилась без каких-либо серьезных последствий. После нее при осмотре самолета было обнаружено попадание трех броневой снарядов. Один прошил крыло, стабилизатор. Два других, пройдя центроплан, нарушили систему выпуска и уборки шасси и, угодив в стойку, заклинили шток в ее цилиндре. Машина подлежала ремонту и через неделю вошла в строй.

Схватка с противником была короткой, но для меня памятна. Памятна не потому, что произошла в день моего рождения 17 февраля, а потому, что в ней решался вопрос: кто кого? И решался в период приближения 27-й годовщины Красной Армии.

Итак, уважаемые мои друзья, не знаю, удовлетворило ли высказанное вашу любознательность, но я как мог стремился к этому. И под занавес повторяю: мужество и отвага, преодоление страха и презрение к опасности есть результат наличия чувства долга и ответственности, что поддается воспитанию.

С уважением дважды Герой Советского Союза К. А. Евстигнеев.

1990 г.

РОДИНЫ ДОСТОЙНЫЙ СЫН

В городе Балашове Саратовской области в краеведческом музее оформлен специальный раздел, посвященный Герою Советского Союза капитану истребительной авиации выпускнику третьей объединенной Балашовской школы пилотов и авиатехников Петру Григорьевичу Агееву.

В дни летних каникул учащиеся Трусилловской восьмилетней школы во главе с директором В. И. Корниенко побывали в музее, ознакомились с материалами и экспозициями, посвященными П. Г. Агееву. Побывали на квартире у сестры Героя Раисы Ефимовны, выслушали ее воспоминания о Петре Григорьевиче, о его детских и юношеских годах, боевом пути и послевоенной жизни. Учащиеся решили собрать

более подробный материал о Петре Григорьевиче и открыть школьный музей его имени.

Детство Петра Григорьевича Агеева прошло в Шумихе, а родился он в деревне Чирухино Шумихинского района Курганской области 5 декабря 1913 года. Учился хорошо, много читал. Уже в шестом классе стал увлекаться авиамоделированием.

Шли годы, и детское увлечение профессией летчика приближалось к грани реальности. По путевке комсомола Петр был направлен в Балашовскую авиашколу гражданского воздушного флота, которую окончил в 1933 году, став летчиком-инструктором, а через год — начальником авиаотряда. С 1937 по 1940 год Петр Агеев — начальник летной части в городе Туле. В 1940 году работает в центральном аэроклубе имени Чкалова в Москве. Его летные будни отмечены благодарностями командования, премиями. Так детство незаметно переплывало в смелость, расчет и отвагу юности, в качества, которые уже в двадцать лет сделали из него воздушного аса, наставника молодых курсантов.

После окончания военной летной школы Петр Григорьевич стал летчиком-истребителем. Когда вспыхнуло зарево Великой Отечественной войны, лейтенант Петр Агеев с самого ее начала был в числе тех парней, которые защищали небо Отчизны от налетов немецко-фашистских стервятников.

В копии наградного листа, хранящегося в музее г. Балашова, есть такая запись:

«Заместитель командира эскадрильи 182-го истребительного авиационного полка 105-й авиадивизии лейтенант Агеев первым в частях дивизии стал применять тактику летчика-«охотника», то есть выследивать одиночные самолеты противника на высотах и уничтожать их. При очередном вылете на охоту в паре с сержантом Смирновым на высоте 5000 метров выследил вражеского разведчика «Ме-110», производившего фотографирование оборонительных рубежей наших войск, искусно построив маневр, с первой атаки уничтожил врага».

14 июля 1942 года, возвращаясь на аэродром после группового боя, происходившего над городом Ростовом-на-Дону, Агеев заметил впереди черную точку. Это был фашистский бомбардировщик. Сделав разворот, лейтенант начал атаку, и когда краснозвездная машина совсем близко подошла к противнику, оказалось, что боекомплект кончился. У летчика молниеносно мелькнула мысль: «На таран!».

Почуввав недоброе, «Хейнкель-111» стал уходить. Уходил он, проделывая нужные маневры. Чувствовалось, что вела его тоже опытная рука.

Агеев мысленно произвел расчет, вывел свой истребитель точно в хвост врагу и, увеличив скорость, винтом самолета ударил по стабилизатору бомбардировщика. Потеряв управление, машина со свастики устремилась к земле...

Так закончилось для немецкого летчика «знакомство» с воздушным тараном.

В своем номере журнала «Вестник ПВО» (август 1971 года), присланном в свое время из Москвы Анне Павловне Агеевой-Суворовой — матери Героя, в одной из статей подробно описывается бой, который произошел одним сентябрьским утром 1942 года.

«На подступах к городу Орджоникидзе, — говорится в ней, — Агеев встретил четырех «мессершмитгов». Смело вступил в бой. Фашистам удалось окружить и зажать в клещи советского летчика. Но он не сдался. Бросив свой самолет вниз, стрелой вновь вышел вверх и метким огнем сразил одного фашиста, остальные рассеялись. Это была шестая личная победа Агеева. Но гитлеровцы вновь сомкнули кольцо вокруг краснозвездного ястребка. Летчик продолжал драться даже тогда, когда страшная боль пронзила правую руку.

Прошло еще несколько минут неравного поединка. Немцам удалось зажечь советский самолет. Собрав все силы, работая одной рукой, Агеев выбросился на парашюте».

Это было последнее сражение мастера воздушных атак лейтенанта Агеева. Всего же «за время участия в Великой Отечественной войне он произвел 160 самолето-вылетов, провел 20 воздушных боев, лично сбил 6 самолетов противника, проявив при этом исключительное летное мастерство, героизм и безграничную любовь к Родине». (Из копии наградного листа).

...В госпитале ночи слишком длинны. Стонут во сне товарищи, сгорая в огне собственной боли. Но даже вскрики и горячечный бред не мешали Агееву мысленно видеть в туманной дали стартовую дорожку аэродрома, себя, идущего к самолетам, к друзьям, мечтать о том дне, когда он будет вместе с ними.

Товарищи тоже помнили об Агееве. Письмо из части было для него праздничным подарком.

«Привет, боевой друг и товарищ,— писал командир эскадрильи Батюк.— Очень сожалеем, что не можем навестить тебя лично, обстановка не позволяет. Но, дорогой Петя, мы заверяем, что за твою рану крепко отомстим гитлеровцам. Воспитываем наших людей на твоих подвигах. Для Родины ты сделал все, что мог. Себя в бою не жалел, чтобы сбереечь Отчизну...»

И Родина не забыла своего сына. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1943 года за образцовое выполнение боевого задания командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм старшему лейтенанту Агееву Петру Григорьевичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Забота Родины, локоть друзей звали к жизни, к труду. После выздоровления Петр Григорьевич снова в строю. На посту старшего помощника начальника отдела боевой подготовки армии он передает богатый опыт летчикам подразделений I воздушно-истребительной армии ПВО. Трудится с полной отдачей сил.

Но есть обстоятельства, которые сильнее желания быть всегда полезным, быть всегда среди живых. Фронтовые ранения постепенно подрывали его здоровье. Агеев ушел из жизни на тридцать четвертом году. Все, что мог сделать нужным людям, он сделал, и имя его навечно вписано золотыми буквами в летопись Великой Отечественной войны.

П. Абрамовских, ответ. секретарь райсовета общества охраны памятников истории и культуры.

1986 г.

ТАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА...

22 июня

Под самый вечер от начальника штаба дивизии принесли пакет. Вскрываю: «К утру 22 июня выгрузить боевую технику из прибывшего на станцию Лапичи эшелона».

Приглашаю своего заместителя по политической части капитана Пшеничника. Яков Васильевич, ознакомившись с содержанием штабной депеши, не в восторге.

— Да-а,— тянет он,— отдохнули ребята.

Поднятая по тревоге бригадная школа младших командиров выступила к Лапичам с песнями. Шли повзводно, легко и скоро.

Эти девятнадцатилетние парни вполне отдавали себе отчет о том, в какое время несут свою службу. И почему даже их знаменитую кавалерийскую дивизию, которую

в гражданскую войну создавал сам С. М. Буденный, вил в атаки К. Е. Ворошилов, сделал образцовой Г. К. Жуков,— почему даже ее перестроили, оснастили всем, чем только можно оснастить наземную воинскую часть, и стала она уже не 4-й Донской казачьей, а 210-й мотострелковой дивизией. Принимали это наши курсанты как должное.

К двум часам ночи мы с замполитом приехали на полустанок на мотоцикле с коляской. Нужный эшелон с техникой нашли быстро. Зазвучали команды, и разгрузка началась.

Курсанты действовали споро. Когда тихая теплая ночь заадела рассветом, разгрузка уже закончилась. Шел четвертый час утра...

И вдруг появились самолеты. В нашей дивизии, да и в корпусе их не было. Были автомашины, танки и броневики, пушки, минометы, только не авиация. И все же едва ли кто из нас в ту минуту подумал, что самолеты могут быть чужими.

Они шли тесными группами с той стороны, где горизонт еще был окутан темнотой уходящей ночи. Надвигались на нас будто тяжелая гудящая грозная туча.

Вот туча развернулась, повисла над селом с таким же названием, что полустанок, правее от нас. От самолетов отделились маленькие черные точки. И почти тотчас загрохотали разрывы бомб, над домами заплясали жадные языки пламени.

Значит, все-таки немцы? Но что это — осколок долетевшего до нас пограничного инцидента, наглая провокация или война?

Раздумывать некогда. К эшелону стремительно приближается выплеснувшаяся из села обезумевшая толпа людей. Женщины, старики, дети... Они бегут, подгоняемые надсадным гулом авиационных моторов, трескотней пулеметов и разрывами фугасок. Надеются получить от нас защиту...

Но мы почти так же беззащитны, как и они. К счастью, разгрузка эшелона уже закончена, и курсанты рассредоточили прибывшие танки и новенькие автомашины ЗИС-5 и ГАЗ-АА. Когда над полустанком зависла гудящая черная туча «юнкерсов», на путях стояли только порожние платформы.

Школа не имела потерь ни в людях, ни в технике. Но гражданско-го населения пострадало много. Были и убитые, и раненые.

В тот же день, сдав пригнанную из Лапичей технику соседней части, погрузившись на ЗИС-5 и «полуторки», бригадная школа младших командиров вместе с другими соединениями 20-го механизированного корпуса направилась к границе с Польшей. Там мы должны были стать стеной, о которую, мы были уверены, непременно разобьется бронированный кулак вероломного врага.

Во ржи

210-я мотострелковая дивизия разворачивалась в районе Барановичей. Нашей школе был отведен участок Валерьяны-Шишецы. Три дня — 23, 24 и 25 июня — пока впереди были другие войска, готовили мы свой рубеж обороны. Тщательно отрывали окопы с ходами сообщения, капониры.

Но то и дело приходилось отвлекаться на очистку тыла от воздушных десантов немцев. И еще мешал почти непрерывный поток беженцев. Женщины, старики, дети, боясь вражеской авиации и танков, избегали дорог, шли через наши полевые порядки. Это тягостно действовало на бойцов. В глазах мечущихся от страха людей без труда читался тяжкий упрек воинам, не уберечьшим их мирную жизнь и труд.

Позиция курсантов пришлась на большое поле ржи. Утро 25 июня выдалось на редкость тихое. Не донимали фашистские самолеты, слыли волны беженцев, спокойно было в тылу.

— Пройдем-ка, комиссар, по боевым порядкам школы, — предложил я своему замполиту. — Посмотрим готовность, побеседуем с курсантами.

Люди мы с Яковом Васильевичем крупные, но и рожь так высока, что нам почти по плечи. Ни ветерка, ни шороха — не то что каких-то напоминаний о войне. И вдруг в этой тишине не то стон, не то какой-то писк.

Пшеничников сразу насторожился.

— Подожди здесь, я сейчас узнаю, — говорит и скрывается во ржи. Вскоре зовет меня:

— Товарищ капитан, идите сюда, здесь такое...

Бросаюсь на его голос. И увидел, действительно, такое, что зашлось сердце.

Во ржи лежала убитая молодая женщина, рядом с ней еще два детских трупа — девочка лет шести и мальчик лет двенадцати. А еще один малыш, не старше двух лет, весь перепачканный в крови, держал мертвую мать за кофточку и не плакал, для этого у него уже не было сил, а тихо попискивал. Глазки его оплыли от комариных укусов, и он почти не открывал их.

Пшеничников наклонился над трупами.

— Их, видимо, еще вчера пулеметной очередью с самолета срезали, — заключил он.

— Ох, ты, горемычный, — вырвалось у меня. — Всю ночь возле мертвой мамки...

Я взял малыша на руки. Он обхватил меня за шею и не отпускал, пока мы не пришли на мой КП. Нас обступили курсанты.

— Бедолага, — проговорил один и протянул малышке банку разогретых консервов.

Это послужило как бы сигналом для других. К нашему найденышу потянулись руки с хлебом, консервами.

Я был расстроган таким участием. Но мальчик прежде всего нуждался во врачебной помощи. И я отдал малыша ординарцу, приказав отнести его в санчасть.

Первые бои

После войны в серии «Военные мемуары» вышло много книг видных советских военачальников. И в некоторых из них, в частности, генерал-полковника Л. М. Сандалова «Пережитое», книге мужественной и пронзительно правдивой, я все же с удивлением прочел о том, что еще 27 июня 20-й механизированный корпус генерала Никитина, в состав которого входила наша 210-я мотострелковая дивизия генерал-майора Ф. А. Пархоменко, в бой... не вступал! Между тем полки дивизии дрались с моторизованными частями Гудериана уже 26 июня.

Курсантам нашей школы в тот день пришлось жарко уже с раннего утра. Сначала долго и методично наши боевые порядки бомбила

авиация. Потом на курсантские окопы был совершен довольно сильный по мощности и продолжительности артналет. Бомбы и снаряды перепахали весь рубеж. Лишь редкими пятнами на черном фоне вывощенной земли белели островки зреющей ржи — так усердствовал враг.

Признаюсь, дрогнуло мое сердце, когда я увидел все это в короткое затишье перед атакой. Подумалось: «Поднимутся вражеские цепи, пойдут танки — будет ли кому встретить их?..»

Но хотя и недолго существовала наша школа младших командиров, а за несколько месяцев ее преподаватели смогли многое дать курсантам. Совсем юные солдаты, курсанты сумели достойно подготовиться к бою. Когда на их позиции ринулись вражеские танки и автоматчики, изрытая снарядами и бомбами земля, где и не угадывались курсантские окопы, ожила. Врага встретили сравнительно густые залпы, а когда танки подошли совсем близко, из изуродованных, бесформенных окопов в них полетели гранаты и бутылки с зажигательной смесью.

Волна атакующих схлынула. Но не успели мы как следует подправить свои окопы, пополниться боеприпасами, как атака возобновилась. И снова гремели залпы, почти сливались, становились неразличимыми пулеметные «та-та-та», вонзались в синеву горизонта автоматные строчки. А затем к ним присоединились и тяжелые разрывы гранат. И снова враг отступал.

И так весь день, до наступления темноты.

27 июня противник был еще более настойчив. Немцам несколько раз удавалось врваться в наши окопы. Разгоралась ожесточенная рукопашная схватка.

Мы и к этой ночи остались на своих позициях, не сдвинулись с места и наши соседи справа и слева — моторизованные полки дивизии. А враг уже захватил Минск и Слуцк, продвигался к Бобруйску.

Получалось, что дивизия в глубоком тылу противника. Но приказ отступить нет. Что-то завтрашний день готовит?

А 28-е июня выдалось тихим.

Можно было не спеша оглядеть наше первое поле боя. То там, то тут валялись вражеские солдаты: попали под густую пулеметно-автоматную очередь. Особую же гордость курсантов вызывали двенадцать танков и три бронемшины, застывшие у самых наших окопов.

Отличные же у тебя солдаты, наша советская Родина!

М. Воробьев, бывший зам. командира 47-й гвардейской механизированной дивизии, гвардии полковник в отставке.

1990 г.

НЕ ЗАБЫТЬ ТЕХ ДНЕЙ

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Солдаты сорок первого, принимая первые бои, которые для слишком многих стали единственными, все-таки верили в победу. Мысль о ней жила в них, она возвышала их над смертью. И вот она - Победа... Каким долгим, каким трудным был путь к ней, как дорого оплачивалось постижение всех премудростей войны.

У меня, как, впрочем, у каждого фронтовика, в памяти живы многие события тех военных лет. Но сегодня мне хотелось бы вспомнить о самых первых и самых тяжелых месяцах войны.

Шел июль 1941 года. Наш стрелковый батальон и приданный ему взвод разведки, выполняя боевое задание командования, оказался отрезанным от наших войск.

Командир батальона капитан Журавлев принял решение с боем прорываться к своим. Батальон сходу атаковал противника. Вначале нам удалось потеснить его, но вскоре стало ясно, что успех наш временный. Противник подтянул артиллерию, танки, в воздухе появились самолеты, и весь этот шквал огня обрушился на нас. От разрывов снарядов и бомб содрогалась земля.

Несмотря на это, батальон повторял атаки одну за другой. Красноармейцы сражались героически. Бой продолжался около двух часов, потери у нас были велики.

Командир батальона принимает новое решение: выйти из боя и отойти в глубь лесного массива.

При отходе комбат Журавлев погиб. И мне, как командиру головной роты, пришлось принять командование батальоном.

Положение было критическим: от батальона осталось 150 человек, из них 35 раненых, 12 из которых не могли передвигаться самостоятельно. Из командного состава в живых остались пятеро, и лишь трое в строю. Из медицинских работников — один санинструктор. Патроны на исходе, у некоторых красноармейцев их осталось всего по 10-15 штук. Нечем перевязать раненых. Продуктов нет.

Казалось, в этой ситуации люди растеряются. Действительно, были и такие, что предлагали пробиваться к своим отдельными группами. Это практически означало бы распустить батальон, а раненых товарищей оставить на гибель.

Но этого не случилось. Не случилось потому, что у каждого советского человека есть свой нравственный кодекс. Даже вот такая безвыходная ситуация не сломила дух солдата. Наоборот, эта общая беда — война, выявила такие качества, что диву даешься. Не имя никакого

приказа, надежды на помощь, надежды на то, что завтра будут еще живы, они выполняли свой долг чести.

И было принято решение: батальон сохранить как боевую единицу, пробиваться к своим организованно, раненых нести с собой.

Мне как командиру тоже нужно было принять единственно верное решение в тот момент: прорваться с боем на этом участке фронта мы не смогли, а сил повторить попытку у нас не было. Оставалось вывести батальон из фронтовой полосы в тыл противника, рассчитывая воспользоваться помощью населения и вооружившись за счет нападения на отдельные группы противника. Другого выхода не было.

Но дело осложнялось еще и тем, что у нас не было карты местности, приходилось составлять свой маршрут, в основном, по проселочным и лесным дорогам, и только со слов населения. Транспорта не было, раненых несли на руках.

На второй день нашего движения произошла первая встреча с противником. В ходе короткого боя удалось захватить четыре конных повозки с продуктами (что для нас было очень важно), а также около десятка трофейных винтовок и автоматов, боеприпасы к ним. Уничтожили около десятка фашистов. Потерь в этом бою мы не имели.

Вечером того же дня на одной из дорог устроили засаду с целью внезапного нападения на противника. Нам удалось подбить бортовую автомашину и уничтожить около двух десятков фашистов. За счет трофеев мы значительно пополнили свое вооружение.

По мере продвижения на восток путь становился все тяжелей: чаще стали встречи с противником, и почти каждый бой уносил жизни наших товарищей. А путь был неблизким...

Обо всем просто невозможно говорить по порядку. Вспоминая тот поход, трудно выделить тот или иной бой, ту или иную сложившуюся обстановку, когда приходилось искать и находить выход, а в этом длинном пути бывало всякое.

В Витебской области, например, нам преградила путь глубоководная река. Наши разведчики буквально с ног сбивались, а подходящего места для переправы обнаружить не смогли. Оставался единственный выход — переправиться на тот берег через мост, расположенный у деревни, в которой были немцы.

К счастью, деревня оказалась небольшой, с нашего берега она хорошо просматривалась, и путем наблюдения разведчики установили: численность противника незначительна. Но самое главное — разведка донесла, что мост в ночное время не охраняется.

И вот около двух часов ночи под прикрытием тумана боевые группы

с большими предосторожностями подошли к мосту, тихо прошли и... ворвались в деревню.

Наше внезапное появление настолько ошеломило фашистов, что они не в состоянии были оказать организованное сопротивление, выскакивали из домов в нательном белье и тут попадали под огонь наших бойцов.

Главная задача была выполнена, потерь в этом бою мы не имели. Мы уже находились на порядочном расстоянии от деревни, а стрельба в ней не прекращалась. Немцы, видно, все еще не могли разобраться в обстановке.

Линия фронта становилась все ближе, а противник встречался нам все чаще. Но вступать в бой, как говорится, без причины мы не имели права, потому что надо было измученных ранами, постоянным недоеданием, недосыпанием людей вывести из окружения. Но нам на помощь приходило население, и даже дети помогали. Помогали, заранее зная, что идут на рискованное дело.

По намеченному маршруту мы должны были выйти к одному из населенных пунктов. Но с какой бы стороны не подступались к нему, всюду путь преграждали немцы.

С группой красноармейцев я пошел в небольшую деревушку, что расположилась у леса. Задача была такая: найти кого-нибудь из местных, знающих здешние тропинки и дороги, чтобы нас незаметно провести к нужному месту.

Зайдя в крайний дом, встретили пожилого мужчину, в разговоре он как-то внушал доверие. И мы рискнули: предложили ему стать нашим проводником.

Ссылаясь на старость и состояние здоровья, он порекомендовал обратиться к одной женщине, объяснив, что ей можно верить полностью: на днях был сбит наш самолет, летчик выбросился на парашюте, пришел в деревню, а эта женщина куда-то его увела.

Делать нечего, пришлось идти к указанной женщине. Она вначале отклонила наше предложение. Когда я напомнил ей о летчике, женщина надолго замолчала. Затем сказала, что выполнить нашу просьбу не сможет, потому что больна (вид у нее, действительно, был болезненный, и она лежала, когда мы вошли). Но назначила встречу в условленном месте и сказала, что такой человек найдется.

С наступлением темноты командир взвода разведки Журбин был направлен на встречу.

Через некоторое время он доложил мне, что проводник прибыл, и указал на стоявшего сзади него мальчика.

Вначале я не поверил и подумал, что произошло недоразумение. Спрашиваю мальчика:

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать,— отвечает он.

— А ты знаешь, куда мы пойдем?

— Знаю,— говорит.— Там живут мои дедушка и тетя. Да вы не беспокойтесь. Проведу, ни один немец не увидит.

Пятнадцать километров буквально под носом у немцев одному ему известными тропами и тропинками вел нас юный герой к нужному месту. Нас встретил его дедушка, а мы распрошались с мальчиком. Я спросил у него:

— Что же подарить тебе на память, герой?

Он, не задумываясь, ответил:

— Наган,— и добавил, предупреждая мой следующий вопрос,— фашистов буду бить.

Конечно, наган я ему подарить не мог, снял с руки часы и подал ему.

«Идет война народная, священная война»,— поется в песне. Действительно, все от мала до велика встали на защиту своей Родины. Ведь эта белорусская женщина жертвовала своим сыном, не имея гарантии, что он вернется живым...

И вот мы вошли в фронтовую зону. Население отсюда было выселено в тыл, двигаться стало сложнее. Шли мы только лесными дорожками и только ночью, шли с большой осторожностью, чтобы не обнаружить себя.

Где и каким путем переходить линию фронта? Прорываться с боем мы не могли: не было ни сил, ни средств, да и раненых не могли обречь на гибель. Принимаю решение: переходить линию фронта по заболоченным местам.

В течение двух суток продолжался поиск перехода через болота. Люди голодали. А запас продуктов был таким скудным, что позволялось давать их только раненым и тем, кто занимался поиском пути. А какая это была трудная задача, может себе представить тот, кому приходилось воевать и ходить через белорусские болота.

Такой путь был пройден, но двигаться мы могли только ночью, потому что днем нас обнаружили бы с воздуха.

Перед началом перехода я пришел к раненым. Картину эту помню, как сегодня: раненые лежат на земле, грязные, худые, повязки на ранах почернели от засохшей крови. И мы ничем не могли облегчить их страдания. Но никто из них не пожаловался, не сказал, как плохо и больно им...

С наступлением ночи, когда болото покрылось туманом, начался наш последний тяжелый путь. Шли по топкому болоту, где по пояс, а где и по грудь в воде, раненых несли на руках. Люди падали от усталости, поднимались и снова шли, помогая, поддерживая друг друга. Всего лишь около пяти километров шли мы болотом, а пришлось потратить на показавшиеся нескончаемыми километры всю ночь. И лишь только утром мы были по другую сторону фронта.

О том, как были рады, что пришли к своим, нет, наверное, нужды говорить. Прежде всего всем раненым была оказана медицинская помощь и они отправлены в санбат.

За пятнадцать дней и ночей трудного пути была пройдена не одна сотня километров, уничтожены сотни фашистских солдат и офицеров, подорваны десятки автомашин. Не случайно весь личный состав батальона вооружился за счет трофейного оружия на 95 процентов, каждая винтовка и автомат были добыты в бою.

Старший сержант Филипишин, рядовые Костылев, Климовских, Чегигин, саниструктор Зайков... Да разве возможно перечислить их всех — героев Великой Отечественной войны. Не всем пришлось закончить тот поход, но даже смертью своей они помогли нам выжить.

...Вспоминаю, как я пришел в штаб полка узнать о местонахождении нашей дивизии. Полковник высказал сомнение, сможем ли мы двигаться в свою часть и дальше: такими уставшими и изможденными казались мы ему. Но разве могли бойцы отдыхать: шли тяжелые бои на Западном фронте. После очень кратковременного отдыха батальон двинулся в свою часть.

А уже на третий день после прихода туда я получил новое назначение — командира отдельной разведывательной роты. Через несколько дней снова был в тылу врага, но уже разведчиком, выполняя боевые задания командования.

**К. Коротков, участник Великой Отечественной войны.
1980 г.**

Прозрачная задумчивая сень.
Шумит сентябрь березовый в России.
Наверное, в такой же ясный день
Погиб на фронте старший брат Василий.
Но скорбных чувств не выразят уста.
В родном краю торжественно и звонко.
И в палисадах копится листва,
Как в сорок первом в избах похоронки.

В. Гилев. 1985 г.

СТОЙКОСТЬ И МУЖЕСТВО

В первых числах июля 1941 года наша 174 стрелковая дивизия вела тяжелые оборонительные бои под Полоцком. Противник, сконцентрировав большое количество живой силы и техники, пытался с ходу овладеть городом, этим стратегически важным узлом.

Крепко запечатлелись в моей памяти события 6-8 июля. Тогда ожесточеннейшие бои шли у населенных пунктов Луначарское, Гомель, Усвица-1 и Усвица-2. Под прикрытием огня артиллерии, самолетов и танков фашисты стремились выбить нас с линии обороны. Мы держались.

7 июля во второй половине дня земля нашей линии обороны вновь вздыбилась от разрывов снарядов. Забившись в окопы, мы пережидали артналет.

Не успели затихнуть последние разрывы, еще не улеглась поднятая ими пыль, как вновь тяжело содрогнулась земля — налетели воздушные стервятники.

Пережили авиационный налет, и тут на нас хлынули танки, за которыми густыми цепями шла пехота.

Оглохшие от взрывов, полузасыпанные брались за оружие наши бойцы...

Думаю, нет необходимости подробно описывать, как оставшиеся в живых, израненные, но не сломленные стояли насмерть советские солдаты. Сражались героически, и врагу не удалось сбить нас.

Очень хотелось бы отметить артиллеристов 2-го артдивизиона 598 артполка дивизии, которые поддерживали нас. Дрались они храбро. Выкатывали пушки на открытые позиции и прямой наводкой били по фашистским танкам.

Хорошо помню, как от первых же выстрелов загорелось несколько бронированных машин с белыми крестами. Но остальные танки, невзирая на потери, рвались вперед, обстреливая из пушек и пулеметов наши позиции.

Наши артиллеристы вели такой интенсивный огонь, что докрасна раскалились стволы орудий. Однако нескольким танкам удалось вклиниться в нашу оборону. Уйти обратно им не удалось: они были уничтожены «карманной артиллерией» — противотанковыми гранатами и бутылками с горючей жидкостью.

Наконец атака гитлеровцев захлебнулась. Немцы, оставив на поле боя больше десятка танков и много трупов, вынуждены были отойти. Большую роль в этом сыграло и то, что мы, обороняясь, и сами переходили в контратаки.

Большой урон фашистам нанесла созданная командованием ударно-подвижная группа, в которую входили разведывательный, стрелковый батальоны и артдивизион. Эта группа под командованием майора Петра Семеновича Галайко, умело маневрируя, неожиданно для противника наносила ощутимые удары. Особенно удачно был проведен налет около населенного пункта Луначарское. На рассвете 8 июля майор Галайко своей группой стремительно атаковал немцев, погнал их, уничтожая живую силу и технику, сметая с пути узлы сопротивления.

Группа настолько глубоко проникла в тыл противника, что захватила врасплох и разгромила штаб полка. При этом были взяты ценные документы, пленные и трофеи. Захваченное у немцев оружие было использовано против них же.

За дни проведенных боев ударной подвижной группой уничтожены десятки автомашин, мотоциклов, несколько танков, бронемашин, десятки орудий и другая техника, много гитлеровцев нашло свой конец от ударов смельчаков. Обо всем этом подробно писала дивизионная газета «Боевое знамя».

В тех боях в составе ударно-подвижной группы принимал участие и наш земляк Иван Сергеевич Лаковщиков. В это время он был секретарем партбюро отдельного разведывательного батальона. По боевым делам разведчиков можно судить о той большой политико-массовой работе, которую проводила парторганизация среди бойцов. И это не случайно, потому что Иван Сергеевич имел немалый опыт. До войны он много лет находился на комсомольской, партийной работе.

Война есть война. В одном из боев Иван Сергеевич был ранен. После госпиталя опять отважно сражался с фашистскими оккупантами. Получил второе, тяжелое ранение, после которого уволен в запас. Несмотря на инвалидность, снова встал в строй.

За ратные и трудовые дела он удостоен высшей награды Родины — ордена Ленина, награжден двумя орденами Отечественной войны, многими медалями. В настоящее время Иван Сергеевич Лаковщиков находится на заслуженном отдыхе, является пенсионером республиканского значения, живет в нашем городе. К сожалению, фронтные ранения не дают сейчас вести активную общественную работу.

К. Коротков, участник Великой Отечественной войны.

1986 г.

В ЧЕМ НАША СИЛА

Эти листочки с машинописным текстом и правкой от руки давненько лежат в моем журналистском архиве. Еще три года назад здравствовавший тогда ветеран войны и труда Константин Николаевич Коротков по моей настоятельной просьбе принес их в редакцию. Это его воспоминания о фронте, точнее, лишь один эпизод из полных лишений первых месяцев войны.

Как сейчас вижу, мы сидим за столом друг против друга, я перебираю листы, а Коротков сквозь линзы сильных очков ревниво следит за моими действиями. Чувствую, ему очень дороги эти строчки, ибо в них частица его жизни, жизни его боевых товарищей.

Ему хочется высказаться. И точно, Константин Николаевич начинает свой нелегкий, прерываемый долгими паузами рассказ.

— В июле 1941 года наш стрелковый батальон 508-го Шадринского стрелкового полка 174-й Челябинской стрелковой дивизии 22-й армии выходил из окружения. Многие офицеры погибли, сильно поредели и подразделения. Мне как старшему по званию из оставшихся в живых командиров пришлось взять командование над батальоном.

Тут он надолго задумался. А я углубляюсь в чтение. Вот запись из его личного фронтового дневника.

«Сегодня, то есть 30 июля, мы вошли в зону фронтовой полосы противника. Слышны раскаты орудийных выстрелов.

Остановились в лесу на дневной отдых. Днем совершать движение опасно, противник может обнаружить. В открытый бой вступать неразумно — люди усталые, много раненых, на исходе боеприпасы. И люди голодные, вот уже вторые сутки не получали пищи. А главное было — сохранить личный состав батальона.

Никто не жаловался ни на голод, ни на усталость. Только санитар-инструктор Зайков доложил, что раненые очень тяжело себя чувствуют, крайне нуждаются в медикаментах, и на ранах нужно сменить им повязки.

Медикаментов нет, перевязочных материалов нет. Даю приказ снять с бойцов, на которых еще осталось, нательное белье и сменить раненым повязки».

— В тот июльский день, — продолжал рассказчик, — наступил самый решающий момент. Нам предстояло или пробиться к своим, или погибнуть. Я вполне отдавал себе отчет в том, что нас ждет буквально через несколько часов. И меня как командира тревожило главное: не только с боем пересечь линию фронта, но и сохранить людей. С болью в сердце смотрел на измученных, усталых, голодных, израненных

людей, которых должен повести на решающий бой. То, что пережил в тот день, описать невозможно.

— Но меня,— тут Коротков даже пристукнул кулаком по столу,— воодушевляла сила коллектива, я верил в бойцов батальона. Несмотря на усталость, они были готовы выполнить любую задачу.

Да, этот день запомнился накрепко. Комбат Коротков отправил две группы под командованием лейтенанта Журбина и младшего лейтенанта Курбатова на поиски пищи. Во фронтовой полосе трудно было достать продукты, потому что немцы все население угнали в тыл. Рассчитывать можно было только на захват транспорта гитлеровцев.

В этот день посланные группы подбили три гитлеровских автомашины, но продуктов в них не оказалось. Возвратились они ни с чем. Встретили их вопросительными, ждущими, голодными глазами, но по виноватому виду возвращавшихся все поняли. Глаза потухли.

— Вот так,— грустно усмелся мой собеседник.— Продуктов нет, боеприпасы на исходе, много раненых. С наступлением вечера, когда солнце уже скрылось за лесом, я отдал приказ готовиться к походу.

И тут ко мне подошел красноармеец:

— Товарищ комбат, наш командир отделения сержант Алексеев предлагает нам ночью во время похода отстать от батальона и разойтись. Спасаться кто как может, а то погибнем.

Между прочим, отделение сержанта Алексеева по плану должно было двигаться в хвосте батальона, в охране. Как хорошо, что предупредил меня красноармеец, фамилии его, к сожалению, не помню.

И без того было тяжело, а тут новый удар.

Я тут же пригласил сержанта и предложил ему дать объяснение. Вначале он все отрицал, но потом выдал из себя:

— Был такой разговор. Трудно очень.

По закону военного времени и с учетом тяжелой обстановки я имел право сержанта лично расстрелять как паникера. Но принял другое решение: изгнать его из батальона, предварительно все объяснив личному составу.

...Пожилой седой человек сидел напротив меня и с волнением рассказывал о событиях далеких дней, о своих бойцах, а перед моим мысленным взором они вставали как живые.

В сумерках тревожно и глухо шумит вершинами лес, со всех сторон обступая поляну и выстроившихся на ней бойцов. Не мывшиеся много дней, они в пропотевшем, истрепавшемся обмундировании, многие с окровавленными повязками. Исхудавшие землистые лица,

запавшие усталые глаза. Но руки крепко сжимают оружие. Нет, эти бойцы не сломлены, они еще — грозная сила.

А перед строем в такой же выгоревшей гимнастерке, со следами бессонных ночей и фронтовых лишений на лице лобастый, плотного сложения их командир, их комбат Коротков. Тяжело падают его слова:

— У отдельных товарищей есть мнение распустить батальон, и пусть каждый спасается как хочет. И раненых бросить на произвол судьбы, пусть они погибают.

Голос командира набирает силу, звенит металлом:

— А их у нас тридцать пять человек, из них двенадцать лежат на носилках.

Фамилия Алексеева еще не была произнесена, а он стоял, страшно побледнев, судорожно сжимая винтовку.

Комбат в мертвой тишине обвел взглядом строй и устало уронил:

— Давайте решать. Будем расходиться или организовано пробиваться к своим?

И тут произошел взрыв, взрыв негодования.

И комбат посветлел лицом, внутренне подобрался. В бойцах он еще раз увидел грозную силу. Куда только делась усталость, все были готовы сейчас же ринуться в бой.

Снова прозвучал резкий голос командира:

— Сержант Алексеев, выйти из строя.

Тот вздрогнул, скованно шагнул и застыл.

— Сдать оружие, — снова ударил приказ. — Покинуть батальон.

Случилось неожиданное, что не часто приходится видеть. Сержант Алексеев, взрослый мужчина, заплакал:

— Комбат, прости. Не гони, разреши остаться...

...На этом месте Коротков вдруг прервал повествование, спросил меня:

— Что было делать?

Но, пораженный силой рассказа и накалом разворачивавшегося на лесной поляне действия, я молчал.

Он рассказывал дальше.

Я показал на строй красноармейцев:

— Их вы обрекали на гибель, у них и просите пощады.

Конечно, ребята крепко ему дали. Но поверили и начали просить меня отменить свой приказ и оставить Алексеева в батальоне.

— Ведь почему я отдал решение вопроса жизни и смерти его батальону? — снова обратился ко мне рассказчик и, не дожидаясь ответа, убежденно произнес:

— Я видел силу коллектива, верил, что батальон меня правильно поймет и поддержит. И, второе, воздействие коллектива — сильное средство. В данном случае я не ошибся.

Предвидя мой вопрос, Константин Николаевич продолжил:

— Я удовлетворил просьбу батальона, но сержанта от командования отделением отстранил.

Тут я высказал свою догадку:

— Константин Николаевич, так вы с самого начала были уверены, что Алексеев под действием обрушившихся на вас невзгод только временно заколебался, дрогнул? Еще не все было потеряно?

— Да,— скупой улыбнулся мой собеседник.— Я всегда верил в советского человека. И знал, как много значит в нашей жизни суровый, но справедливый суд товарищей.

— Как же дальше развивались события?

Но суровый рассказчик, и раньше не щедрый на слова, уже остыл и лишь проронил:

— Из окружения тогда мы вышли.

— А сержант Алексеев?

— Вскоре меня назначили командиром отдельной разведывательной роты. Алексеева я взял к себе и доверил ему отделение. Будучи разведчиком, он показал себя смелым, находчивым.

— А в октябре сорок первого,— тут голос Короткова стал тише,— при выполнении боевого задания сержант Алексеев погиб смертью храбрых.

...Я бережно складываю листочки. Короткова уже нет среди нас, а в моей памяти продолжает звучать, хотя все тише и отдаленней, наш разговор и его последние слова:

— Война — это страшно. Нельзя такое забывать.

Нельзя, дорогой Константин Николаевич. И мы не забываем. Ни тех лет, ни тех бойцов и командиров. Вечная вам слава! Вечная память вашему подвигу!

М. Лисюк.

1987 г.

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Речь пойдет об одном из комсомольских вожаков, настоящем патриоте Родины — Иване Ядрышникове, бывшем первом секретаре Шумихинского райкома комсомола.

Воинскую службу Иван Ядрышников начал в Забайкалье. В своих воспоминаниях один из командиров подразделения, служивший вместе с ним, пишет: «Политработник Иван Ядрышников был скромным, чутким, отзывчивым, внимательным, пользовался уважением бойцов и командиров. Во время практических учений он шел вместе с подразделениями по бескрайним просторам забайкальских степей. На привалах подсаживался к бойцам, и тогда быстро завязывалась дружеская, душевная беседа. И не случайно, видно, любил он простую красивую русскую песню. Нередко сам запевал «Метелицу» или «Калинушку», а бойцы подхватывали. Песня сближала, объединяла, помогала преодолевать усталость. Привал заканчивался. Бойцы вновь становились в строй и с обновленными силами устремлялись вперед».

Началась война. «Только бы попасть на фронт, я буду там беспощадным», — говорил он. Эти слова прозвучали как клятва, и вскоре его желание исполнилось.

По свидетельствам боевых товарищей Ядрышников на фронте быстро нашел свое место. Он спокойно и мужественно исполнял воинский долг, зря не лез под пули, но его видели всюду, где была опасность. Его смелость вызывала восхищение, его чуткость и умение найти и сказать заветное слово покорила людей. Он постоянно пытался в каждом необстрелянном молодом бойце отыскать скрытые черты будущего героя.

Больше всего Ядрышников, как работник политотдела дивизии, находился на передовых позициях. В подразделениях знали его умение метко бить врага. Разведчики с восхищением рассказывали, как он ходил с ними на боевые задания. Там, где появлялся Ядрышников, бойцы дружно шли в атаку и крепко били врага.

Осенью 1941 года дивизия, в которой служил майор И. Я. Ядрышников, дралась на Карельском перешейке. Батальон, где находился он, был на передовых позициях. Фашисты, используя преимущество местности, стали окружать батальон. Ядрышников быстро оценил всю серьезность обстановки. «Пройдет еще немного времени, — думал он, — и отойти будет некуда».

Распорядившись отправить в тыл раненых, Ядрышников с горсткой бойцов остался продолжать бой.

Сила сопротивления советских воинов вызвала ярость у фашистов, и они осыпали горстку героев градом пуль. С возрастающей тревогой Ядрышников смотрел, что все реже и реже становятся выстрелы обороняющихся бойцов. Фашисты между тем подобрались совсем близко.

— Рус, сдавайся,— слышались их крики.

— Русские не сдаются,— отвечал Ядрышников и, бережно расходуя патроны, разил врага.

Когда наши наступающие подразделения отбросили фашистов с этого рубежа, бойцы нашли тело Ядрышникова. На лбу у него была вырезана звезда, в глаза забиты пустые гильзы. Все тело обезображено. Вокруг валялись трупы фашистских солдат и офицеров — дорого обошлась фашистам смерть работника политотдела Ядрышникова.

Молча сняли пилотки воины, а потом бросились в бой мстить за погибшего героя.

На Карельском перешейке у села Большая Никифоровка стоит обелиск на братской могиле, где вместе с боевыми товарищами похоронен бывший секретарь Шумихинского райкома ВЛКСМ Иван Яковлевич Ядрышников. А в части, где он служил, есть его портрет, и опытные воины рассказывают молодым солдатам о героическом подвиге заместителя начальника политотдела дивизии, получившего комсомольскую закалку на работе в Шумихинском районе.

**П. Абрамовских, ответственный секретарь
районного отделения ВООПИК.**

1988 г.

ПЕСНЯ В БОЮ

В землянке тесной и сырой
Приказ мы ждали командира.
И вот гармонь заговорила
На наш знакомый русский строй:
«Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали».
И песня встала, повела
В сырую ночь, в огонь сражений.
Она на подвиг нас звала
Неутолимой жадной мшненья.
А утром в синеве рассвета
Дымился вражеский оплот.
Была героически песня спета.
У песни есть накал и взлет.

А. Тимофеев. 1970 г.

ПО МОРЯМ И ПОЛЯМ

Когда выходили на своем грузовом корабле из американского города-порта Джексонвилля, уже знали о шныряющих неподалеку фашистских подводных лодках. Одна недавно была потоплена.

И вот тут мы наглядно убедились, что капитализм есть капитализм. У членов команды немецкой подлодки обнаружены билеты в кинотеатр Джексонвилля. Так, значит, они жили где-то здесь неподалеку и иногда даже ходили развлекаться в этот город. Поразмыслив, мы пришли к выводу, что немцы и горючим заправлялись тоже рядом. Основная-то база у них во Франции была. Не будут же за топливом ходить туда.

Почему свой рассказ я начал с далекой Америки? Потому что в годы войны приходилось в составе охраны наших кораблей бороздить океаны, сопровождая до нашей страны грузы ленд-лиза. И случай с подводной немецкой лодкой — один из эпизодов нелегкой службы.

До войны наш Шумихинский район относился к Челябинской области, поэтому немало парней и девушек тянулось в Челябинск. Вот и я после окончания семилетки уехал в этот город. В фабрично-заводском училище получил профессию токаря, работал на тракторном заводе. В 1939 году ушел служить, стал пограничником на Дальнем Востоке. Там и застала война. Оттуда и в Америку плывал.

Непосредственно участвовать в боевых операциях довелось уже в 1945 году, когда наконец-то была удовлетворена моя просьба об отправке на фронт.

И вот в марте 1945 года я в Венгрии. Хорошо помню — стояли мы в виду города Секешфехервара. Ночью нас перебросили к озеру Балатон. Там шли ожесточенные бои. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись, с боем, большими потерями отходя.

На нашем небольшом участке наступления события развивались так. Ранним утром под прикрытием двух самоходных артиллерийских установок мы пошли по полю вперед. Встретил нас сильный пулеметный огонь. Одна из самоходов подорвалась на mine, другую подбили фаустники.

А пулеметный огонь все крепчает. Мы были вынуждены окопаться. Я повел огонь из пулемета, товарищи поддержали. Сразу над головой поток пуль стал пореже. Но тут — взрыв фауст-патрона. Меня оглушило. Видимо, засекали.

Пока чуть отлежался, пропал звон в ушах — обстановка изменилась. Мы пошли в атаку и погнали фашистов. И последующие два дня хорошо их гнали. А потом наступил день последнего моего боя.

Чуть брезжит, денек обещает быть хорошим. Быстрым темпом движемся вперед.

Почти дошли до шоссе, как нарвались на массивный встречный огонь. Укрытия искать негде, залагаем кого где застало. Бью из пулемета, чтобы прикрыть товарищей.

Да слишком близко оказались мы от позиций немцев. И вот уже рядом рвется граната. Землей забило пулемет. А моей многострадальной голове опять досталось. Почти ничего не слышу.

Но прочистил пулемет, снова стреляю. И по мне бьют прицельно. Вдруг пуля пронзила банку с пулеметной лентой. Надо менять позицию.

Вот уже второй номер пулемета пополз к укрытию, добрался. Но только напрягся для последнего рывка, как в него ударила пуля. Свалился лицом в землю.

Слышу, ребята подбросили огоньку, чтобы прикрыть меня. Пора и мне. Успел сделать лишь несколько движений, и тут нога онемела: пуля. Еле добрался до укрытия.

После ожесточенной перестрелки бой пошел на убыль. Видимо, фашисты поняли — не устоять им и на этот раз. Да и чувствовали, скоро войне конец, а заканчивается она не в пользу фашизма. Ослабел боевой дух гитлеровских вояк.

После небольшой перестрелки наши бойцы пошли в наступление. Уже без меня. Смотрел я им вслед и желал уцелеть до Победы. Но знаю, на берегу озера Балатон тогда сложили головы тысячи наших ребят.

Для меня война закончилась. К вечеру на лошадке увезли в медсанбат, перевязали. Дальнейшее помню плохо. Операции, перевязки, один госпиталь, другой. Так на госпитальной койке и встретил Победу.

После выздоровления и демобилизации работал в Шумихе в авторемонтной мастерской, на железной дороге, в машинно-тракторной мастерской в Хохлах. Потом вернулся в Березово и трудился в полеводстве до выхода на пенсию. И сколько мог — помогал колхозу.

О тех событиях грозных лет напоминают мне орден солдатской Славы, орден Отечественной войны I степени, медали.

Б. Камышев, ветеран войны и труда.

с. Березово. 1988 г.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

С теплотой и сердечностью вспоминают о дважды Герое Советского Союза Сергее Ивановиче Грицевце его сверстники. И всегда в разговоре ощущается любованье кумиром их далекой молодости.

Сейчас ко всем вам обращается его сестра Женя, чтобы вспомнили о младшем брате — Георгии Ивановиче Грицевце, 1918 года рождения. Горкой звали его в семье.

Сурово распорядилась судьба его жизнью. В голодном 1921 году пятеро детей остались без матери (Георгию было три года). К 1929 году разъехались из Шумихи братья и сестра. Радости и горести, обиды и боли мог делить только с приятелями. Однако рос, учился. В 1929 году стал пионером, активно участвовал в общественной жизни детворы. Окончил 7 классов железнодорожной школы № 137. В 1932 году становится членом ВЛКСМ, работает вожатым.

В 1934 году шестнадцатилетнего подростка принимают на работу в аппарат райкома комсомола. Некоторое время он работает помощником секретаря райкома ВЛКСМ, а затем утверждается заведующим районным Домом пионеров и начальником первого в Шумихинском районе летнего пионерского лагеря.

Затем он по примеру брата Сергея тоже посвятил себя авиации: также закончил Оренбургскую школу летчиков, совершенствовал искусство высшего пилотажа в Качинской авиашколе. Окончив ее в феврале 1939 года, Георгий до начала Великой Отечественной войны служил в Одесской военной летной школе.

С первого дня войны он в рядах действующей армии сражался с фашистскими войсками на южном фронте, защищает от врага город Ростов-на-Дону.

6 июля 1942 года 24-летний военный летчик Георгий Грицевец не вернулся с боевого задания, угодил в число «без вести пропавших».

Разыскивать его было некому. Всех родных война раскидала. О связи с ними не могло быть и речи. Еще до войны отец выехал из Шумихи в город Кроливец Сумской области. Там жил с семьей и оставшийся после службы в армии старший брат Василий. Сестра Женя всю войну работала в воинской части, демобилизовалась в звании лейтенанта только в 1956 году.

А. Королева, руководитель совета музея дважды Героев Советского Союза ГПТУ-16.

ЗАЩИТНИК СЕВАСТОПОЛЯ

Иван Степанович Минаев родом из деревни Петухи. Познакомился я с ним в конце декабря 1940 года в райвоенкомате. Нас, пять человек, отправляли на военную службу в г. Новороссийск.

Служба началась в учебной роте. Здесь с Минаевым я познакомился ближе. Был он всегда весел, подвижен, находчив. Быстро ориентировался в любой обстановке. Мы с ним вскоре подружились.

Ивану очень нравилась военно-морская форма. Был он всегда чист, опрятен, подтянут.

Хоть и трудны первые месяцы службы, но пролетели они быстро. Началось распределение по воинским частям. Меня оставили в Новороссийске, а Минаева направили в город Геленджик на береговую батарею. Это было в конце марта 1940 года.

На береговых батареях изучали военную технику, участвовали в учебных стрельбах. Шла обычная служба.

Но вот фашисты вероломно напали на нашу страну. С боями, неся огромные потери, враг продвигался в глубь страны. К концу декабря 1941 года фашисты были уже в Крыму.

Мужественно защищают советские моряки город Севастополь. Силы неравны. Но и при этих условиях 250 дней сдерживается натиск врага. О значении борьбы за Севастополь Верховный Главнокомандующий Сталин говорил: «Самоотверженная борьба за Севастополь служит примером героизма для Красной Армии и советского народа».

В тяжелом положении оказались защитники города. Перебои с доставкой продовольствия и боеприпасов. Мало поступает свежих воинских подкреплений. В это время на кораблях Черноморского флота, на зенитных и береговых батареях срочно сокращается личный состав. В апреле 1942 года И. С. Минаев в составе одной из срочно сформированных воинских частей был направлен морем на помощь защитникам Севастополя.

Не надо вновь рассказывать, какой это был трудный период для защитников города, 70-80 дней героической обороны пришлось и на долю Ивана Степановича. Это немало, если учесть, что на фронте, да еще в Севастополе, продержаться такое количество дней — это уже подвиг. Да не просто продержаться, а активно участвовать в обороне города, отбивать многочисленные атаки врага, принимать на себя град осколков бомб и снарядов, терять друзей.

Идут последние дни боев за Севастополь. По приказу нашего командования 1 июля 1942 года с болью в сердце защитники оставляют Севастополь. Идет погрузка боевой техники и личного состава на ко-

рабли, которые берут курс к восточным берегам Черного моря. С группой бойцов и командиров Минаев попадает на буксирное судно. Берут курс на город Новороссийск. Вот уже и скрылся из виду пылающий и разрушенный Севастополь.

Покачиваясь на волнах, медленно движется буксир. Не слышно взрывов, лишь о борт корабля плещутся волны. Идет наблюдение за воздухом и морем. Часть команды и защитников города отдыхает. Бойцы вспоминают бои, гибель друзей. Всех гнетет тяжелое чувство потери любимого города.

Никто не подозревал, что не суждено судну дойти до своих берегов. Заглохли машины. Непривычно тихо стало на корабле. Принятые меры ничего не дали. Ветхое суденышко попало во власть волн и морского течения. Дул свежий ветер, и судно дрейфовало на юг.

Сколько дней продолжался этот дрейф — неизвестно. Ни враги, ни свои не заметили попавшее в беду судно. Но вот вдали показалась земля. Появились корабли.

Каково же было удивление попавших в беду моряков, когда к ним приблизилось турецкое судно береговой охраны. После переговоров наш корабль был отбуксирован в порт. Потянулись долгие дни турецкой неволи.

В июле 1942 года я заканчивал учебу в Балаклавской школе морской пограничной охраны, которая находилась в то время в Батуми. До нас дошли слухи, что наши моряки, бывшие защитники Севастополя, случайно попали в Турцию. Как мне стало известно, это был не единичный случай. Не мог я только предполагать, что одним из турецких невольников стал мой земляк Ваня Минаев.

Надо вспомнить то далекое время, чтобы воспроизвести в памяти политику Турции летом и осенью 1942 года, в самое, пожалуй, трудное для нашей страны время. А тогда турецкое правительство ждало падения Сталинграда, после чего Турция должна была вступить в войну против СССР. Конечно, по этой причине турецкие власти не выполнили международного соглашения, по которому они должны были немедленно вернуть в нашу страну людей, попавших в беду.

Шесть месяцев длилась турецкая неволя. Вернули их лишь тогда, когда бои под Сталинградом закончились нашей победой.

Вот и своя страна. Отдых после неволи, и все бывшие защитники легендарного Севастополя направляются на Северо-Кавказский фронт.

В сентябре 1943 года идут сильные бои за Новороссийск, Тамань, Краснодар и другие города. У меня нет данных о том, где точно сражались вызволенные из неволи моряки. Знаю лишь, что в апреле 1944

года Иван Степанович Минаев участвовал в боях за освобождение Крыма, а затем и города Севастополя.

Но для Минаева война не закончилась. Дальше с боями путь его шел на запад до конца войны.

На этом заканчивается мое повествование о друге, который своим посильным участием в годы Великой Отечественной войны вложил свой вклад в победу над фашистской Германией.

Четыре года назад, едва достигнув шестидесяти лет, он умер в городе Шумихе.

Так пусть в памяти его, детей, внуков и тех, кто его знал, останется образ участников боев за легендарный город-герой Севастополь.

**М. Алексеев, ветеран войны и труда.
с. Благовещенское. 1985 г.**

ДЕНЬ КРЕЩЕНИЯ

Давно земля впитала пот и кровь,
Давно замолкли выстрелы орудий.
Но первый бой, как первую любовь,
Фронтовики, конечно, не забудут.
Артподготовки гром и смерть, и чад.
Казалось мне — я на костре сгораю.
Но взвод в атаку бросился, крича —
Пошла на штурм родимая восьмая.
А впереди же — чертова беда.
Она визжала, плакала и выла,
И в злобе смерть косила нас тогда.
Но мать-судьба нас с другом сохранила.
Лежали трупы, друг и враг,
Ушло из жизни племя молодое.
Мы на высоте «застолбили» фланг.
Сухарь жевали в горести с тобою.
Тот день считали мы судьбой:
Неизгладимы в жизни эти даты.
Сквозь ад прошли, но этот первый бой
Стал днем рожденья на войне солдата.

**А. Орлов. г. Шумиха.
1990 г.**

КТО ВИНОВАТ?

Занималось утро. Едва ощутимый ветерок предвещал появление солнца, и река пригладила свои волны. Катера Дунайской флотилии причаливали к берегу. Мы один за другим прыгали в воду, неуклюже шагали в ней с поднятыми над головами автоматами.

Первые лучи выползающего из-за гор солнца озаряли стены стоящей на высоком холме Братиславской крепости. В разных концах города слышались выстрелы.

Наступление наших войск со стороны вокзала, крепости и с берегов Дуная было столь стремительным, что немцы не могли организовать оборону и поспешно отступали. Лишь отдельные группы оказывали сопротивление. Но и они не задерживались, огрызались автоматными очередями, да иногда слышны были тугие хлопки взрывающихся гранат.

Наш взвод отдельными группами продвигался по пустынным улицам, укрываясь у изгородей с нависшими ветвями деревьев. Город был безлюден. На окнах домов, притаившихся в глубине садов, опущены жалюзи, калитки и двери глухо закрыты, улицы пустынные: ни транспорта, ни пешеходов.

Нас догнал командир взвода лейтенант Савин. Он остановился, осмотрелся, вытер тыльной стороной ладони пот со лба, поправил фуражку и негромко позвал:

— Савельев, иди сюда.

Подошел Павел Савельев — сержант лет тридцати, с обветренным темным лицом, острыми черными глазами, в сдвинутой на правое ухо пилотке и вопросительно поглядел на лейтенанта.

— Бери своих ребят и осторожно двигайтесь право улицей. А ты, Замятин, — прямо, — обратился Савин ко мне и показал рукой направление движения моей группе и отделению Савельева.

— Держитесь ближе к домам. Спешить не надо. Внимательно все осматривайте. На следующем перекрестке берите вправо и догоняйте взвод.

Он махнул рукой, и мы побежали в указанном направлении.

Пока на пути продвижения взвода немцев не было. В отдаленных улицах потрескивали автоматные очереди, слышался топот солдатских сапог, да глухо позвякивало оружие.

Труден бой в городе. Каждый дом, каждое окно, подъезд могут брызнуть свинцом. Не угадаешь, где притаилась смерть, откуда следят за тобой глаза врага и ждут удобного момента, чтобы навсегда остановить твой бег, вырвать жизнь.

Я быстро, но осторожно шагал по чужому городу, а из глубины памяти как наяву вставали дали родного села: речка в голубой дымке, такая близкая и родная, сверкающая гладью на солнце, заливной луг с запахом зеленой сочной травы и ласковым теплым ветерком. Родной мой край! Как далеко я от тебя!

Рядом со мной шли пожилой и грузный солдат Васин, мой одноклассник, и молодой солдат Соколов. Голенища кирзовых сапог у него были широки и потому издавали двойной звук: резкий от топота по камням и хлопающий — голенищами. Третьим был молодой солдат Петя Нечаев. Мы внимательно оглядывались по сторонам, осматривали задворки, сады и двигались пока без задержки.

Вправо между домами открылась узкая затененная улочка. Метрах в ста она обрывалась изгородью. Мне показалось, что кто-то в глубине ее пробежал.

— Быстро, ребята, проверить, кто там.

Васин и Соколов свернули в улочку.

Петя Нечаев все пытался вырваться вперед меня, заглядывал во все уголки, а лицо его выражало явное недовольство: нет противника и ничего не известно о нем. Признаться, это беспокоило и меня.

Мы двигались по улице. Я старался быть впереди Пети, то и дело показывая ему, а то и сердито приказывая — замедлить движение. Я боялся за него. Поспешность, а, порой, неоправданная лихость могли обернуться для него трагедией. На войне нельзя обойтись без гибели солдат, а осмысленность, осмотрительность, расчет, умение смело, но с обдуманым риском действовать в бою не сразу приходят солдату. Не только я, все во взводе старались помочь овладеть фронтовой солдатской мудростью этому чувствительному юноше. Разница в возрасте между нами была всего четыре года, но он казался мне мальчиком. Он это чувствовал, не протестовал, но переживал.

Мы остановились, чтобы подождать Васина и Соколова. А Петя не хотел задерживаться. Ему надо было двигаться.

Наблюдая за Петей Нечаевым, стараясь понять других солдат взвода, я удивлялся человеческой природе. Чего же все-таки в людях больше: добра или зла, участия или безразличия, любви или ненависти, чувствительности или холодности? Скорее всего у каждого эти качества — в разной пропорции, а проявляются в связи с обстоятельствами. Вот и Петя. Как ни ожесточался лютой ненавистью к врагу в бою, после боя его сердце и весь он были открыты людям.

Мои размышления прервали Васин и Соколов, догнавшие нас.

— Какой-то мужчина бежит, стучится к соседям и сообщает, что пришли русские. Назвал себя профессором-скульптором, фамилию сказывал не то Майерский или Майорский. Разве разберешь, — ответил Васин.

— Приглашал нас в свой дом. Угостить вином хотел, — добавил Соколов.

— А вы что?

— Что мы? Спросили про немцев. Он сказал, что по центру города третий день идут машины, а на этих улицах не видели.

Васин достал из кармана бумагу и табак, не торопясь, скрутил самокрутку. Соколов и я тоже закурили. А Петя нервно поправлял автомат, недовольно поглядывал на нас и осматривался по сторонам.

Я потом ругал себя за это промедление. Может, все было бы по-иному, если б не эта остановка.

— Пошли, — растирая сапогом недокуренную папиросу, позвал я.

Все двинулись и молча шли пять-шесть минут. Виллы сменили большие дома. Мы приближались к центру города. Пора было поворачивать вправо и догонять взвод.

В полусотне метров из-за деревьев выскочили три грязно-зеленые фигуры и скрылись за соседним большим домом. Они не заметили нас, наверное, очень спешили.

— Немцы! — крикнул Петя и со всех ног бросился к дому. Я устремился за ним. Васин и Соколов метнулись наперерез с другой стороны дома. Все произошло очень быстро.

Петя, не оглядываясь, спешил к дому, завернул за угол и увидел бегущих немцев. Он вскинул автомат. Но на какое-то мгновение бежавший последним немец оглянулся, приостановился и опередил Петю. Протрещала очередь. Вскинутая с автоматом Петина рука на миг замерла в воздухе, он, как-то неестественно нагибаясь, приостановился и медленно осел на землю.

Я подбежал и наклонился над Петей. Он лежал, поджав правую ногу. Рука с автоматом вытянулась вперед, а левая, с вывернутым локтем, прижата телом. Казалось, тело напряглось, чтобы подняться и сделать стремительный бросок вперед, но сделать этого он уже не мог. Он был мертв.

Я был настолько ошеломлен и потрясен случившимся, что не слышал выстрелов Васина и Соколова, перехвативших немцев.

Я повернул тело Пети на спину. На гимнастерке пониже ворота у левого кармана были две маленькие дырочки. Вокруг них проступала кровь. Темное пятно медленно расплзлось по гимнастерке. Лицо побелело. Отчетливо проступили черные брови и темный пушок над

верхней губой. В стремительном беге Петя закусил нижнюю губу. Она так и не высвободилась из-под плотно сжатых зубов. И даже мертвое лицо солдата выражало стремительный порыв.

Как-то во взводе зашел разговор о героях, о подвигах в боях наших солдат и офицеров. Припомнили много случаев из боевой жизни своего полка, когда по примеру отважных подразделений бросались на врага и решали, казалось, невыполнимые задачи. Петя внимательно слушал всех, а потом задумчиво и тихо сказал:

— А знаете, ребята, с чем можно сравнить подвиг солдата в бою?

Он поглядел на нас, помолчал, как бы раздумывая, говорить или нет, а потом продолжал:

— С пулеметной очередью трассирующими пулями. Как за яркими светящимися нитями трассирующих пуль следует невидимый дождь смертоносного свинца, так и за первыми поднявшимися в атаку героями следует стремительный натиск на врага солдатской лавины.

Мне тогда его сравнение показалось надуманным. А вот сейчас перед его телом я понял, что этот скромный, незаметный и нескладный юноша был сильным, смелым и отважным, способным на подвиг, и только что в стремительном броске он думал об одном: не дать врагу уйти.

Подошли Васин и Соколов. Остановились. Молча сняли пилотки и склонили головы.

Смерть Пети потрясла всех солдат взвода. Лейтенант зло и грубо обругал меня за то, что я не уберег, не сдержал Нечаева. А разве можно в бою угадать, кого и когда могут убить, кого и как надо беречь? А что значит беречь? Петя не мог остаться позади всех и ждать, когда появившиеся немцы будут уничтожены мной, Васиным или Соколовым.

За годы войны я видел гибель многих наших солдат. Горечь, жальность утраты жгла. А вот смерть Пети Нечаева ошеломила. Я не мог, не хотел верить тому, что не блеснут синевой Петины глаза, не зазвучат в его устах лермонтовские стихи, не улыбнется он тихой застенчивой улыбкой, и никогда не будет его среди нас. Безжалостна война, а еще безжалостнее жестокие люди, по чьей вине она бывает.

В Петинем вещмешке были тетради с его записями. А в кармане гимнастерки — письмо от матери, полученное накануне, и на которое он не успел ответить. Петины вещи мы отправили посылкой матери, написали ей, каким солдатом был и как погиб ее сын. А материно письмо я оставил у себя и часто перечитывал его, находя в его словах новые дополнения к образу этого удивительного юноши, умного, доброго, внимательного, застенчивого и скромного.

« — Милый Петенька! — писала мать. — Как мы раду твоему письму! Это хорошо, что твой командир строгий и чуткий, что товарищи твои добрые и отзывчивые. Дорожи дружбой товарищей. Береги ее. Будь сам бескорыстен и верен.

Перед твоими глазами, Петенька, не только кровь и разрушения, муки и страдания людей. Ты видишь жизнь людей другого мира. Среди них не так уж много врагов. Куда больше там наших друзей. Научись, Петя, их различать.

Ты, Петя, не беспокойся о нас. Девочки здоровы. Учатся. Оленька подросла, смешная и наивная. Во всех кинофильмах про войну все надеется увидеть тебя и огорчается после кино.

Любушка учится отлично. Только вот обувь у них поизносилась да рукавички у пальто стали узковатыми и короткими. А купить новые трудно. Но это не большая беда. До победы недалеко. Только ты, Петенька, береги себя.

А тетради твои я храню. Ты не беспокойся. Все твои записи будут в сохранности. Я подбираю тебе книги для подготовки к экзаменам в институт. Кончится война, ты приедешь и будешь заниматься.

Петя, ты помнишь того пожилого работника редакции? Я его фамилию не знаю, а зовут его Илья Фомич. Он недавно встретил меня, остановил и спросил о тебе. Хвалил твои стихи, просил написать тебе, чтоб ты продолжал писать, просил присылать в редакцию. Он говорил, что у тебя талант. Я смутилась, даже растерялась и в замешательстве благодарила его.

Скоро закончится эта ужасная война. Ждем тебя, дорогой, ненаглядный наш.

Береги себя. Целуем и обнимаем тебя крепко, крепко. До встречи с Победой, родной Петенька!»

Как больно и горько было сознавать, что этой встречи не будет, что жизнь Пети Нечаева оборвалась так рано, а сделал он в ней так мало.

Война виновата в гибели Пети Нечаева. А кому они нужны, эти страшные войны? Что двигает теми людьми, которые готовят и начинают их?

С. Осетров, участника Великой Отечественной войны.
1985 г.

НАМ БЫЛО ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Октябрь 1942 года. Холод, дождь, грязь. Немцы все еще предпринимают отчаянные, но безуспешные усилия захватить Сталинград и прорваться к Волге.

Полки нашей 252 стрелковой дивизии прибыли с Урала и были направлены на северный участок фронта. Ранним утром подразделения занимали позиции, пройдя по раскисшей дороге километров тридцать.

В километре или чуть ближе через морозящую серость дождя проглядывала высота. На ее склоне — немецкая оборона, а у подножья метрах в трехстах от высоты — наши окопы. Вправо и влево чернеют подбитые танки. Сквозь дождь и утреннюю мглу проступало десятка два изуродованных немецких машин, среди них четыре-пять наших. Видно, жаркими были бои, вынудившие немцев перейти к обороне.

Я, да и не только я, все, кто первый раз приближался к передовой, слышав свист летящего снаряда или мины, бросались на землю. А они проносились мимо и рвались далеко позади или в стороне. Это потом научились определять перелет или недолет. А в этот первый день казалось — каждый снаряд накроет. Шли быстро. Мокрые шинели стали еще и грязными.

Мне и еще трем солдатам командир взвода приказал расположиться под танком с разорванной гусеницей, непрерывно наблюдать за немецкими позициями и вести огонь, если покажется противник.

Под танком был окоп, но для четверых он оказался слишком мал. Пришлось копать сбоку от танка еще один и соединять их.

Офицеров вызвали к командиру батальона.

— Будем брать высоту.— Начало атаки в одиннадцать после артиллерийской подготовки.

Еще на высоте гремели разрывы, как раздалась команда:

— В атаку! Вперед!

Повыскакивали из окопов и перебежками устремились вперед. Немцы сначала не стреляли. А когда мы отбежали метров шестьдесят-семьдесят, открыли очень плотный огонь. Пули свистят. Мины и снаряды рвутся. Грохот и свист сверлит уши.

И в этот первый раз сближения с врагом, и потом не раз, не страх за жизнь, об этом не думалось, притуплял сознание опасности. Наступало какое-то безразличие к себе. Только инстинкт самосохранения бросал тело на землю. И хотя она мокрая и раскисшая, но, прижимаясь к ней, казалось, набираешься сил. А воля, подчиняясь призыву и примеру товарищей, напрягаясь от жгучей ненависти к врагу, движет тело вперед, и бежишь с теми, кто еще поднимается.

Не удалось наше наступление в первый день. С потерями вернулись на свои позиции. И на второй не могли преодолеть больше половины ничейной земли.

Вечером заместитель командира роты по политчасти старший лейтенант Гуренко еще раз рассказал, как необходимо взять высоту. За ней километрах в трех железная дорога, по ней немцы подвозят войска к Сталинграду.

И вот под покровом темноты стремительная атака, и высота наша! За ее гребнем блиндажи, ровики для боеприпасов, ходы сообщения. Было приказано занять оборону и быть готовыми к отражению контратаки.

Перед рассветом началась стрельба. Мы трое были в небольшом блиндаже. Выскочили. Метрах в сорока немцы. Когда вспыхивали ракеты, поблескивали надвинутые на глаза каски и короткие автоматы в руках. Они бежали и стреляли на ходу. Трассирующие пули рассекали темноту, и казалось, что блестящие нити опутывают нас. Очень красиво, если бы не смертельно опасно.

Заговорили два наших ручных пулемета. Захлопали винтовочные выстрелы.

— Гранатами их, гранатами, гадов! — сквозь выстрелы крикнул командир взвода. Загрохотали разрывы, среди них и двух моих гранат.

И немцы не выдержали, побежали назад, оставив в грязи трупы убитых. Но и у нас гранат не осталось, да и патроны были на исходе. Если атака возобновится — не выдержать.

Но тут в окоп прыгнул солдат с катушкой телефонного провода и аппаратом, за ним младший лейтенант-артиллерист.

— Артиллерия подоспела, — сказал сосед. — Сейчас живем!

Через несколько минут началась пристрелка. Снаряды плотно ложились на немецких позициях. А уже через час мы преследовали отступающего врага и перерезали железную дорогу. Бой был выигран. Приказ командования выполнен. И мы, молодые солдаты, обрели уверенность и боевой опыт.

Только за эти дни многих недосчитались. Погиб командир полка майор Чмырь. Убит мой товарищ Петя Араксин. Мы были из одной деревни и вместе призывались в марте 1942 года. Курганских парней 1923 года рождения было немало в полку, но осталось немного. Были ранены Иван Гуляев и Петр Воротынцев из Мокроусово, а Сараеву из Птухово перебило обе ноги.

Нам было тогда только по девятнадцать.

Через несколько дней дивизию сняли с этого участка фронта и перебросили южнее, в район станицы Клетской, пополнив на привалах по дороге поредевшие в боях роты.

19 ноября началось наступление войск Юго-Западного фронта, а полки нашей дивизии заняли важный опорный пункт немцев — хутор Вертячий. Немецкая оборона было разорвана.

Наступил новый этап в Сталинградской битве, а, вернее, во всей Великой Отечественной войне: окружение 330-тысячной армии врага и сжатие огненного кольца.

С. Осетров.
г. Шумиха. 1985 г.

ПОБЕДА

Кто просто пешком,
А кто на подводе
Возвращались с фронта домой мужики.
И к Марфе Деминой вернулся Федор
С пустым рукавом вместо правой руки.
Марфа — в рев. И такому рада.
Прижалась к медалям на его груди.
А у Постниковых возле ограды
Никодимиша в одну точку глядит.
Потом забила, как птица в клетке:
Муж мой... родненький... Никодим...
И упала в руки соседке.
Глаза тихие застлал едкий дым.
Ругался дед мой:
— Мать их за ногу,
Гады, каких загубили ребят...
А на сельском клубе, побеленном заново,
«Земляки, с победой!» — алеет плакат.
Мы, пацаны, сидели на бревнах,
Ростом — можно щелчком пришибить.
И знали первыми, что праздник сегодня
И будут супом мясным кормить.
И долго потом звенела гармоника,
И песни в сердце шли напрямик,
И в сельском клубе на всех подоконниках
Пылали букеты алых гвоздик.

В. Гилев. г. Шумиха.
1980 г.

ВСТРЕЧА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Яков Григорьевич Чичиланов участвовал в боях за освобождение Воронежа, городов и сел Украины, Польши. Свой боевой путь командир самоходной артиллерийской установки начал в январе 1942 года в звании младшего лейтенанта, закончил в 1945 в 15 километрах от Праги. Награжден орденами Отечественной войны первой и второй степеней, медалью «За боевые заслуги».

Война закончилась. Победу со своими боевыми товарищами встретил далеко от России в Чехословакии. Ясным июльским утром 1945 года жители дачного поселка Гродишко под Прагой провожали наш 367 гвардейский тяжелый самоходный артиллерийский Ордерский полк, награжденный орденами Суворова и Богдана Хмельницкого, на Родину. Радовало, что скоро будем дома, что закончилось кровопролитие. Ждали встречи со своими родными и близкими. Но эта радость омрачалась: много боевых товарищей осталось лежать навечно в чужой земле.

С Михаилом Медведевым, членом экипажа самоходной артиллерийской установки, командиром которого я был, прошел многие версты войны. В разных переделках приходилось побывать. Михаил проявил себя надежным товарищем, храбрым бойцом. На Родину я возвращался без него: в одном из боев Михаила тяжело ранило.

...Город Глевиц — центр силезского промышленного района Германии. Враг сильно его укрепил. 24 января 1945 года подразделение, в состав которого входил и наш полк, развернуло наступление на город. Но атака оказалась безуспешной.

Командование приняло решение провести боевую операцию ночью. Экипажу нашей тяжелой самоходной артиллерийской установки была поставлена задача: с отделением пехоты уничтожить укрепление врага на одной из окрестных улиц, выбить фашистов с железнодорожного моста в глубине обороны противника.

Тяжелым был этот бой. Но экипаж выполнил задание — овладел железнодорожным мостом.

Заглушили мотор. И только я хотел по радию доложить командованию полка о результатах операции, как наша машина, звеня металлом, содрогнулась и загорелась. Вражеский снаряд угодил прямо в цель.

Когда выбрались из горящей машины, оказалось, что Михаил Медведев тяжело ранен: одна рука оторвана выше локтя. Оказали ему первую помощь и отправили с поля боя. Выжил ли Михаил, я не знал, так как сам получил ранение в спину...

Украина. Город Хмельник. Сюда прибыл на постоянное место дислокации наш механизированный корпус. С цветами, улыбками на лицах на лицах встречали нас жители города. На второй день состоялся городской митинг и народное гуляние. Мы со старшим лейтенантом Н. А. Макеевым знакомимся с рекламой драмтеатра, и в этот момент чья-то сильная мужская рука опустилась мне на плечо и раздался знакомый голос:

— С победой, командир!

Оглядываюсь, передо мной стоит Михаил. Узнаю: лежал в госпитале, сейчас готовится ехать на родину в Воронежскую область. Рядом с Михаилом стоит миловидная молодая женщина в берете и солдатской гимнастерке. В трудный для моего товарища момент (ведь он остался без руки) Лена стала его женой.

На прощание Михаила сказал мне:

— Для нашего счастья есть сейчас самое главное — мир на земле...

О дальнейшей судьбе нашего экипажа не знаю. Твердо уверен в одном: он и на мирном поприще трудится так же самоотверженно, как воевал.

Все меньше остается в строю боевых соратников, поэтому так важно сохранить память о рядовых Великой Отечественной. Встреча после Победы навсегда запомнилась мне. Она показала, как силен русский солдат, он выстоял, несмотря ни на что, во имя мира на земле.

Я. Чичианов, участник Великой Отечественной войны.
1985 г.

Родимого края причал,
Березы холодные ветви.
Как здесь я подолгу молчал
О вечном, родном и заветном.
А рядом шумел листопад
Над строгим в саду обелиском,
И медленно падали листья,
Как старые желтые письма
С войны не пришедших солдат.

В. Гилев.
1985 г.

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

Этот эпизод из партизанской жизни описан в книге Тагира Муратова «Партизанское эхо». И вы, конечно, обратите внимание на фамилию — Попов. Да, это наш земляк из села Благовещенского Никифор Степанович Попов.

Об уроженце Шумихинского района хорошо знают и помнят в далекой от нас Белоруссии. Именно там в партизанском отряде «Боевой» сражался наш доблестный земляк, ныне ветеран Великой Отечественной. Н. С. Попов находится на заслуженном отдыхе, живет в селе Большое Дюрягино. Всю свою жизнь он посвятил славному труду механизатора, и о тревожной молодости напоминают раны да боевые награды: орден Красной Звезды, медали «Ветерану Великой Отечественной войны» I степени, «За победу над Германией» и другие.

В июне отряд получил сведения о высадке вражеской войсковой части на станции Себеж, которая должна была направиться маршем в Полоцк для укрепления гарнизона.

Было решено устроить засаду вблизи хутора Половинника, стоящего на перекрестке шоссе Дорог Полоцк-Себеж и Дрисса-Невель. Специально укомплектованная группа из тридцати семи человек имела на вооружении семь ручных пулеметов, один станковый, шесть автоматов и винтовки. Кроме того у каждого были гранаты. Операцию возглавил комиссар Неклюдов.

Группа вышла из лагеря вечером, а к утру прибыла в район намеченной «встречи». По обеим сторонам шоссе раскинулся пышный лиственный лес. Вдоль кюветов выстроились пушистые ели, образуя плотную стену.

Отделение Л. Егорова заняло позицию у дороги, по которой со стороны гарнизона должны были появиться гитлеровцы. Ему вменялось пропустить вражескую колонну и в случае появления помощи гитлеровцам со стороны гарнизона преградить ей путь огнем. Отделению Костина приказано заминировать мостик на шоссе метрах в ста от перекрестка в сторону Полоцка и взорвать его, как только въедет первая машина или повозка врага. Это и будет сигналом к открытию огня по колонне.

Основная группа замаскировалась за линией шоссе недалеко от перекрестка. В кустарнике, ближе к шоссе, установили станковый пулемет. Врачи Беляев, Башин, Шипицина и медсестра Маруся Иванова, принимавшие участие в этой операции, заняли небольшой котлован метрах в тридцати в тылу от основной группы.

Раннее утро. Лучи восходящего солнца медленно гонят с листвы ночную прохладу. Легкое гудение леса и шорох вершин деревьев особенно слышны в такие напряженные минуты.

И вот со стороны Соколище послышался дробный стук колес — на шоссе показался головной дозор фашистов. Он идет по обочинам шоссе двумя колоннами. Интервал между ними пять-семь метров. Первым шагает фельдфебель с винтовкой, с засученными рукавами кителя, в пилотке. За ним — солдаты в строю.

Метрах в сорока позади следует ядро колонны — до сотни гитлеровцев. Чуть впереди шагает офицер с биноклем на груди. За колонной солдат, вооруженных карабинами, автоматами, торчат стволы ручных пулеметов. Следом цокают копытами две пары битюгов. Они тянут два громадных фургона. На первом — крупнокалиберный пулемет, на втором — ящики. Вражеский отряд солидный. Все солдаты одеты в новое. Бритые, холеные.

Отборные фашисты, эсэсовцы, посланные против нас... Прошел головной дозор. Колонна приближается к прицельной зоне станкового пулемета. Гитлеровцы основной колонны уже не придерживают шага, у всех засучены рукава: жарко им от ходьбы, от солнца... Погодите, сейчас вам еще жарче будет!

Что это? Клац, клац — металлический звук. Оказывается, боец в группе Рыбакова затвором дослал патрон. Немецкий офицер тут же вскидывает карабин и целится в направлении звука, но комиссар опередил его. Фашист упал на колени, а затем ткнулся лицом в кювет. Застрекотали автоматы, остервенело заработал пулемет. Беспорядочно стреляя на ходу, немцы бегут куда попало. Некоторые лезут прямо на партизан и тут же падают, сраженные насмерть. Фургон с крупнокалиберным пулеметом, следовавший за колонной, попал в наши руки. Пулеметчика и возницу сбили с повозки, а когда лошади шарахнулись в сторону, Александр Бадун перехватил их и погнал в укрытие.

Бой продолжался недолго. Живые немцы в панике разбежались. Несколько солдат врага, засевших в разных местах, вступили в перестрелку, но их быстро уничтожили...

В этом бою партизаны захватили три миномета с минами, девять автоматов и около двадцати карабинов и винтовок с патронами, много ручных гранат. Сняв крупнокалиберный пулемет, фургон столкнули с крутого берега в речку, а лошадей отдали в первом же селе крестьянам. Среди захваченных вещей оказался почтовый мешок с письмами солдат и офицеров, подготовленный для отправки в Германию.

Здесь же нашли документы, из которых узнали, что немецкий карательный отряд сформирован в феврале 1942 года в Париже из числа фашистов, отличившихся в борьбе с французскими силами Сопротивления.

Небезынтересно отметить, что немецкий карательный отряд и наш партизанский сформированы в одно время, в феврале 1942 года. Встретились на белорусской земле...

В этом бою участвовали комиссар отряда Неклюдов, начальник штаба Попковский, начальник разведки Хартулари, Костин, Рыбаков, Скачков, Королев, Егоров, Горев, Попов.

Т. Муратов.

Военный авиатехник Петр Афанасьевич Кожевников, вносивший свой вклад в Победу с первого дня войны до последнего.

СУРОВАЯ ПАМЯТЬ

В этом году, году 40-летия Великой Победы, вспоминаются наиболее запечатлевшиеся в памяти события войны, друзья по оружию, военные дороги, разрушенные города, села. Сегодня мне хочется вспомнить и отдать дан уважения моим друзьям детства, юности. В моей памяти они остались просто мальчишками, подростками. Смелыми и застенчивыми, задиристыми и скромными. Рано они вступили на жизненный путь. Получив, в основном, начальное образование, работали в колхозе деревни Большое Дюрягино.

Но вот началась война, вероломный враг напал на страну. Это было самое трудное для нашей Родины время. Друзья мои были призваны в армию в 1941-1942 годах. Ушли, и ни один из нижеперечисленных не вернулся домой. Погибли, защищая Родину. Их фамилии высечены на мраморных плитах обелиска в селе Карачельском.

Из огромного списка погибших воинов выбираю знакомые фамилии. Н. Д. Голубков, погиб в Венгрии, десантник. А. И. Голубков, награжден орденом Отечественной войны. Н. А. и В. А. Голубковы, И. Н. Гаренкин. П. Г. Дюрягин — разведчик. Ф. И. Иванов, М. И. Капков. И. С. Сапогов, погиб, защищая Сталинград. Н. В. Сапогов — танкист, погиб в Берлине. Александр Хрюкин — танкист.

Хорошо их всех помню. Вот ближайший мой сосед и друг Павел Прокопьевич Семенов. Первые месяцы войны работал в колхозе, затем — фронт. Зимой 1942 года он написал мне письмо в город Новороссийск. Писал, что готовится стать снайпером. С детства любивший охоту, он вполне соответствовал этой военной специальности. А какое это было письмо! Полное веры в нашу победу. Откуда только он черпал вдохновенные силы в то трудное время. Павел погиб, не увидев светлого Дня Победы.

Николай Алексеевич Голубков. С ним у меня связаны годы учебы в Карачельской начальной школе, Шумихинской средней школе № 1. Призван, как и я, до войны. Начал служить в городе Минске, в полковой школе. До войны с мест службы мы обменялись письмами. Николай завидовал, что у меня более интересная военная служба. Он пропал без вести в начале войны.

Да, все мои друзья ушли защищать Родину и не вернулись с поля боя. Вечная вам слава!

Осенью 1945 года из сверстников и друзей вернулся я один. Пусто, мертвая тишина в деревне. Навестил семьи некоторых друзей.

Тяжело было на душе у меня, и больно было смотреть на матерей погибших воинов. Заметно постарели эти женщины. Как смотрели они

на меня! До сих пор я помню выражение их печальных глаз. Они как бы говорили: «Вот ты какой счастливый: вернулся с войны. А мой сын погиб». И хотя моей вины не было, но очень неудобно чувствовал я себя под взглядами матерей, потерявших своих сынов. Всему же виной — оголтелый фашизм, безвременно оборвавший жизни молодых, полных сил и здоровья людей.

Пусть же благодарное человечество помнит о подвиге этих простых парней, и не зарастут травой дорожки к обелискам и памятникам погибшим воинам. Вечная им память!

М. Алексеев, ветеран войны и труда.

с. Благовещенское. 1985 г.

Отроки в иссеченных шеломах,
Вам с войны прийти не суждено.
На каких Непрядвах незнакомых
Пили вы кровавое вино?
Крепко вы, родимые, уснули,
Стала пухом вам сыра-земля,
И стоят в почетном карауле
В серых гимнастерках тополя.

В. Гилев. 1985 г.

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Я часто вижу вас, друзья, во сне,
В строю солдатском в той дороге дальней.
И каждый дорог, кто живет во мне,
Придя во сне на зов души печальной.
Друзья, вы в прошлом, в вечной тишине,
А в наших днях вы — в песнях недопетых.
Вы по судьбе остались на войне,
Но вы спасли страну и всю планету.
Мне вас, родные, не забыть,
И в днях обычных вы всегда со мною.
Люблю я с вами часто говорить,
Ну как тогда, в минуты перед боем.
Я часто вижу вас, друзья, во сне.
В строю солдатском в той дороге дальней.
Пока я жив — живете вы во мне,
В народной общей памяти печальной.

А. Орлов. г. Шумиха.

1990 г.

ЗАЩИТНИК РОДИНЫ

Есть люди, которые с первой встречи вызывают к себе интерес. Таков Семен Тимофеевич Богатенков — богатырь по телосложению, высокий, с открытым смелым голубоглазым лицом. За его широкими плечами нелегкая судьба.

Семен родился в 1919 году в деревне Большое Жужгово в семье крестьянина. Ему еще не было и трех лет, как умер отец: дали знать раны и лишения первой мировой и гражданской войн. На руках овдовевшей матери остались трое малолеток — две дочери и сын.

С восьми лет Семен познал крестьянский труд: работал на боронении. В 1930 году семья Богатенковых вступила в недавно организованный колхоз. В работу включились все. Взрослел Семен, и ему доверяли все более ответственную работу. Пахал на лошадях землю, после окончания курсов механизаторов трудился помощником комбайнера, тракториста.

Не знал Семен Тимофеевич, в 1940 году призванный в армию, что вскоре загрохочет беда над нашей землей. Что ему в числе первых советских бойцов доведется встретиться с передовыми отрядами фашистских отборных войск.

Рядовой Богатенков принял бой в составе 9 противотанковой бригады 636 артполка. В Литовской ССР в районе Шяуляя этому соединению пришлось принять на себя всю тяжесть танкового удара гитлеровцев.

А началось это так. Ранним утром 22 июня 1941 года со стороны границы послышался гром орудийной канонады. Затем он перешел в сплошной гул — высоко в небе шли эскадрильи фашистских бомбардировщиков.

Вскоре на вздымавшиеся от разрывов позиции наших войск двинулись вражеские танки. Начался бой. Бой, когда рядом с орудиями с оглушающим грохотом рвутся снаряды, просекая воздух, тела людей смертоносным раскаленным металлом. Когда в металлические части орудий бьют пули, осколки, с визгом рикошетируя. И когда сквозь грохот боя ловишь команды и бьешь по ползущим танкам.

Не дрогнули артиллеристы. Встал и загорелся один танк. Взрывом сорвало башню с другого. С перебитой гусеницей закрутился и вдруг полыхнул огнем третий. И еще, еще... И атака захлебнулась.

Когда горячка боя слынула, артиллеристы стали припоминать свои действия во время сражения. Товарищи по оружию с восхищением смотрели на могучую фигуру Богатенкова:

— Ну и силен, чертяка! Один пушку развернул, когда танки с другой стороны пошли.

Коротки минуты передышки. Вновь бьют орудия, рвутся снаряды, лезут и лезут танки. Отчаявшись разбить в лоб артополк, фашисты обошли его и развили наступление вглубь нашей территории. Окружение. Пришлось с боями, с большими жертвами пробиваться на восток, к своим. Горечь отступления. Цепляясь за каждый поселок, деревеньку, отходили наши воины, сдерживая противника.

Но пробил час, когда наши войска не только остановили фашистов, но и перешли в наступление. И в мощном, радостном для всей страны наступлении шел Семен Тимофеевич.

Война есть война. 2 января 1942 года настигла пуля и бравого артиллериста. Через два с небольшим месяца Богатенков уже был на передовой.

И опять Семен Тимофеевич окунулся во фронтовую жизнь.

В Смоленской области в сражении за районный центр Гжатск Богатенков был ранен. Случилось это 24 марта 1942 года. На этот раз минный осколок разорвал, искромсал правую ногу выше колена. Перебиты нервы, нарушено кровообращение. Для артиллериста война окончилась. В августе этого же года Семен Тимофеевич комиссован по инвалидности.

Он возвращается к мирному труду, работает в колхозе на разных должностях: счетоводом, кладовщиком, заведующим животноводческой фермой. И все эти годы жестокое ранение дает себя знать, то и дело приходится лежать в больницах Шадринска, Кургана, Челябинска, Свердловска. А через пятнадцать лет после окончания война еще раз напомнила о себе фронтовику: пришлось ампутировать правую ногу чуть выше колена.

Но не сдался солдат, продолжал приносить пользу людям своим трудом, участием в общественной жизни. Вместе с женой Лукерьей Петровной вырастили и воспитали троих дочерей и сына.

Добрый след оставляет на земле бывший артиллерист, защитник Родины Семен Тимофеевич Богатенков.

П. Максимов.
с. Крутая Горка. 1985 г.

ИЗ ТАЙНИКОВ ПАМЯТИ

Эта короткая повесть — память о гвардии штурмане дальней авиации началась с письма ветерана Великой Отечественной войны Михаила Петровича Алексеева. Мы с ним школьные товарищи, коллеги по работе. Не одно поколение детей села Благовещенского воспитал и обучил грамоте сельский учитель, бывший воин 18 армии, десантировавшейся на Малой земле под Новороссийском. Бывший воин по-прежнему живет интересами села, школы, детей, которым посвятил всю послевоенную жизнь.

В одном из писем он пишет:

«Письмо к тебе есть. Давно у меня мысль появилась написать в газете «Знамя труда» о Кукине Петре, отчества не помню. Это можешь сделать только ты, так как учился с ним в одной школе. Он закончил школу в числе первых выпускников. Учился вместе с Егором Булковым, которого ты хорошо знал, и который погиб при освобождении острова Сахалина.

В годы войны Петр был летчиком. Имел много наград. Когда я увидел его в первый и последний раз при всех орденах, то так от неожиданности растерялся, что не сосчитал, сколько их. В памяти только остался величественный и яркий блек высоких наград.

О таких людях должны знать граждане нашего района, города, а особенно ученики школы № 1, где он учился. Тогда средняя школа размещалась в здании теперешней школы № 2.

Письмо вдруг все высветило. Конечно, я знал, я помнил Петра Кукина, так как учился в той же школе, только в восьмом классе, а он — в выпускном. Но мы знали друг друга по литературному кружку, в котором он был старостой.

Открываю альбом со школьными фотографиями. Да, вот он — Петр Кукин. Сидит в первом ряду крайним справа. В то время я восхищался и удивлялся его необыкновенному литературному таланту, видел в нем человека, сумевшего уже многое сделать, хотя он еще ученик.

Помню, однажды он принес две общие тетради со стихами. Разумеется, такого труда ни у кого из нас не было. Руководитель литературного кружка учитель литературы Александр Спиридонович Гололов стал увлеченно разбирать и анализировать отдельные стихи. Все кружковцы притихли, пораженные яркостью образов, сочностью языка, смелостью мысли поэта из нашей среды.

Как сейчас вижу Балезина, нервно поправляющего очки в железной оправе, Валентина Глухих и Женю Марфицына, замерших от удивления. Тут были стихи о любви, на общественные темы, о природе.

Возможно, на этих литературных занятиях в душе каждого зародилась мечта о служении литературе. Мы не знали в то время, что мечту многих перечеркнет война. Только Валентин Глухих осуществит мечту. Он стал кандидатом наук и заведует кафедрой русской литературы в Магнитогорском государственном пединституте. Остальных развеяла и прибрала война, а строгая жизнь указала оставшимся в живых иную дорогу.

Звездным часом для Петра Кукина стала война, в которую он вступил с первых дней, находясь в рядах авиации до сентября 1948 года.

Насколько же должен быть скромным человек, если даже близко знавшие его люди не подозревали, что он награжден самыми высокими правительственными наградами. Лично я ни разу не видел его с орденами и медалями на груди. Правда, в первые послевоенные годы это было обыденным явлением. Наступивший мир как-то сразу отрезил всех от военной формы, каждому хотелось, чтобы ничто не напоминало о войне, даже награды.

В начале пятидесятых годов мы с ним снова встретились в литературном объединении при газете «Ленинский путь», позднее преобразованной в «Знамя труда». Члены литературного объединения решительно вмешивались в общественную жизнь города и района, критиковали недостатки жизни и быта. Сколько замечательных стихов опубликовала газета у поэтессы Анны Притчиной, Петра Кукина, Алексея Забродина и других.

Вспоминается, как родилось на свет критическое стихотворение Петра Кукина. Оно возникло в связи с тем, что на центральной площади города были установлены в четыре ряда двенадцатиметровые сосновые столбы. На макушках этих гигантов электрики водрузили светильники, чтобы их не разбили озорники-мальчишки. По замыслу ретивого градоначальника столбы должны были украсить центральную площадь города, осветить ее в ночное время. Со стороны эти столбы напоминали мрачные силуэты виселиц.

Собравшиеся члены литобъединения живо обсуждали это творение, со всех сторон сыпались самые едкие замечания. Кто-то вдруг предложил слова:

«О поле, поле, кто тебя усеял толстыми столбами...»

На второй день эти слова открывали новое стихотворение Петра Кукина. После его опубликования в газете столбы немедленно исчезли.

Смелое и правдивое слово коммуниста Кукина помогало людям устраивать послевоенную жизнь, создавать уют в городе, воспитывать детей в семье. Помнится, много шума вызвали стихи о плохом электроосвещении улиц и домов жителей города. Стихи помогли устранить и этот недостаток.

Вот какие воспоминания вызвало у меня письмо Михаила Петровича Алексеева. Я тут же решил приступить к поискам, чтобы восстановить память о добром человеке, коммунисте, войне-защитнике нашей Родины.

Кто пытался восстановить давно минувшие события, тот знает, как нелегко это сделать. Не скрою, этот поиск был тоже трудным, потому что Петр Семенович Кукин трагически погиб 21 марта 1954 года. Его нет уже 31 год, а это большой срок.

И вот начался поиск.

Написаны письма родным и близким людям, с которыми он мог общаться. Их адреса не точны, многие из них приблизительны. Все это удлинит сроки, затрудняет поиски.

Наконец приходит письмо от Александры Николаевны Кукиной — жены Петра Семеновича. Появилась первая тонкая ниточка.

Из письма стало ясно, что к Александре Николаевне в конце 1984 года обратились сотрудники музея боевой славы 16 Воздушной армии. Музей открывается в поселке Октябрьский Ольховского района Волгоградской области. Именно здесь, под Сталинградом, в конце 1941 года формировалась 16 Воздушная армия. В ее состав входил 99 полк бомбардировочной авиации, позднее преобразованный в 96 гвардейский. Петр Семенович Кукин с первых дней войны служил в этом полку. Организующийся музей собирает материалы, письма, фронтовые реликвии ветеранов с тем, чтобы к 40-летию Победы открыть залы музея.

«Пока я еще мало чем помогла сотрудникам музея,— пишет А. Н. Кукина.— Завтра еду на станцию Утяк, где я жила и работала в школе до выхода на пенсию. Там хранятся его дневники полетов и портрет, где он сфотографирован со всеми наградами в форме лейтенанта. Бравый офицер 26 лет».

Дневник полетов, который вел Петр Семенович в течение всей войны, конечно, представляет огромную историческую ценность.

Тем временем приходит письмо из г. Остер Черниговской области от младшей сестры Петра — Марии Семеновны. Она пишет:

«Портрет брата и хранившиеся у меня награды я направила в музей 16 Воздушной армии. Я всей душой готова помочь вам в благород-

ном деле восстановления памяти о моем брате, но помочь почти ничем не могу, так как личных вещей, его фронтовых писем и фотокарточек не сохранилось. Времени-то прошло — целая вечность».

Тем временем приходит письмо с ответами на вопросы автора этих строк от Александры Николаевны Кукиной:

«О личной жизни, его увлечениях и интересах я знаю, к сожалению, очень мало. Ведь мы с ним прожили только пять месяцев. Трагическая смерть оборвала его жизнь. За столь короткое время я, конечно, не могла постигнуть и охватить столь могучую натуру, мало узнала о его жизни. Мой сын родился после смерти отца. Как видишь, сын тоже тебе не помощник, он тоже готов ловить каждое слово об отце, так как с детских лет не знал и не видел его. А Петя не успел рассказать мне многое о себе, а что и говорил, за давностью лет растворилось и стерлось в памяти. Единственное помню: слушали по радио передачу песен и музыки. Диктор объявил об исполнении вальса «Березка». Я заметила какое-то произвольное движение, которое выдало волнение Пети. Гляжу я на него, а у него глаза повлажнели.

— Что с тобой, Петя? — спросила я.

— Так, вспомнил, Шура. До сих пор в ушах звучит этот вальс, и, наверное, я его никогда не забуду. Все годы войны мы улетали на задание под звуки этого вальса. Благополучно прилетали, и снова вальс «Березка» встречал нас. Это был вальс нашего полка.

Вот эти слова и этот вальс на всю жизнь врезались в мою память.

Моя помощь, возможно, выразится в том, что я сообщу вам адреса его сестер Ирины Семеновны Пудовкиной и Агриппины Семеновны Куликовских. Я надеюсь, они в чем-то могут вам помочь.

Сына Петра Семеновича я назвала в его честь тоже Петей. Сын стал источником моего вдохновения. Я никогда не думала, что меня с сыном ждет такая удача. Ведь я учитель и знаю, как трудно воспитать хорошего человека. Но как я и хотела, он вырос настоящим человеком, понимающим людей, знающим жизнь. Он и его жена — инженеры на заводе им. Ленина г. Кургана. Сейчас он на курорте в Трускавце. Вернется — мы переберем с ним каждую бумажку, перелистаем все книги, перетрясем все архивы, чтобы найти дневник полетов и записи моего мужа. Теперь у меня есть семья, внучка. Я счастлива. Жди посылочку, в которой я вышлю все, что соберу.

С приветом А. Кукина».

Горизонты поисков значительно расширились.

Я навестил Агриппину Семеновну, среднюю из сестер Петра Семеновича. Старушка приняла меня как близкого человека. Конечно,

всплакнула, узнав о цели прихода. У нее сохранилось несколько фотографий, где был снят ее брат. Самой ценной оказалась фотография выпускников средней школы. Снимок сделан был в 1939 году. Значит, это второй выпуск в истории школы № 1, так как первый состоялся в 1938 году.

В первом ряду узнаю Петра Кукина, Ивана Барыкина, Владимира Шатковского. Среди них сидят знакомые учителя: Анастасия Ивановна Дудина, Филипп Иванович Изотов, Семен Никитич Тарасюк, директор школы Василий Иванович Меншиков. Кроме Анастасии Ивановны Дудиной теперь никого в живых нет. Только Иван Барыкин вернулся с войны, но и он недавно умер, унеся с собой тайну, почему в 20 лет человек может поседеть в одну ночь. Те, кто работал с ним в Шумихинском АТП, может, и слышали о его неудачном десанте в тыл врага. Но сейчас трудно найти такого человека: время бежит, и его не остановишь.

И все-таки я разглядел среди снявшихся знакомое лицо. Это была Людмила Ивановна Косткевич.

Мне сразу вспомнилось стихотворение, которое читал Петя на занятии литературного кружка. Кто-то из его товарищей тогда бросил реплику:

— Опять Людочке своей посвящаешь?

— А что? Разве это плохо, что у человека вспыхнула любовь? Это самое высокое чувство,— заступился Александр Спиридонович Голодов.

Так мы проникли в тайну первой юношеской любви Петра Кукина. Пишу письмо в надежде узнать дополнительные новости.

«Уважаемый Михаил Александрович! — отвечает она. — К сожалению, многим я вам помочь не смогу, но думаю, главное сообщу. Петя после окончания средней школы поступил в Алапаевское летное училище Челябинской области. После окончания училища его направили служить в г. Бобруйск. Он штурман экипажа бомбардировочной авиации и со своим полком прошел до самого Берлина. Из его рассказов помню, что были потери товарищей, был однажды сбит и их самолет, но каким-то чудом экипаж спасся, хотя все обгорели. От этого у него на коже лица было много мелких рубчиков. После войны он оставался в летном полку в Германии до сентября 1948 года.

За давностью времени его писем и стихов не сохранилось. Военных фотографий с него у меня не было.

Кроме увлечения поэзией Петр обладал красивым голосом, был в своем полку запевалой.

Что могу еще сказать? Широкая, добрая душа была у него, особенно по отношению к своим товарищам. Болезненно он переживал измену, неверность друзей и близких.

Благодарна, что не забыли своего друга и защитника нашей Родины.

С уважением Л. Косткевич».

Видимо, мое письмо всколыхнуло память Людмилы Ивановны. Во втором письме она пишет:

«Нашла его небольшое стихотворение, написанное в годы войны.

Не раз в заоблачные дали

Сквозь дымку и седой туман

Все фотокарточки летали

Со мной, как счастья талисман.

Враги над целью нас встречали

Стеной зенитного огня...

Я жив пока, хоть ты едва ли

Желала счастья для меня!»

Очень жаль, что время и люди сохранили так мало из написанного Петром Семеновичем. Мне хотелось глубже и шире узнать о столь богатой натуре человека.

Теперь предстояла встреча со старшей сестрой Петра — Ириной Семеновной. Она в какой-то мере ему заменяла мать, так как была самой старшей в семье Кукиных.

И вот состоялась наша встреча.

Рассказ старшей сестры

— Смерть Пети для нас — большая потеря. Он был единственным у нас братцем, да еще самым младшеньким. Родился он 12 июля 1919 года в деревне Веденовке Заманильской волости, позднее Усть-Уйского, а ныне Целинного района Курганской области.

Наша семья (отец, мать и четверо детей) поселились в Шумихе, когда Пете надо было идти в 4 класс. Отец работал в промкомбинате печником, мать — домохозяйка. Учился брат хорошо, и все этому радовались. Он много читал, писал стихи, пел песни, увлекался столярным делом. Очень много у него было фотографий, и почти на каждой он писал стихи. Куда-то за годы после его смерти все постепенно разошлось.

Помню, у него хранились газеты, в которых рассказывалось, как он воевал, но теперь не знаю, где они, куда запропалились.

Она порылась в шкафу, в тумбочке, заглянула на шкаф и развела руки — нету.

От нее я узнал, как Петр встретил войну.

В субботу ночью 21 июня 1941 года он приехал в отпуск. Семья встретила его на станции. Из вагона вышел молодой с блестящими кубиками на голубых петлицах летчик. Скрипящие ремни, блестящие сапоги, новенький мундир.

— Мама так и прильнула к сыну, — вспоминает сестра. — Заплакала от счастья, но Петя ее успокоил.

22 июня утром к нам стали собираться родные. Как сейчас вижу: Петя лежит в постели, ночью ему поспать не удалось — до утра разговаривали.

Вдруг по радио объявили, что будут передавать важные правительственные сообщения.

Петя тут же поднялся и сказал:

— Ну, мама, все — война.

Она заплакала. И правда, заговорило радио, и мы узнали: началась война.

В полдень почтальон принес срочную телеграмму: Петра срочно вызывали в часть. Этой же ночью он отбыл в Бобруйск, так и не ночевав ни одной ночи дома.

В первом же письме он написал, что их аэродром немцы бомбили, когда началась война. Командир самолета погиб, стрелок-радист ранен, много самолетов было повреждено, а еще больше сгорело, так и не взлетев с аэродрома.

После этого писем долго не было. Женщины и дети войны помнят такие жуткие дни, когда почтальона ждали со страхом: что-то он принесет в своей сумке, радость ли, горе ли.

И вдруг письмо. Я его запомнила из слова в слово, потому что не однажды читала его матери.

«Мамочка, не беспокойся, — писал он. — Все в порядке. Во время выполнения боевого задания наш самолет был сбит и загорелся. Глянул я на крыло — огненный хвост за нами тянется. Хорошо, что мы шли уже домой.

— Саша, — кричу летчику. — Тяни как-нибудь. До своих близко уже.

Еле перетянули линию фронта. Летчик повел машину на вынужденную посадку. Врезались в железнодорожное полотно. Я потерял сознание от сильного удара о приборный щит.

Очнулся в хате с маленькими окнами. Лежу на чистой постели. Глаза из-за опухоли видят плохо, пятка страшно ноет, должно быть порвал сухожилие.

Входит старушка. Я говорю ей:

— Бабушка, зачем вы положили меня на чистую постель? Запачкаю кровью.

— Молчи, сынок,— говорит старушка.— У меня у самой где-то сынок воюет. Может, и его кто в беде согреет, укроет, накормит.

Всю жизнь буду ее помнить, никогда не забуду ее за ласку, доброту и заботу.

Когда за мной приехали ребята с аэродрома, я уже мог вставать и ходить. Скоро опять буду летать, мстить врагу за все его злодеяния на земле.

Ваш сын Петя».

Пока Ирина Семеновна вспоминала о своем брате, а я записывал ее рассказ, она вынула из шкафа альбом с фотографиями и положила передо мной.

— У Пети все было в порядке, все карточки подписаны,— продолжала она.— Газетки, где о нем было пропечатано, как он воевал, лежали в отдельной папочке. Да разве удержишь все? Столько прошло времечка... Когда похоронили его, то все сидели вот за этим столом, рассматривали карточки, вспоминали о нем.

Многих фотокарточек, да и людей, которые сидели тут, тоже сейчас нет с нами. В прошлом году приезжал его сынок Петя. Он тоже взял несколько карточек, хотел сделать большой портрет с отца. Говорит: «Отца живого не видел и не знал, так пусть у меня будет хоть его портрет».

— Бери, бери, Петенька,— сказала я ему.— Теперь твой папка радовался бы, глядя на тебя. Какой ты стал большой. А как ты походишь на него!

Старушка тягостно вздохнула, помолчала, видно, вспоминая что-то.

Потом мы рассматривали альбом с фотографиями, на которых запечатлены разные моменты прошедшей жизни.

На двух фотографиях засняты бомбовые удары по железнодорожному узлу Новозыбково, городу Кюстрин и его крепости.

На обороте первой фотографии написано: «Агитатору комсомольской организации 96 гвардейского бомбардировочного авиаполка гвардии младшему лейтенанту Кукину Петру Семеновичу. Удар по ст. Новозыбково. На память за отличное бомбометание по вражескому узлу. Документ Великой Отечественной войны. Комсорг 96 ГБСКП А. Сашин. 15 февраля 1943 года».

Из этого документа видно, что 16 Воздушная армия, в состав которой входил 96 гвардейский полк бомбардировочной авиации, действовала в полосе Центрального фронта, образовавшего Курскую дугу, нанося удары по стратегическим узлам Новозыбково, Гомель, Жлобин, Бобруйск, Минск.

— Петя писал нам, что предстоят небывало жаркие бои, — вспоминает сестра. — А когда битва на Курской дуге закончилась, он написал, что таких боев никогда не видел, как здесь, под Курском. наших самолетов было такое количество, какого за все время не приходилось видеть. Нам летать было тесно.

В октябре 1943 года Центральный фронт был реорганизован в Белорусский, а позднее в 1-й Белорусский. 16 Воздушная армия входила в состав Белорусского, а потом 1-го Белорусского фронта. На это указывает второй фотодокумент: снимок с воздуха города Кюстрин и Кюстринской крепости.

Из воспоминаний участника боев за Берлин Ивана Ивановича Нечаева хорошо можно представить, какая обстановка сложилась в полосе 1 и 2 Белорусского фронтов. «Первый Белорусский значительно вырвался вперед и растянул свой фланг, по которому могла нанести удар Померанская группировка немцев. Чтобы ликвидировать эту опасность, было решено силами 1 и 2 Белорусского фронтов разгромить эту группировку, рвавшуюся на помощь берлинскому гарнизону.

Город Кюстрин находился на острие совместного удара войск правого фланга 1 Белорусского фронта и левого фланга — 2 Белорусского фронта в период Померанской операции. Наша авиация, особенно бомбардировочная, днем и ночью наносила бомбовые удары в

полосе наступающих фронтов. В эти дни экипаж самолета, где штурманом был Петр Кукин, вылетел на бомбометание на военные объекты Кюстрина».

Кюстрин — последний опорный пункт на пути Советской Армии к Берлину. После взятия этой цитадели с крепостью начался штурм логова фашистской Германии — Берлина. В этих боях участвовал и наш земляк Петр Семенович Кукин.

На одной фотографии, снятой вскоре после Победы, мы видим молодого лейтенанта. Это Петр Кукин. На его груди видно два ордена боевого Красного Знамени, орден Отечественной войны, гвардейский знак, медали за оборону Сталинграда, за взятие Берлина. Этими высокими наградами отмечен боевой путь гвардии лейтенанта Кукина.

Среди фотографий, оказавшихся в альбоме сестры, можно ознакомиться с теми, кто был другом или боевым товарищем брата.

На обороте одной из них написано: «На память дорогим моим папе, маме, Арине, Вите от Пети и его друзей — Матонова Миши и Манакова Жени. 15 июня 1943 года». Понятно, что это боевой экипаж бомбардировщика.

На другом снимке мы видим группу авиаторов на фоне самолета с номером 12. Чуть выше звезды на хвостовом оперении просматриваются цифры 387. Где стоял в то время 96 гвардейский полк, трудно сказать. Но белоствольные березки и молодые сосенки указывают на то, что снимок сделан где-то в Белоруссии. Среди снявшихся во втором ряду легко угадывается лицо Петра Кукина.

На следующей фотографии мы видим Бориса Тимофеевича Лукьяненко. Видимо это близкий товарищ Петра, так как он своей рукой сделал следующую запись: «Погиб 17 февраля 1945 года в городе Познань с Брагиным Николаем Дмитриевичем, Солониным Иваном Васильевичем и с Самариным». Понятно, что это экипаж, состав которого был близок штурману Кукину.

Как сложилась судьба лейтенанта Максимова, сделавшего дарственную надпись своему другу на снимке в январе 1945 года? Еще шла война, еще горели и падали самолеты, унося с собой жизнь то одного, то другого воина. Победа пришла только в мае. Еще три года после Победы Петр Кукин оберегал небо и мир нашей Родины. Лишь в 1948 году приступил он к мирному труду. Недолго это продолжалось. В 1954 году его уже не стало. За тридцать лет после смерти, кажется, память о нем тоже исчезла, но это не так.

Среди ветеранов Шумихинской швейной фабрики встречаю Зою Андреевну Захарову, проработавшую на фабрике 35 лет. Интересно, знает ли она Петра Семеновича Кукина.

— А как же! Он работал у нас на кадрах, был партгором. Это был настоящий коммунист. С любым вопросом, в любое время можно было обратиться к нему, и Петр Семенович всегда поможет. Мы, молодые девчонки, работали с ним в подшефном колхозе им. Кирова, в селе Столбово. Он трудился вместе с нами, обедал и отдыхал там, где были наши рабочие и работницы. Не прятался человек за должность.

Я поинтересовался, знает ли она, что Петр Семенович имел очень много правительственных наград.

— Нет. Мы даже не знали, что он награжден орденами. Я же говорю, что это был скромный, честный, справедливый человек. Побольше бы таких людей, как Петр Семенович.

Вот и завершилась небольшая повесть — память о человеке, который боролся за мир на земле, приближая радостный День Победы. Таких людей, что увидели день Победы, пережили ее радость, теперь становится все меньше. Надо, пока не поздно, ловить живое слово участников войны, подбирать каждый документ, проливающий свет на тяжкий труд советского народа в период Великой Отечественной войны. Это нужно не мертвым, это надо живым — всем, кто против новой войны.

М. Бухаров.
г. Шумиха. 1985 г.

ЗЕМЛЯКАМ-ВETERANAM

Наш поклон — землякам-ветеранам

За безоблачный мир тишины...

Под свинцовым вы шли ураганом

За свободу Советской страны.

Шли с боями, дорогами ада,

Под огнем — не жалея огня.

Расписались на стенах рейхстага

В честь победного, майского дня.

Беспримерен ваш подвиг, герои.

Вы себя не щадили в борьбе —

Беззаветно за счастье боролись,

Присягая бессмертной судьбе.

Беспокоят вас давние раны.

О погибших в печали скорбим...

Долгих лет вам, друзья-ветераны,

Вам спасибо за мир говорим.

В. Морозов. с. Рига.

1985 г.

ОТЧАЯННАЯ ГОЛОВА

Недавно довелось мне побывать в Шумихе. Подошел к мемориалу погибшим землякам в годы Великой Отечественной войны. Смахнул порошу с плиты, читаю: Куфтин В. Е.

— Так это же мой друг детства и юности, а потом родственником стал. Я женат на его младшей сестре Кате, — невольно вырвалось у меня объяснение механику моего самолета на фронте Ивану Григорьевичу Воробьеву.

Вот так неожиданно я и встретился с близким и родным для меня человеком. Нахлынули воспоминания, и я рассказывал, а Иван Григорьевич слушал и согласно кивал головой.

С Виктором Куфтиным мы встретились в селе Усть-Уйском в 1927 году в школе вто-

рой ступени. Встретились, сошлись характерами и подружились.

Большая семья Куфтиных занимала комнату и кухню в полуподвале здания, на втором этаже которого размещался народный суд. Большую часть свободного времени я проводил у Куфтиных. Виктор любил петь частушки и играть на балалайке, был затейником всяких интересных детских проказ. Мы играли в прятки и догонялки, купались в реке, прыгали с перил в воду вниз головой, что-нибудь да мастерили. Однажды на удивление всей пацанве и взрослым мы смастерили водяные часы, которые шли довольно-таки точно.

Позднее к нам присоединился сын сельского фельдшера Валериан Кучкин, и мы распределили обязанности: Валериан починял штанишки и рубашки младшим Куфтиным, Виктор наводил порядок в квартире: мыл посуду, мел и мыл полы, убирал в ограде, а я был нянькой. И пока мы домовничали, мать Александра Даниловна успевала сходить на собрание красных делегатов, старшие сестры Нина и Валентина — на комсомольское собрание, а Катя — вдоволь наиграться с подружками, накупаться в Уе.

В 1929 году моя мама и родители Виктора вступили в коммуну «Большевик», а мы к тому времени подросли и началась наша трудовая жизнь в артельном хозяйстве: возили чащу, боронили на быках, управлялись со скотом на ферме, выезжали в колхозы и коммуны уполномоченными РИКа по борьбе с кобылкой (саранчей), по составлению производственных планов, с культбригадой, участвовали в субботниках и воскресниках, на строительстве районного Дома культуры.

В 1931 году наши пути разошлись, и встретились мы с Виктором только зимой 1938 года на станции Шумиха. Виктор уезжал в Ленинград продолжать учебу в высшем военно-инженерном училище, а я после окончания Одесской школы военных пилотов ехал в отпуск.

Мой поезд только подошел к перрону, а поезд Виктора должен был прибыть через несколько минут. Мы обменялись рукопожатием, вспомнили детство, рассказали друг другу о пережитом и распрощались навсегда.

Командир саперного взвода лейтенант Куфтин войну встретил на самой границе в Литве. Первое время писал коротко и редко. Однажды пришло письмо, адрес написан незнакомым почерком. Отец, Ефим Николаевич, распечатал конверт и прочитал сообщение комиссара батальона о том, что их сын лейтенант Куфтин за отвагу и мужество в боях с немецкими захватчиками в числе первых в части награжден медалью «За отвагу», поздравлял родителей с этим событием. Мать, Александра Даниловна, от радости пустила слезу, а отец, самодовольно ухмыльнувшись, указательным пальцем расправил свои чапаевские усы.

...Под натиском превосходящих сил противника части Красной Армии отходили на северо-восток. Саперы лейтенанта Куфтина наводили переправы, потом взрывали их и последними выходили на новые рубежи, попадали в окружение, прорывались сквозь него и снова соединялись с основными силами полка.

Тихий летний вечер. Темнеет. Группа саперов притулилась к древней сосне, загрузила. В магазине винтовок и в подсумках ни одного патрона, а вокруг — немцы, до своих далеко.

— Чего приуныли? — нарушая тишину, спросил подошедший комвзвода. — Досидитесь, что немцы придут и голенькими руками возьмут всех в плен.

— Что же нам делать? — робко спросил молоденький боец.

— А вот что, — ответил Виктор, встал и ушел в темноту.

А на рассвете он вернулся обвешанный трофейными автоматами, в вещмешке за спиной хлеб, колбаса, консервы, тоже трофейные.

Ребята повеселели. Разобрали автоматы, подзаправились тем, что комвзвода принес, и двинулись на прорыв. Комвзвода, умело маневрируя, точно ориентируясь на незнакомой местности, без потерь провел своих бойцов и присоединившихся к нему солдат других частей к своим. В пути снимали дозоры противника, захватывали его оружие, продукты.

После некоторого перерыва Виктор написал письмо из Новгорода. Сообщив, что он жив и здоров и бьет немцев, Виктор с возмущением писал о варварском разрушении памятников истории и культуры древнейшего города нашей Родины и клялся родителям жестоко отомстить врагу за все его злодеяния.

В последнем письме с фронта Виктор поздравил родителей с новым 1942 годом, пожелал доброго здоровья и мужественно пережить тяготы войны.

Лето 1943 года. В контору Шумихинского райсельхозснаба зашел фронтовик на деревяшке, один рукав гимнастерки болтается. Мужчина внимательно посмотрел на счетовода, молодую женщину.

— Вы в саперных частях не служили? — спросила женщина, пристально рассматривая петлицы вошедшего.

— Служил.

— Вы моего брата Виктора Куфтина, случайно, не встречали?

Фронтовик отшатнулся, потом выбросил вперед руку и быстро заговорил:

— Вот я и смотрю на вас и силюсь вспомнить, на кого-то близко-го мне вы находите. Теперь вспомнил, точно на Виктора Куфтина, моего командира — буйную головушку.

— Расскажите, как вы воевали.

— Воевать-то нам, собственно говоря, не пришлось. В первый день войны немцы разбомбили мост, и нашему стройбату было поручено навести понтон через реку. Когда выполнили задание, нашему взводу было приказано обеспечить порядок при переправе пехоты по понтону. Кругом рвутся снаряды, непрерывно бомбят немецкие самолеты. Недалеке пехота ведет бой: трещат пулеметные очереди, хлопают винтовочные выстрелы, рвутся гранаты. В этом крошечном аду идет переправа артиллерии, автомашин, стрелков. А бой все приближается и приближается к реке. Видим, последние пехотинцы подходят к переправе. Мы тоже пошли к понтону и зовем своего командира взвода.

— Идите, я командир, перейду последним, встретимся на том берегу.

Тут снова налетели бомбардировщики. Меня вот царапнуло: полноги и полруки отхватило. А командир наш, отчаянная голова, считаю, погиб в этом бою.

— Нет, нет. Вы ошибаетесь, он вернется, — возразила Катя.

Но Виктор не вернулся...

Более тридцати лет Ефим Николаевич и Александра Даниловна ждали сына Виктора, надеялись встретиться с ним. Но не дождалось. В 1970 году умер отец, а в 1974 году ушла из жизни и мать. Виктор Куфтин погиб холостым парнем, по нему не проливали слез ни жена, ни дети. Но у Виктора остались родные сестры и брат, восемнадцать племянников и племянниц, много ближних и дальних родственников, друзей и товарищей. Они передали о жизни и боевых делах своего родственника детям, а от них память о герое минувшей войны пойдет в следующие поколения, в народ. А у памяти долгий век, и никогда народ не забудет того, кто отдал за него свою жизнь.

П. Кочегин, член Союза писателей СССР, почетный гражданин города Куртамыш. 1985 г.

ВЗЯТЬ «ЯЗЫКА»

Эти необычные для мирного времени слова были самыми обыкновенными в войну. Пошли за «языком», привели «языка», а иногда и не могли взять «языка» — и такое было у разведчиков. Ведь «языка» взять не так-то легко. Это кропотливый и очень опасный труд. Им были заняты наиболее подготовленные ко всяким неожиданностям солдаты войны. К таким и относился житель села Благовещенского Петр Васильевич Педоренко.

До войны Петр Васильевич учился в железнодорожном техникуме в Ташкенте. Готовился стать электромехаником. В октябре 1941 года прибыл на практику в город Ховаст Сыр-Дарьинской области.

Пришел становиться на воинский учет в райвоенкомат, имея броню как железнодорожник. А здесь ему предложили идти защищать Родину. Не мог гражданин своей страны отказаться, когда над Родиной нависла смертельная опасность. И, не пройдя практики, 22 октября 1941 года Педоренко ушел в армию.

Проучившись шесть месяцев в полковой школе, получил звание сержанта. Потом в маршевой роте сам готовил молодых бойцов строевой подготовке и военному делу.

С июля 1942 года участвовал в жестоких боях под городом Ржевом. Затем бои под Смоленском, где и был тяжело ранен. После госпиталя направлен в запасной полк. Там был набор в разведку. Брали только по желанию.

Прибыл на 1 Украинский фронт в 105 разведроту 117 стрелковой дивизии. Так началась опасная и интересная служба в разведроте.

Ходили за «языком» по очереди небольшой группой. Эта группа, обычно отделение, делилась еще на три части. Две составляли прикрытие слева и справа. Группа захвата состояла из трех или четырех человек. Прежде чем перейти линию фронта, изучалась оборона врага: где огневые точки, минные поля, какой рельеф местности, где безопасней перейти линию фронта.

Но не всегда разведчикам сопутствовала удача. Иногда возвращались с пустыми руками, или же захваченный «язык» не мог дать ценных данных. Шли вновь и вновь.

Однажды, это было на Сандомирском плацдарме в Польше, командованию срочно понадобились разведанные о противнике: готовилось наступление. Но разведчики не смогли взять «языка». Генерал, командир дивизии, так сказал:

— Не возьмете «языка», будем делать разведку боем.

А это значит — лишний риск и неизбежные потери с нашей стороны. Вновь пошли на задание.

Далее, вспоминая, Петр Васильевич рассказывает:

— На этот раз нам повезло. Вместо одного «языка» мы привели трех. А на другой день, боясь ответственности за своих подчиненных,

добровольно перешел на нашу сторону немецкий офицер, в чьем подчинении были эти солдаты.

Всего отделение, с которым ходил на задание Петр Васильевич, взяло 7 «языков», двух из них на своей территории, а остальных — в Польше.

Стремительно наступает наша армия на запад. Враг не в силах сдержать мощный напор советских войск. Лишь ненадолго задерживаясь на естественных водных преградах, фашисты еще как-то организуют оборону.

Город Познань — крепость, в которой укрывалось немецких войск 30 тысяч человек, был окружен нашими войсками. Немцы с упорством обреченных сопротивляются.

Вспоминает Петр Васильевич:

— Однажды ночью в районе города Познани мы трое, я и еще два солдата — Иванов и Чупин — вели наблюдение за противником. Услышали шум мотора приближающейся машины. Вышли из нее двое. Немцы. Мы наставили на них автоматы, быстро обезоружили. Один из них оказался немецким генералом, другой — солдат, шофер. Это была большая и неожиданная удача для разведчиков. Взять генерала — не каждый разведчик мог похвалиться таким. Пленных доставили в штаб. Генерал, как нам потом стало известно, дал ценные сведения об окруженной группировке войск в городе Познани.

За взятие в плен генерала Петр Васильевич был награжден орденом Красной Звезды.

Бои идут уже на территории Германии. Наши войска с боями продвигаются на запад. 21 апреля 1945 года дивизия завязала бои в предместьях Берлина.

Надобности в захвате «языка» уже нет. Разведчики участвуют в боях вместе со всеми бойцами. Уже ясно, что близится конец войны, дни фашистов сочтены. И вот досада — 27 апреля осколком шального снаряда Педоренко ранен в руку: перебита кисть. Товарищи наспех перебинтовали руку, направили в госпиталь, где он и встретил День Победы.

На выполнение заданий разведчики ходили без всяких знаков различия, без документов и наград. Заслуженные награды сержанта Педоренко — ордена Красной Звезды, Славы III степени, медаль «За отвагу» находились в штабе дивизии. Так там и остались после ранения.

Уже после войны на запрос Шумихинского райвоенкомата из наградотдела Министерства Обороны было сообщено, что награды пересланы в Туркестанский военный округ по месту призыва в армию. На этом, к сожалению, поиск и закончился.

И. Алексеев, ветеран войны и труда.

с. Благовещенское. 1985.

УЧИТЕЛЬ, СОЛДАТ

Преподавать Михаил Петрович Алексеев начал в школе деревни Чесноки Шумихинского района в сентябре 1940 года. А перед новым годом был призван в ряды Красной Армии. Думал ли он, педагог, решивший всю жизнь учить детей доброте, человеколюбию, чуткости, что ему придется сначала защищать от фашистских зверей эти человеческие понятия. Нет, конечно.

Но когда фашистская свора по-бандитски ворвалась на землю нашей Родины, Михаил Петрович, солдат Красной Армии, выступил на ее защиту. Строил укрытия для батареи, вручную врубаясь в гранитные скалы Кавказа, строил под разрывами бомб фашистских самолетов, строил, готовясь защищать гордые горы от надвигающейся нечисти.

Вскоре Михаил Петровича назначили преподавателем в школу младших командиров. А затем в составе 81 бригады морской пехоты он ушел на фронт. Два дня потребовалось ему, чтобы в совершенстве овладеть автоматом — грозным оружием в руках морской пехоты, черные бушлаты которой наводили на фашистов ужас. Воевал автоматчиком, затем командиром отделения. Воевал, хоронил друзей, а 3 апреля 1943 года сам был тяжело ранен в голову.

В общей сложности в пяти госпиталях пришлось лечиться ему после ранения. В госпитале узнал о гибели своего лучшего друга.

Подлечился и снова в экипаж. Как грамотного солдата Михаила Петровича назначили в 305 гвардейский минометный полк. На вооружении полка были минометы, которые народ назвал ласковым именем «катюша». По ночам готовил укрытия для своих «катюш», проверял снаряды. После каждого залпа «катюши» меняли место, и снова их тщательно укрывали, уж очень велик был интерес фашистов к ним.

Особенно тщательно маскировали «катюши», когда подошли к станции Крымской. Возле станции проходила очень укрепленная, глубоко эшелонированная, сплошь заминированная линия обороны врага под кодовым названием «Голубая линия». Перед прорывом этой линии несколько часов подряд шел массированный артиллерийский обстрел. Участвовали в нем и «катюши». По словам Михаила Петровича видеть и слышать их слабонервным не суждено. Услышав вой «катюшинных» снарядов, увидев огненные хвосты в небе, немцы бросили свои позиции и бежали за несколько километров. «Голубую линию» наши солдаты прорвали, практически не встретив сопротивления врага.

Освободив Кавказ от немцев, воинские части передвинулись на другие фронты. 305-й гвардейский минометный полк моряков через Москву следует в Заполярье, на Северный фронт.

Север есть север. Снега выше человеческого роста, леса дремучие, болота непроходимые. Везти «катюши» по проезжим дорогам было рискованно. Их доставили лесами, болотами, практически на руках Михаила Петровича и его однополчан. Остановились западнее города Кандалакша, города, через который проходила Северная железная дорога. Отдать эту дорогу — значит, лишиться помощи союзников. Стояли, выполняя приказ: держать оборону Северной железной дороги.

Здесь, в обороне, Михаил Петрович учился топографической разведке. Держали оборону, учились, по двое суток без сна, без отдыха подвозили снаряды для «катюш», предварительно прокопав вручную, лопатами, дороги в двухметровом снегу, очистив площадки от снега для складирования снарядов в самых укромных уголках дремучего леса. Торопились, потому что весной по болотам много снарядов не подвезешь. Здесь, в тени высоченных деревьев в мае 1944 года приняли Михаила Петровича в члены партии.

Летом Северный фронт пришел в движение: началось наступление наших войск. Фашисты отступили, подгоняемые залпами «катюш» 305 гвардейского минометного полка моряков.

1 февраля 1945 года Михаил Петрович перешагнул границу фашистской Германии. Перешли границу, двинулись громить логово фашизма — Берлин.

На пути к Берлину лежала водная преграда — река Одер. 305 гвардейский минометный полк подошел к Одери. На левом берегу реки советские солдаты захватили небольшой плацдарм. Немцы отчаянно отбивались, вели сплошной огонь из всех видов оружия по плацдарму, по правому берегу Одера. Михаил Петрович со своим отделением под непрерывным огнем врага умело определял координаты для огня своих «катюш». За форсирование Одера Михаил Петрович был награжден орденом Красной Звезды.

25 апреля 1945 года 305 гвардейский минометный полк вышел в предместье Берлина. Здесь берлинцы смогли убедиться в мощи «катюш» не понаслышке от своих вояк, а собственными глазами и ушами. «Обычно немцы падали на землю и лежали до тех пор, пока не перестанут «играть» «катюши», — с улыбкой вспоминает Михаил Петрович.

В семи километрах от Эльбы Михаил Петрович закончил свой боевой путь. Родина отметила его ратный труд, кроме ордена Крас-

ной Звезды, медалями «За оборону Кавказа», «За оборону Советского Заполярья» и другими.

В декабре 1945 года Михаил Петрович снова вернулся к своей работе. Начал учить детей в Благовещенской начальной школе. Ученики раздетые, голодные. Писали между строк в старых книгах, тетрадях, заботливо сохраненных Ниной Степановной, будущей женой М. П. Алексеева. Писали чернилами, изготовленными из свеклы и сажи.

«Не удалось фашистам поработить наш народ,— глядя на своих учеников, думал Михаил Петрович,— а детство детей все же отняли». Дети хотели учиться, жадно тянулись к миру знаний, открываемому для них учителями. Но они хотели и есть. Михаил Петрович вместе с учителями Ниной Степановной и Анной Степановной Поповой организовали для детей в школе завтрак. Скромный, состоящий из двух картофелин, но столь необходимый для детей. Все делал Михаил Петрович для того, чтобы хоть немного скрасить трудное послевоенное детство своих учеников.

И в мирные годы верно служит Родине Михаил Петрович Алексеев, инвалид войны третьей степени, пропустивший через свое сердце не одну сотню ребячьих судеб. Вместе с Ниной Степановной они воспитали двух своих детей. Сын Владимир преподает физическое воспитание в школе в Германии, дочь Людмила — библиотекарь в городе Кургане. С годами все сильнее сказывается тяжелое ранение, отдается головной болью. Но Михаил Петрович наряду со своей основной ведет большую общественную работу.

Г. Рыжков.

с. Благовещенское. 1975 г.

КРАСИВО МОРЕ С БЕРЕГА

Старый сельский учитель Михаил Петрович Алексеев, когда житейские дела и заботы позволяют ему передохнуть и подлечиться, старается попасть на Черноморское побережье. Из своей Благовещенки едет он к морю с каким-то вдохновением и радостью.

Сюда, на свидание с местами боевой юности, зовут его память и сердце. В Новороссийске, в декабре 1940 года началась его военная служба матросом-дальномерщиком на артиллерийской батарее береговой обороны Черноморского флота. Его, сибирского парня, обворожили тогда своей красотой могучее море и глубокий город. И служба пришлось по душе за любовь всенародную к флоту, за красивую моряцкую форму, за фортуна, что отдала сибиряку под охрану удивительный по красоте уголок родного Отечества. Все ему здесь нравилось.

«Красиво море с берега» — эти слова не раз слышал молодой матрос от бывалых людей. А через оптику боевых дальномеров оно просто ошеломило Михаила Петровича. Даже сине-зеленые волны при солнечной погоде просматриваются насквозь. Белые барашки на них вскипают пеной.

Смотришь в окуляры и кажется, будто лежит на твоих ладонях сама живая душа этой безбрежной и прекрасной стихии. Море, корабли и чайки... Даже в своей обыденности несут они человеческому сердцу настроение приподнятости и праздника.

Война неожиданно оборвала радость свидания с морем. Заслонившие солнце взрывы, пустые глазницы окон, перепуганные женщины и дети, слезы и стоны — все это было противоестественным красоте моря и зелени садов.

Батарея, где служил Алексеев, глубоко вгрызлась в каменистый берег на самой оконечности полуострова, забежавшего в море. Теперь это место новороссийцы называют Мысом Любви. Тысячи влюбленных парочек назначают свои встречи на скамейках, где у ног шепчется море, а за спиной цветут розы, огнями расцвечен город.

А тогда здесь зенитные пушки своими жерлами стерегли небо. Они первыми встречали огнем немецкие самолеты и первыми испытывали на себе их штурмовку.

На вторые сутки войны, ночью, вдруг завывли сирены. Белые руки прожекторов нервно заметались по небу, отлавливая фашистских хищников. Вот они ухватили в свои ладони чернокрестного стервятника. Он панически рвется из белых лучей в темноту. Но они, как отбеленные холсты, развешаны от небес до самой земли. Содрогаются орудия и земля, огненные трассы уходят в небо.

От самолета отрываются кляксы бомб. И вот уже воеет небо, мечутся ослепительные фонтаны воды, земли и огня, сползают набек-

рень крыши домов. Несколько бомб падают на батарею. Огонь и железо свистят над головами. Спасает то, что глубоко в камни вгрызлись артиллеристы. Нет, не напрасно пот солью выступал на тельняшках матросов, теперь тот труд уберег от гибели живые матросские души.

И так каждые сутки по несколько раз. Бескомпромиссная игра со смертью.

Из этого пекла выхватил Алексева приказ — срочно отбыть в школу младших командиров. Уезжал и с радостью, и будто виноват: ведь другие оставались на этой огненной земле.

А через полтора года приказ так же просто бросил Михаила Петровича в новую смертельную «игру» с врагом. Их 81-я бригада морской пехоты отбивалась тогда от наседавших немцев на северных склонах Кавказских гор. Уже больше месяца с переменным успехом шли изнурительные бои местного значения.

Апрель пришел в долины с солнцем, порадовал солдат теплом и первой зеленью. В природе все пробудилось к жизни. А командование готовило очередное наступление на немцев.

Ротный приказал сержанту Алексеву взять с собой бойца и ползти к немецким окопам. До них метров триста. Где-то там, напротив роты, немцы замаскировали пулемет. Надо было вызвать огонь на себя, чтобы засечь его координаты.

— Шумите, не стесняйтесь, — советовал командир. — Ползайте вдоль траншей, пока фрицы по вам стрелять не начнут. Услышите пулеметные очереди — возвращайтесь к себе, идите прямо на ужин и отдыхать, — говорил ротный спокойно.

Такая «игра» со смертью на войне обычное дело, как и сама смерть.

Они преодолели овраг короткими перебежками. Ящерицами выскользнули из него в низкорослый кустарник. Вот они — немецкие окопы. Сторожко молчат.

У матросов все сжалось внутри. Земля как магнит притянула к себе, не пошевелиться. Тепло под солнцем. Жиденькая зелень листочков над головой. И тишина. Но это притяжение жизни надо преодолеть. И исполнить приказ — вызвать огонь на себя. Значит, надо ползти. Ползти так, чтобы услышали! И разум обарывает тяжесть страха в теле.

Моряки ползут вдоль вражеской линии обороны, позвенькивая котелками, стволами автоматов царапают стебли кустарника...

И немцы слышали. Кое-где из траншей осторожно высовываются каски, из-под них настороженно рыскают взглядом глаза.

Ползут моряки. Их шорох беспокоит немцев. Вот уже стволы винтовок и автоматов ложатся на бруствер. Пулеметный рык разрывает напряжение.

Пули режут над головой Михаила Петровича молодую зелень кустарника. «Так вот ты где окопалась, скорострельная смерть! Теперь берегись!» — размышляет сержант.

Они скатываются в овраг. А немцы всполошились не на шутку. Ударили из минометов. Густо ложатся разрывы. И чувствует Алексеев — теперь безнаказанно не уйти. Вой над головой вжимает его в землю, а близкий разрыв поднимает и несет...

Очнулся, боль и звон в голове. Надо встать, но не слушается рука. Перед глазами все плывет и кружится. Собрав все силы, поднялся и, влоча автомат, побрел к своим.

Из полевого госпиталя на станции Кабардинка их повезли машинами в Геленджик. Каждый ухаб дороги выбивал из сознания.

Очнулся Алексеев, когда началась выгрузка. Госпиталь находился в каком-то бараке на взлобке у моря. Михаил Петрович попросил, чтобы его поддержали, и неотрывно смотрел на убегающее до горизонта море. Солнечные лучи миллионами искр разбивались на морской глади. Они светились ему и когда шла операция...

Город и порт бомбили по нескольку раз в день. Раненых увозили на кораблях в другие, наверное, тихие города. Десятого апреля грузили ранеными огромный транспорт. Санитары подошли к койке Алексеева и не решились брать. Оставили как безнадежного, чтобы место на корабле досталось другому. Уходя в беспамяństwo, он все же услышал проральный гудок парохода.

А через день в госпиталь привезли несколько десятков раненых, подобранных в море. Они рассказали, что немецкие «юнкерсы» потопили транспорт. Несколько тысяч беспомощных людей ушли на дно.

А Михаил Петрович все-таки победил безнадежность и смерть. И вышел из больничной палаты на взлобок к морю.

Оно как и прежде искрилось миллионами солнечных улыбок и звало к себе. Только теперь Алексеев до глубины понял смысл когда-то услышанных слов: красиво море с берега... Но сколько погребено в нем светлых людских надежд — не знает никто.

Михаил Петрович, бывая на юге, каждый раз приезжает сюда, в Геленджик, что по-армянски значит Белая Невеста. Таков он и есть, этот красавец город в весеннем цвету.

Подолгу в молчании стоит старый учитель у причала и смотрит вдаль, где растворились в дымке и ушли в безвестность многие корабли с товарищами по кровавой беспощадной войне.

О чем он думает в эти минуты? Может, благодарит судьбу и тех, кто, посчитав его безнадежным, уберег от гибели? А, может, воскрешает в памяти те жестокие дни, которые и сейчас говорят — Живи и помни... Живи и помни...

Г. Устюжанин, член союза журналистов СССР.
1990 г.

НОЧНОЙ РЕЙС

Долго еще из посеченной осколками левой руки Ивана Степановича Андреева выходили, мучая болями крохотные злые кусочки немецкого металла. Последний (а последний ли?) вышел три года назад, хотя война минула сорок с лишним лет тому. Они как бы постоянно напоминали: «Нет, никогда не уйдешь ты от войны. Она всегда с тобой, хочешь ли ты того или нет».

Да, война, это не только обелиски, документы, награды, но и томительно-бессонные ночи воспоминаний, тупая боль в застарелых, затянутых рубцами ранах. Порой эта боль в руке и покалеченной ноге совсем уж изводит Ивана Степановича, тогда с помощью верной супруги Марии Дмитриевны натираниями да припарками нет-нет и утихомят ее. Наступает облегчение.

Вот в эти-то минуты встает в памяти солдата Великой Отечественной то, о чем так неохотно он рассказывает даже близким.

В марте 1940 года шофера совхоза «Большевик» Ивана Андреева призвали в армию. Служить довелось в танковом полку в городе Станиславе, ныне Ивано-Франковск. Приходилось участвовать в операциях по борьбе с бандеровцами.

За два дня до начала войны Андреев отбросил костыли, начал передвигаться самостоятельно (попал в госпиталь с больной ногой). И вот война.

Как все бесповоротно, жестоко и страшно изменилось! В госпиталь подвозили и подвозили раненых. Выздоровливающих, в их числе и Андреева, срочно выписали. Он кинулся в свою часть, а ее уже нет. Нагнал под Черновцами, сел за баранку автомобиля.

Их танковый полк с боями отходил через Белую Церковь, Киев. На станции Перятин Полтавской области уцелевших бойцов отправили эшеленом на переформировку в Сталинград.

Их обновленный, укомплектованный новенькими Т-34 полк перебросили под Москву, в бои. Водителю санитарной машины Ивану Андрееву приходилось в ночное время делать челночные рейсы: к передовой за ранеными и отвозить их в московские госпитали. Казалось бы, неопасная работа. Однако хорошо помнит, как приходилось в кромешную тьму без света фар (чтобы не засекали снайперы) проводить машину с ранеными. Не забудет, как однажды их из автоматов обстреляли «кукушки» (зброшенные в наш тыл диверсанты).

Автоматная очередь тогда вспорола металлическую легонькую обшивку машины. Вскрикнул и навеки умолк молоденький боец, что раненый метался от боли на носилках. Застыли в обреченности ос-

тальные трое. И только шофер Андреев делал все, чтобы поскорее выйти из-под огня. И это удалось.

Этим и подобными эпизодами изобиловала фронтовая жизнь Андреева. Позднее ему довелось воевать в 31-м гвардейском артполке 1-й гвардейской стрелковой дивизии. На мощной американской машине «студебеккер» он перевозил 76-миллиметровую пушку. Ночами ездили за снарядами.

И вот наступил последний для боевого шофера бой. Сражение утихло только к ночи, но и тьму то и дело прорезали вспышки взрывов. Пушки их артполка усиленно обстреливались, поэтому было решено под покровом темноты срочно сменить огневую позицию.

Иван Андреев «свою» пушку вместе с расчетом уже перевез на новое место. А вот у соседнего расчета возникла проблема: их шофер в темноте ничего не видел, так как заболел «куриной слепотой». Водителю Андрееву было поручено помочь.

И вот уже машина тянет пушку через высокий бугор. А происходит это все в полной темноте, когда включение фар равносильно самоубийству. Шофер, высунув из кабины голову, тщетно старается что-то увидеть впереди. Он чутко вслушивается в подсказки бойцов, что сидят на крыльях справа и слева, ловит команды идущего шагах в четырех впереди солдата.

Сдержанно урчит машина, медленно преодолевая изрытую воронками возвышенность. Где-то в стороне слышны взрывы, сполохи от которых на доли секунды освещают все вокруг.

И вдруг впереди, метрах в двадцати — яркая вспышка взрыва, через несколько секунд — сзади.

«Ну, все, третий — наш. В вилку берут», — мелькнуло в сознании Ивана.

И точно, перед самым радиатором рвануло. Невероятная сила через открывшуюся дверцу вышвырнула водителя в лог.

На взгорке ярко заполыхала машина.

Ударившись о землю, на мгновение потерял сознание. Очнулся, левая кисть исполосована осколками, вся в крови. Как не своя и левая перебитая нога. Увидев ярко горящую машину, через силу, со стоном стал отползать: вот-вот должны взорваться снаряды в кузове.

Уже начало светать, когда его обнаружили и на машине отправили в полевой госпиталь. Пробита голень, пришлось удалять раздробленную коленную чашечку, зашивать левую руку. Так война получила от Ивана Степановича Андреева свою кровавую мзду.

В июле 1943 года комиссовавшись по ранению, он стал работать в Б. Дюрягино в колхозе «11-я пятилетка» счетоводом. Этой профессии

их обучили прямо в госпитале. В 1946 году перешел в колхоз «Красный яр», который через два года возглавил. После объединения в 1950 году мелких колхозов в один — «Березовый мыс» — стал его главным бухгалтером. Позднее трудился в «Сельхозтехнике» инженером по горюче-смазочным материалам, по кадрам, старшим счетоводом; в колхозе «Березовый мыс» — заведующим фермой, один год — заместителем председателя колхоза, снова завфермой, до ухода на пенсию.

Словом, там, где были нужны его опыт, знания, умение работать, там и трудился. А легко ли на этих хлопотных должностях израненному, с несгибающейся ногой фронтовику, догадывайтесь сами. За многолетний труд Ивану Степановичу присвоено звание «Почетный колхозник».

Не упомянули мы еще его наград: орден Отечественной войны I степени, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

Вместе с женой воспитали четверых замечательных детей, радуются внукам.

Вот так человек мирной профессии Иван Степанович Андреев был брошен в мясорубку войны, достойно защищал Родину, на мирном поприще так же достойно трудился, в лучших русских традициях воспитывал детей. На таких, работающих, мудрых и чистых сердцем людях и держится наша страна. Потому она и одолела врага в Великую Отечественную.

М. Лисюк.
1990 г.

ГВАРДЕЕЦ

Как часто мы не замечаем людей, живущих рядом с нами, не задумываемся, что каждый человек — это особый мир. С интересом смотря фильм о Великой Отечественной войне, подчас не обращаем внимания на живых ее участников, которых довелось в свое время полной мерой хлебнуть лиха.

Ф. А. Рыбакову, ушедшему на фронт из родного села Стариково в восемнадцать лет, есть что вспомнить про сороковые роковые годы.

Мы беседуем с хозяином в избе, стоящей в конце деревни Николаевки, где он сейчас проживает. За окном — поляна в яркой зелени, поодаль через дорогу — добротный колодец-журавль, рядом осторожно щиплет траву конь. Под бездонно синим небом, сияющим солнцем картина эта наводит покой, умиротворение.

Но слова бывшего воина нарушают эту идиллию. Под их влиянием окунаюсь в то время, когда народ, страдая и свирепея, напрягался из последних сил на фронте и в тылу. Будто слышу взрывы снарядов, свист пуль, вой мин, пронзительные вопли и стоны.

У Федора Александровича простая, но яркая, сочная речь, быстрое живо встает в воображении.

Командование фронтом отдало приказ взять «языка» на их участке фронта. Дело было под городом Шяуляем. Разведчики, подготовленные за две недели, начали совершать рейды. Но лишь четвертый день принес удачу.

Августовская ночь была беззвездной. Дождило. Всюду — абсолютный мрак. Черная мгла Вселенной поглотила планету.

Но не мистический страх волновал лазутчиков, а чувство реальной опасности: помимо обстрела можно было нарваться на мины. И точила забота — выполнить приказ во что бы то ни стало.

Равномерный шум непрестанно шедшего дождя заглушал все шорохи. Разведчики потеряли друг друга, но упорно ползли к позициям противника.

Вдруг впереди что-то сверкнуло, будто метеорит промелькнул и тут же погас в толще атмосферы.

Федор насторожился. Вновь искорка. Он двинулся туда.

Оказалось, немец захотел курить, а спички вышли, вот он и долбил «катушку», то есть высекал огонь из самодельного кресала. При этом лег грудью на бруствер и накрылся плащ-палаткой.

Делом секунд было оглушить врага, надеть на него специальный мешок. Пленный попался грузный, волочить было тяжело.

Прополз метров семьдесят, дал сигнал зеленой ракетой вдоль по фронту. Друзья помогли дотащить фрица.

За взятие «языка» Федор Александрович был награжден орденом Славы III степени и месячным отпуском.

Добираться домой пришлось на чем попало. Пожить с родными довелось лишь десять деньков, остальные ушли на дорогу.

После прибытия в свою часть (а найти ее оказалось непросто) был направлен в танко-истребительный батальон, так как вначале учился на истребителя танков.

И вновь отличился зауралец. Однажды фашисты предприняли танковую атаку. Когда одна из бронированных машин приблизилась метров на семьдесят, он выстрелом из противотанкового ружья подбил ее. Потом в еще один танк попали. Тут открыла огонь подоспевшая артиллерия, и нападение было отбито.

Орден Красной Звезды получил он за этот бой.

Рассказывает он о войне не так, как о ней пишется в большинстве книг, посвященных этой теме. Все у него выходит намного приземленнее, прозаичнее. О том, как приходилось рисковать жизнью, получать ранения, он говорит как о деле обычном, ничего особенного не представляющем.

Я поинтересовался, помнит ли он свою первую рукопашную схватку, и какие чувства при этом испытывал.

Федор Александрович взглянул голубыми, не поблекшими за годы глазами:

— Да ничего не чувствовал, главное — старались — старались защитить себя да овладеть траншеей. На Юго-Западном фронте это было. Ночью ворвались мы во вражеские окопы, темень, немцев-то плохо было видно. Тут некогда раздумывать-переживать, успевай только штыком да прикладом работай. Я в плечо был ранен, так сгоряча не заметил даже. Хорошо, кость не задело. А того, кто меня ткнул, товарищ прикончил.

Командование отметило доблесть молодого бойца медалью «За отвагу», наградой, которая ценилась не ниже иных орденов.

Случился этот бой в 1943-м в начале сентября. А в начале этого же года их 59-й дивизии было присвоено звание гвардейской.

В разведку он сам попросился. Добровольно и на фронт пошел. Сразу же направлен был в полковую школу в Куйбышевскую область, затем отправка на фронт.

Не понравилось Федору Александровичу то, что к месту боевых действий их повезли безоружными. Только на передовой выдали винтовки и гранаты. Хватило бы, считает он, десанта в десять автоматчиков, чтобы весь состав перестрелять.

Прибыли они под Ворошиловград. Был разгар Сталинградской битвы.

Форсирование Северного Донца, бои за город Краматорск. Тяжелое ранение во время атаки.

После госпиталя отправили в Прибалтику. Вспоминает он, как там была отрезана большая группировка курляндских немцев. Нужно было во что бы ни стало добраться под массированным огнем врага до моря, доказательством личной храбрости служила морская вода, набранная в бутылку.

В конце 1944 года, когда до бывшего Кенигсберга оставалось 30 километров, направили неожиданно нашего земляка в Омск, в танковую школу для подготовки офицерского состава. Вспоминает Федор Александрович, что у многих тогда были иллюзии: вот выгоним врага со своей земли, и войне конец, отправятся домой солдаты. Никак не предполагали бойцы, что и с Японией придется сражаться.

Офицеров из них не успели подготовить, вместо этого послали на Дальний Восток.

Участвовал в освобождении Южного Сахалина.

— Ну, там легче было, — замечает Федор Александрович, — тогда уже у нас полно было вооружения. Очень сильно применяли артиллерию. Самолеты бросали бомбы по тонне весом. После бомбардировки занимаем доты — все целое, а японцы лежат мертвые.

Демобилизовался Ф. А. Рыбаков лишь в 1947 году. Много лет трудится механизатором, был управляющим отделением, бригадиром животноводства. И сейчас, хотя вышел на пенсию, не ушел из совхоза, работает сторожем на зерноскладе. За свой труд награжден медалями «За трудовую доблесть», «За освоение целинных земель», «Ветеран труда», имел много премий, грамот.

В тот день, когда я навестил его, у него было неважное самочувствие.

— Надсадил спину вчера, — сказала его жена, — возился с дровами.

Даже в этом эпизоде видно, что Федор Александрович — достойный представитель поколения, которое ничего не умело делать вполсилы — как на фронте, так и в мирной жизни.

Ф. Чернов.
1990 г.

Бои за Новороссийск в августе сорок второго года с превосходящими силами противника были особенно тяжелыми. Город оставили. Лишь закрепившись на цементном заводе «Октябрь», наши войска сумели выполнить приказ Ставки — остановить гитлеровцев. Не считаясь с крупными потерями в живой силе и технике, враг рвался к шоссе на Геленджик. Войска группы армий «Юг» угрожали через Кавказ Сталинграду.

Радист сержант Петр Зорин корректировал огонь гаубичной батареи 547 артиллерийского полка резерва Главного командования. Артиллеристы хорошо пристреляли свои орудия, и враг, вот уже в который раз атаковав подступы к цементному заводу, оставлял на нейтральной полосе груды металла и исковерканные трупы гитлеровцев.

Не случайно самой выгодной позицией для направления огня майор Соболев считал водонапорную башню, стоявшую между заводами «Октябрь» и «Красный пролетарий». На чердак водонапорной башни Зорин попал вчерашней ночью с помощью роты морских десантников, удачно контратаковавших в районе завода, занятого немцами.

Рота отступила, но прежде помогла радисту поместиться на башне, обезопасив его лишь тем, что сорвала половину металлической лестницы, ведущей из насосной на чердак. Риск был велик: водонапорную башню могла разбомбить если не вражеская, то своя авиация. Ведь погиб же его друг и однокашник Павел Аксенов, вызвавший огонь на себя, когда его окружили гитлеровцы.

С высоты башни открывалась обширная панорама. За заводской оградой догорало около трех десятков немецких танков, всюду зияли воронки, и, казалось, к ним все еще продолжают ползти трупы немецких автоматчиков. Узкоколейка на заводском дворе, развороченная взрывами бомб и снарядов, сиротливо и укоризненно простерла рельсы, словно руки, вслед отбобившимся «юнкерсам». Вагонетки, груженные цементом, а теперь перевернутые набок, а то и вверх колесами, были похожи на кубики детского строительного материала, разобранные и забытые хозяином.

Зорин знал, что после бомбежки передовых позиций немец, словно по строгому расписанию, полезет снова. И, действительно, из-за пригорка донеслись рокот и лязг танков врага.

— «Ладога, «Ладога»! Я — «Вулкан», — передал Зорин свои позывные, которые там, в горах, ждали артиллеристы.

Вскоре в наушниках послышался знакомый голос дежурного по 5-АК лейтенанта Максимова.

— Ожидается работа. Фрицы зашевелились, встречайте, — ответил Зорин.

В полевой бинокль, подарок Максимова, с башни просматривались не только окрестности обоих заводов, но и зеленоватая дымка моря, бухта Сурь, береговая линия мыса Хака.

— «Ладога»! Я — «Вулкан». Слышите? Начинаю работу. Северо-западнее бухты наблюдаю движение танков. Десятка два, не меньше. Даю координаты.

Зорин отметил на километровке точку и передал:

— 33-47. Как поняли? Прием.

— «Вулкан», вас понял, начинаем, — ответил лейтенант.

Зорин на мгновение представил, как командир полка майор Соболев дает команду:

— Батарейам к бою!

И в одну минуту сложенный аппарат полка приходит в движение. Все, от командира полка до подносчика снарядов, обливаясь потом, выполняют одну очень важную и трудную работу на войне. Враг остановлен, теперь его необходимо сдерживать.

Первые снаряды гаубиц 152-го калибра легли с упреждением, но скоро огонь стал плотнее, и бурая дымовая поземка потянулась от моря в горы.

— «Ладога»! «Я — «Вулкан», — стараясь перекрычить грохот взрывов, продолжал Зорин. — 33-49! На броне и за танками пехота!

Разрывы переместились ближе к башне, отсекая автоматчиков от танков. Сначала три, а затем еще четыре танка задымились и вспыхнули, остальные уверенно катились вперед, лениво покачивая стволами пушек. Часть десанта, не выдержав адского огня русских батарей, залегла.

— 34-51! — И вновь шквал огня.

Впереди загорелись сразу два танка, остальные уперлись в огневую стену заградительного огня и, проскочив к окопам передовой, расстреливали свой боекомплект поспешно и яростно.

Их встретил кинжальный огонь «сорокапятков». Батарейцы сделали свое дело. Расчетам «сорокапятков» осталось добить переднюю стаю, что они и сделали. На глазах у Зорина прорвавшийся танк нырнул в артиллерийский окоп и, вздыбив орудие, уже выползал на бруствер, когда соседнее орудие прошило его боковую броню и танк затих навсегда. Земля дыбилась, изрытая снарядами.

«Долго ее не придется пахать», — подумал Зорин и тут же увидел, как один из уцелевших танков идет прямо к башне. От первого выст-

рела водонапорная башня вздрогнула и, как показалось сержанту, стала медленно раскачиваться. В ушах стоял неприятный звон.

«Конец», — промелькнуло в сознании.

Хотя стены выложены из прочного бутового камня, но стоит танку сделать еще несколько таких выстрелов, водонапорная не выдержит.

Но выстрелов больше не последовало. Танк остановился рядом с водонапорной башней, держа ее на прицеле. Стало напряженно тихо. Молчал танк. Молчал Зорин, только из пробоины в баке, журча и хлюпая о цоколь, падала с высоты вода. Донеслась отрывистая немечкая речь. Танкисты говорили о воде.

Зорин понял, что танкисты сделали вынужденную остановку и в данный момент о его присутствии на чердаке ничего не знают. «Хорошо, что морячки сорвали лестницу на чердак», — подумал Зорин и облегченно вздохнул.

Гитлеровцы, залив в пробитый радиатор воды, через минуту убралась восвояси.

Вечером Зорин вновь вышел на связь. Майор Соболев лично поблагодарил сержанта и приказал:

— Уничтожить рацию и с наступлением темноты пробираться к своим! Тебя встретит разведка. Сигнал — три коротких трассирующих. До встречи.

— Ему-то что, — ворчал про себя Зорин, — уничтожить! А мне она стала родным, верным другом. Нет уж, я друзей не бросаю, товарищ майор.

Упаковывая рацию, вспомнил друга, сержанта Аксенова, с которым был неразлучен с самого начала службы — с 1939 года. Вспомнил, как они корректировали огонь своих батарей с высоты у дороги на станцию Джанкой, где было очень жарко, хотя апрель стоял свежим. Тогда они с ротой пехотинцев выступили на передовую. Враг рвался к станции Перекоп. Зорин был ранен осколком в голову.

И осколок-то — тьфу! — меньше дробинки, а попал между бровей, и с той поры стали слезиться глаза, хотя на зрении не отразилось. Аксенов помог ему добраться до медсанбата, где осколок вынули, и Зорин вернулся к своей «старушке»-рации.

— Нет, не оставляю, — твердо сказал сержант и начал собираться.

Первым делом он привязал к крепежной скобе веревку, а вторым концом обвязал футляр с рацией и осторожно начал спускать ее через чердачный люк вниз. Веревки должно было хватить до начала лестницы. Проделав это, Зорин с ловкостью акробата начал спускаться

сам и, когда ноги коснулись лестницы, отвязал рацию, рискуя сорваться. Наконец достиг цементного пола. Пол залило водой из емкости. Пристроив рацию за спиной, сержант на ощупь двинулся к выходу.

Через два часа, вполне благополучно, если не считать пулеметного обстрела, который открыли фрицы, заметившие движение разведчика, Зорин стоял перед командиром полка и докладывал о результатах работы батареи по корректировке.

В настоящее время Петр Васильевич Зорин на заслуженном отдыхе. Тридцать лет он работал учителем истории в Субботинской и Карачельской школах. Его сын Владимир — офицер Советской Армии.

А. Кардаполов.

с. Карачельское. 1975 г.

ВETERАНЫ

Шапки прочь, ветераны идут!
Как шеренги у них поредели,
Как безжалостно годы берут
То, что мы отдавать не хотели.
И Самсонова нет, и Бухарова нет...
Им бы жить в этом мире безбедно,
Но фашистский тротил
Всем им век сократил,
Ведь война не проходит бесследно.
Ветераны войны, ветераны труда —
Это люди особого склада,
Знают цену войне, знают пот целины.
И тому подтвержденье - награды!
Ветераны войны, ветераны труда,
Их заметно ряды поредели.
В этом нет их вины,
В этом нет их беды,
Что до срока они постарели.
Снова в мае — победный салют
И улыбки Отчизну согреют,
Люди долг отдадут, к обелискам придут.
Только чьи-то ряды поредеют.

А. Федоров. г. Шумиха.

1986 г.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

В июле 1942 года немцы рвались к Воронежу. Наша 192 стрелковая дивизия еще в мае прибыла на фронт, но находилась во втором эшелоне. Шли напряженные тренировочные занятия: отработывалась тактика контрудара. Точно мы не знали, какая будет поставлена задача, но чувствовали, что дивизию готовят для нанесения внезапного удара.

Обстановка под Воронежом с каждым днем все усложнялась, и мы недоумевали, почему нас не выдвигают на передовую.

Но вот ночью наш 183-й стрелковый полк был поднят по тревоге. Ускоренным маршем мы без передышки прошли тридцать километров.

На непродолжительном привале комбат нашего третьего батальона кратко объяснил задачу. Полку приказано в течение трех суток совершить бросок на восемьдесят километров и к утру следующего дня занять исходные позиции.

Накормить бойцов на этом привале не удалось: кухни где-то застряли. Двинулись дальше.

Не дождалась кухни и на следующем привале. Голодные, усталые продолжали движение, предстояло преодолеть еще двадцать километров. Люди выбились из сил, некоторые стали отставать.

Только в вечерних сумерках батальон остановился на ночевку. Едва раздалась команда «Разойдись!», как люди тут же ложились на землю и засыпали.

Не успел я разобраться, каково состояние людей во взводе, как по цепочке передали:

— Командира второго взвода третьей роты к комбату.

Приказ получил неожиданный:

— Возьмешь двух или трех надежный человек, пойдешь в разведку.

Где-то поблизости находилась наша танковая группа. Под прикрытием танков нам предстояло рано утром контратаковать противника. А сейчас надо разыскать танкистов.

— Будь осторожен,— предупредил комбат.— Немцы тут совсем близко.

Отыскать ночью замаскированные танки — задача не из легких. Но не менее сложный для меня вопрос: кого же взять с собою? По себе чувствую, что люди очень устали и уже спят.

Но приказ есть приказ, его надо выполнять. Взял с собой только сержанта Ткаченко, проверили автоматы и пошли. Через какое-то

время дорогу нам преградил глубокий овраг. Нашли узкое место и решили прыгать.

Я перепрыгнул, а сержант оборвался, свалился в овраг и вывихнул ногу. Помог ему выбраться и дальше пошел один.

На пути большое поле, высокая, в рост человека, рожь. Идти трудно. Двигаюсь медленно, осторожно. Часто останавливаюсь, прислушиваюсь. Боюсь споткнуться, ибо чувствую, что если упаду — вряд ли смогу подняться. Усталость такая, что под собой не чувствую ног, а идти надо.

Ночь ясная, теплая, тихая. Из жизненного опыта знаю, что тишина всегда обманчива, тем более на фронте.

Вот слева замаячили какие-то силуэты: кусты или копны сена? А, может, это танки?

Направился прямо на них. Вижу перед собой смятую рожь, это след танков. Но след ведет не в сторону видимых силуэтов, а повернул направо.

Иду по следу. Появилась надежда, что скоро достигну цели.

Тишина настораживает и пугает. Нервы напряжены до предела. До боли в руках сжимаю автомат. Зорко всматриваюсь во враждебную темноту. Весь превратился в зрение и слух.

И вдруг сзади схватили меня двое. Попытался вырваться — не получилось, держат крепко.

На какой-то миг сердце остановилось. Попал! Потом сильно-сильно забилось, аж стало слышно, как оно стучит с перерывами.

Схватившие меня молчат, присматриваются. Я тоже бросаю взгляд то на одного, то на другого. Понять по обмундированию невозможно: все мы в плащ-палатках.

Они обшарили мои карманы, но документы я оставил у политрука.

Эти короткие напряженные секунды мне показались вечностью.

— Кто ты такой и куда идешь? — спросили, наконец, по-русски. Значит, свои.

— Ведите к своему командиру, ему скажу, кто я и зачем иду.

— Старшина, — негромко позвал один из них.

Словно из-под земли появился старшина. Видимо, отдыхал рядом во ржи.

Минут через пятнадцать мы были у командира танкистов.

— Передай комбату, — сказал он, — пусть ведет батальон сюда. Наши танки за рожью в кустарнике. За ночь окопаетесь вокруг танков, а утром решим, как нам действовать дальше.

...Июльская ночь коротка, и отдыхать некогда, стали окапываться. Выдали нам сухой паек. Кухни так и не пришли, как потом выяснилось, они попали под бомбежку.

Утром, чуть только рассвело, находившейся рядом со мной командир пулеметного взвода Афанасьев залез на танк и крикнул:

— Вот они, немцы-то!

Оказывается, те темные силуэты, которые я видел ночью, были кустами, а в них находилось боевое охранение немцев с минометной батареей.

Если бы я, разыскивая танки, не попал на их след и не пошел по нему, то попал бы прямо в лапы фашистов. Лишь случайность спасла меня.

А тут нас сразу обстреляли из минометов. Наши танки открыли ответный огонь. Батальон спешно развернулся в боевой порядок и двинулся за танками. Так, почти сходу, уставшие и полуголодные, мы пошли в бой, чтобы выбить немцев из поселка Каменка, находящегося в нескольких километрах от Воронежа.

Бой был исключительно упорный и шел с переменным успехом весь день. Только поздно вечером задача была выполнена: Каменка осталась за нами. Дальше продвинуться не смогли: не хватило сил, сказалась усталость от марша, бессонных ночей.

Поздно вечером подошли кухни. Настроение людей поднялось. Зная, что немцы попытаются вернуть утерянные позиции, ночью хорошо окопались.

На следующий день обстановка изменилась. Наши танки были переброшены в другое место, мы остались одни. На обороняемый батальоном участок двинулись десять фашистских танков. У нас вся надежда была на противотанковые ружья и ручные гранаты.

Первое время огонь противотанковых ружей должного успеха не имел. Когда, грохоча и изрыгая огонь, неумолимо движутся на тебя стальные махины — не у каждого выдерживают нервы. Не хватает выдержки, чтобы хладнокровно и расчетливо бить по наиболее уязвимым местам танка.

На участке обороны соседнего первого взвода танки подошли вплотную к окопам. В них полетели противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью.

Два ближних танка были подбиты, остальные повернули обратно. Это нас ободрило.

Шедшие прямо на нас танки замедлили движение, чем сразу воспользовались бронебойщики. Метким огнем они подбили два танка. Но один упорно лез вперед.

Мой связной Файзуллин бросился навстречу ему со связкой гранат. Но танк вдруг остановился и дал задний ход.

Пехоту противника мы встретили огнем и заставили залечь, а потом она начала отходить.

Так была отбита первая атака. Появилась уверенность в своих силах. Это очень важно.

Вскоре фашисты бросили против нас авиацию. Пикируя, завывали и грозно ревели вражеские самолеты. Наши позиции окутались дымом, земля затряслась и вздыбилась от взрывов. Это стало новым тяжелым для нас испытанием.

Едва прекратила налеты авиация, снова ринулись танки и самоходные орудия, их численность удвоилась.

Но теперь мы встретили их более уверенно, убедившись на примере первого боя, что танки можно останавливать. Своевременно подоспела к нам артиллерия и сразу вступила в бой.

Наиболее трудное положение создалось на участке обороны первой роты. Там гитлеровцам удалось прорваться и проутюжить танками окопы. Однако пехота была отсечена от бронированных машин огнем пулеметов.

Поле боя осталось за нами.

Много еще пришлось изведать нам жарких сражений, но первый бой, боевое крещение незабываемы.

М. Калугин, ветеран войны.

1990 г.

ПАМЯТНАЯ НОЧЬ

Декабрь 1942 года. Идут ожесточенные бои северо-западнее Сталинграда. Враг предпринимает отчаянные попытки вырваться из окружения.

Наш особый кавалерийский полк получил приказ уничтожить группировку немцев восточнее станции Чернышевская. Я тогда был в звании младшего лейтенанта и временно исполнял обязанности помощника начальника штаба полка по разведке и связи.

В ночь на 28 декабря мы впятером пошли в разведку. Необходимо было уточнить места расположения огневых точек фашистов и взять «языка».

Первую задачу мы выполнили, но с «языком», как говорится, пролетели. Взять гитлеровца мы взяли и даже доставили его в штаб полка. Но при захвате сержант Мальшин перестарался и так ударил его прикладом, что в штабе полка немец несколько раз зевнул и отдал богу душу, ни слова не сказав.

— Малодушный попался, — смеясь, сказал сержант.

Но нам было не до смеха, настроение хуже некуда: операция оказалась неудачной. К тому же двое из наших разведчиков были ранены.

Рано утром гитлеровцы предприняли очередную ожесточенную атаку сначала на позиции соседнего полка, а немного позднее и на нас. Создалась трудная, угрожающая прорывом обстановка. Почти одновременно порвалась связь с соседями, а затем и со штабом полка.

Я получил приказ немедленно восстановить ее. Все связисты были в деле, послать или взять с собой некого. И я пошел один.

Участок непрерывно обстреливался. Передвигаясь короткими перебежками, мне все же удалось восстановить связь.

На обратном пути только я поднялся, чтобы сделать перебежку, как осколок разорвавшейся невдалеке мины ударил в автомат и заклинил диск. Второго взрыва я не услышал...

Очнувшись, попытался встать, но не мог. От сильной боли в правой ноге я снова потерял сознание...

Когда снова пришел в себя и огляделся, увидел группу автоматчиков, которые шли в стороне от меня примерно метрах в трехстах.

Кто они, свои или враги? Схватился за автомат, но он неисправен. Сделал резкое движение и снова почувствовал сильную боль в ноге. Понял, что она перебита.

Впервые в жизни меня охватил ужас. Перед лицом неумолимо надвигающейся опасности я был безоружен и беспомощен.

Сильный ветер взвихривал снег и остервенело бросал его в лицо.

Снежная пелена укрыла меня от автоматчиков, и они прошли стороной.

Я почувствовал, что совсем замерзаю и решил обнаружить себя. Будь что будет! Если это враги — добьют, свои — спасут.

Закричал. Кричал до хрипоты, но все было напрасно. Сильный ветер заглушал мой голос.

А по уходящим автоматчикам вдруг открыли огонь наши тяжелые минометы. Значит — враги.

Еще раз огляделся кругом и увидел в нескольких метрах большую воронку от авиабомбы. Но как до нее добраться?

Превозмогая страшную боль, пополз. Подобрал брошенную немецкую плащ-палатку и накрылся ею, когда опустился в воронку. Если гитлеровцы снова появятся, то не увидят — сверху меня быстро занесло снегом.

Более месяца почти непрерывных боев и ранение подорвали мои силы. Хотелось только одного — покоя, пусть даже ценой самой жизни.

«Скорее бы заснуть, — думал я. — Засну, замерзну и избавлюсь от этой страшной боли и невыносимых мук. Спасешь ли ты меня, воронка, или будешь моей могилой?»

Но заснуть не смог. Вдруг вспомнились боевые друзья, родные и близкие люди. Никто ведь из вас не знает, в каком критическом состоянии я нахожусь сейчас.

И страшно захотелось жить. Сделал попытку подняться, но не смог. Словно ледяной панцырь сковали все мое тело. Понял, что замерзаю. Надо двигаться. Начал шевелить руками. И ценой больших усилий сбросил с себя плащ-палатку.

Метель прекратилась. На небе ярко горели звезды. Вспомнилось детство и слова деда:

— У каждого человека есть своя звезда. И если человек умирает — звезда гаснет.

Не верил этому, а все же подумал: «Может быть сегодня звезды так ярко светят потому, что хотят помочь мне выжить?»

Вот одна из них покатилась вниз, оставляя за собой яркую полосу. Не достигнув горизонта, погасла.

«Нет, это не моя звезда, — подумал. — Ведь я еще жив. Теперь немец мне не угрожает, а мороз можно преодолеть».

Напрягая все силы, я сумел выбраться из воронки. Работая руками и здоровой ногой, пополз. Перебитая нога тащилась безжизненной плетью.

Прополз метров пятьдесят, опустился в овраг и обессилел. Сильно захотелось есть. Только теперь вспомнил, что с утра ничего не ел.

В овраге лежали убитые при бомбежке лошади. Они уже изрублены: их уже ели.

Однако мясо сильно застыло, не разжевать. Отрезаю внутренности: легкие, печень — и ем, они разжевываются лучше.

Наглотался мороженого мяса, и меня сильно зазнобило. Надо как-то согреться. Пополз было по оврагу, но сил нет.

Отполз в сторону, прижался к стенке оврага: надо передохнуть. И вдруг услышал — кто-то разговаривает.

Прислушался — говорят не по-русски. Неужели немцы идут по моему следу?

Вижу, в том же месте, где я спустился в овраг, идут двое. Остановились около лошади.

Кто они, свои или чужие? И куда идут? Что делать? Звать на помощь или скрываться?

Пытаюсь зарыться в снег, но это плохо получается: снегу-то мало. Рука привычно нащупала пистолет. Но я тут же вспомнил, что вчера ночью при взятии «языка» разрядил его, осталось только два патрона. А когда пошел на восстановление связи, то забыл об этом.

Какое совпадение — их двое, и у меня два патрона. Но на выстрелы могут подоспеть другие, а у меня не будет патрона даже для себя. Будь хотя бы еще один, не надо было бы думать, что же делать, стрелять или нет? Но, может быть, они пойдут в противоположную сторону, а не ко мне? Или, может быть, не заметят?

Пытаюсь, насколько это возможно, замаскироваться.

Нет, направилась ко мне.

Решил: если это немцы — буду стрелять.

Поравнявшись со мной, остановились.

— Кто тут? — крикнул один.

Значит, заметили.

— Живой или нет?

Молчу, еще не уверен, что свои.

— Если живой, то выбирайся, а то немецкие танки к нам в тыл на три километра зашли.

Это были раненные узбеки из соседнего полка.

— Живой, но идти не могу, — наконец откликаюсь я. — Возьмите меня с собой.

Но они сами едва плелись, поддерживая друг друга.

Я глядел вслед уходящим и думал: «Какие еще испытания приготовила мне судьба? Переживу ли я эту ночь?»